

Александр Харипанчук

Ливенских зорь
отраженье

Александр Харипанчук

Ливенских зорь отраженьё

Стихи. Рассказы

Москва
Издательство
Российского союза писателей
2021

УДК 82-8
ББК 84(2Рос=Рус)
Х20

Харипанчук, А. В.
Х20 Ливенских зорь отраженьё : стихи ; Рассказы / Александр Харипанчук. – М. : Издательство РСП, 2021. – 220 с.

ISBN 978-5-4477-3446-6

«Ливенских зорь отраженьё» – новая книга Александра Харипанчука. В неё вошло более ста поэтических произведений – философские, бытовые и лирические стихи, посвящённые любимому человеку, а также тринадцать рассказов о природе, приключениях и рассказы для детей.

В своих произведениях автор затрагивает серьёзные темы, которые являются актуальными для современного общества. Он пишет также о красоте просторов нашей необъятной Родины и о жизни простого русского человека.

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-8
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4477-3446-6

© Харипанчук А. В., 2021

СТИХИ

Ливенских зорь отраженье

Ливенских зорь отраженье
Нас заставляет грустить,
Память моя с вдохновеньем
Жаждет ей душу излить.

Свет заструился с восхода,
Речку погладил лучом.
Как же чудесна погода
В крае, до боли родном!

С брызгами бликов янтарных
Круг золотой запылал,
Отблеск огней лучезарных
Свод в небесах целовал.

Утром свежо и прохладно,
Дымка над речкой парит.
Время для нас безвозвратно
Юностью нежно манит.

Годы, как птицы, крылаты –
Взмах, и уже седина,
Видятся часто раскаты,
Что пережили сполна.

Сверстники снятся ночами,
Грустно, слеза на глазах,
С кличками и с именами
Детство поныне в сердцах.

Край мой родной незабвенный,
Нежность внутри сохранил,
Помысел мой откровенный
Чувствами суть обнажил...

Нам так не хочется свой возраст признавать

Идём тропой, спешим, всё убыстряясь,
Ругая очень часто в жизни суету.
Превозмогая боль и спотыкаясь,
Лелеем в наших мыслях давнюю мечту.

Мы подчиняемся и подчиняем,
Людской поток, шумя, нас за собой ведёт.
Порою без причины обвиняем
И предъявляем людям непомерный счёт.

Как жаль, что годы наши улетели,
Как птицы быстрые, промчались на лету.
Душа болит, что много не успели,
И хочется поймать ещё с небес звезду.

А за окном деревья запестрели,
Осенней красотой усыпал землю сад.
Ещё на год с ним вместе постарели,
Как жаль, что нам нельзя вернуться чуть назад.

По вечерам склоняясь над тетрадью,
Мы долго думаем, о чём в ней написать.
Вдали река, вода сверкает гладью,
И так не хочется свой возраст признавать...

Жизни суета

Придёт заря, разбудит светлый день,
Который принесёт нам вдохновений.
Уйдёт, ворча, от нас с восходом лень,
И жизнь добавит массу изумлений.

Порывов внутренних нам не унять,
И мысль пока ещё всю витать.
Как должное стараемся принять
Тот факт, что старость тихо наступает.

Пришёл момент, и в жизни суета
Вдруг улетучится, как птичья стая.
В грядущем же пугает пустота,
Но верим в рай, свой разум услаждая.

Не передать всю грусть души своей,
Да и не хочется других тревожить.
Не ждём уже мы никаких гостей,
Пора пришла нам годы подытожить...

Бурлит в миру людской водоворот,
В нём ищем спутников, душой похожих.
Уходит день, и ночь во тьму шагнёт,
Но трудно их найти среди прохожих...

Сентябрь

Сентябрьский день окутает теплом,
К ночи же в гости пригласит прохладу
И лёгким, свежим, с вихрем ветерком
Из жёлтых листьев сделает преграду.

Леса вдали пестреют над рекой,
Переливаясь радугой в округе.
Ушла жара, июльский скрылся зной,
Блаженно растворившись на досуге.

Так хочется отсрочить холода
И сделать перемирие с невзгодой,
Позволив всем, склонившись у пруда,
Налюбоваться чудною природой.

В преддверье холодов стучит зима,
Сезон златой деревья разукрасил.
Развешена цветная бахрома,
Как будто кто здесь в шутку напроказил.

Пернатые, паря, ведут облёт,
Их не пугают зяблых зорь объятья.
Лес приуныл, зимы гонцов он ждёт,
И с ним грустят, соря листвою, собратья.

Ну, а пока открытый солнца лик
Всем разрешил кружить и веселиться.
Лишь слышен птиц в выси протяжный крик
Да вдалеке ноябрь студёный злится.

Недолог час приветливой поры,
Закончится прекрасная погода,
Забьются снегом жёлтые дворы,
И стужа поселится на полгода...

Разруха русских сёл и деревень

Из серых туч нависли облачения,
И над землёй склонилась злая тень.
С печалью вижу в жизни изменения,
Разруху русских сёл и деревень.

Наводят грусть все эти проявления,
Давно здесь сорван над конторой стяг,
И не дождёмся слёз и извинения
От тех, кто обездолил тех трудяг.

Луга осиротели без внимания,
Ушли гурьбой крестьяне в города.
Приходят помаленьку осознания,
Что всех постигла горькая беда.

Со временем забудутся страдания,
И свыкнется через века народ.
Но здоровыми не станут понимания,
Зачем ушёл с земли крестьянский род...

Жажда знаний

Нас манят и влекут предположения,
Но хочется узнать всё до конца,
В наш век больших наук и просвещения
Идут вперёд горячие сердца.

Нелёгко путь идей возникновения,
К открытиям дорожки не прямы.
Но в наше время есть и изменения,
Яснее стали дальние дымы.

К земле доходят бликов отражения,
Вблизи познаний больше, чем вдали,
Стремимся сделать в космос восхождение,
Отбросив подозрений костыли.

Из года в год бежит наука к знаниям
В надежде приоткрыть завесу тьмы.
Но с каждым разом склонность к ожиданиям
Тревожит сильно светлые умы.

Закрытость сфер отсрочит утверждения,
Но ясный взор всё ищет путь вперёд.
А разум, получивший пояснения,
Свой взгляд к познаниям мира повернёт.

Не так легко даются содержания
Ночных мерцаний звёзд и пустоты.
Но ценность в том, что есть у нас желания
И давние, заветные мечты...

Года уйдут, но живы восприятия...

Откроется с годами понимание
На мир вокруг и суету сует.
А нашу грусть, любовное терзание
К утру погасит с радостью рассвет.

Года уйдут, но живы восприятия,
А встречи, что случались под луной,
Напомнят мне душевные объятия
И теплоту, дарённую тобой.

Наш мир большой, достойный изучения,
Но без тебя мне мало дальних звёзд.
Попросим мы с тобой благословения,
Чтоб был меж нами крепкий в жизни мост...

И пусть сердца стучат в одно дыхание,
А жизнь от зла извне защищена,
И наше на двоих одно желание –
Любовь испить из чаши всю до дна...

Чего бояться нам на старости subtilной

Вернулись с детства все мои воспоминанья,
Их старость, заскучав, всех пригласила в дом.
Ей очень хочется сердечного вниманья
И посидеть, чуть-чуть взгрустнув, в ночи молчком.

К давно ушедшим дням мне память дверь открыла,
Напомнила, грустя, отрезок временной
И на минутку вспять воззрится разрешила,
Взглянуть на отчий дом, далёкий и родной.

Всё шире по утрам я раздвигаю шторы
И вижу светлый лес и поле вдалеке.
Намного чаще с грустью в мыслях смотрят взоры
На бывших сверстников, ушедших налегке.

С душой изложены короткие пометки,
Но жизнь свою не перепишешь на листок.
Промчались быстро дни, недели, пятилетки,
Дай Бог, чтоб теплился под сердцем уголёк.

Чего бояться нам на старости subtilной –
Своих земных грехов, скопившихся за жизнь?
Быть может, нас тревожит путь дорогой пыльной,
А может, сокрушает скоротечность тризн...

В открытых окнах шум, там жизнь не угасает,
Забывтой суетой мир всполошил рассвет,
И взгляд задумчивый с надеждой уповает,
Что сохранится в памяти пройденный нами след...

Ещё не осень, а лишь август на дворе

Предутренний туман окутал полумглу,
Забрезжил, проступая, в небе солнца свет,
И ветвь намокшая, придвинувшись к стволу,
Ждёт ласки и душевного тепла в ответ.

Ещё не осень, а лишь август на дворе,
Но так заметны перемены на лугах.
Цветы пожухли, воздух стынет на заре,
И листья от росы с рассветом все в слезах.

Ждёт перемен сейчас природа в летних днях,
Приход прохладных зорь в округе на слуху,
Прошла потребность в освежительных дождях,
Хотя в пыли всё на заезженном шляху.

Дождёмся осень и морозец на траве,
Придут потом дожди, за ними холода.
Со временем весна в цветастом торжестве
Из жизни вычтет год, ушедший навсегда.

Нам лет прошедших жаль, с подсчётами иль без,
Печалит зрелый вид у близких нам людей.
Приходит робко мысль пойти наперерез,
Но движет нами цель возвышенных идей.

Нам некогда присесть, торопимся вперёд,
Но грусть, застав врасплох, попросит отдохнуть,
А прошлое порой настойчиво зовёт
И приглашает пыль усталости стряхнуть.

Ни облачка в далёких синих небесах,
Не предвещает день ненастий и штормов.
Пора замедлить ход, но мчусь на парусах
С большой надеждой к благосклонности ветров...

Нам странности в политике знакомы

Нам странности в политике знакомы:
Вся суть – закрыть на истину глаза,
Впоследствии воздвичь себе хоромы
И меньше думать, что придёт гроза.

Предвыборную жаждут атмосферу,
Ажиотаж гоняет в жилах кровь.
В двух буквах «за» им делают карьеру
И ошибаются всё вновь и вновь.

У слуг народа выборы – основа,
Работа до и после не важна.
В пылу речей обещанное слово
Действительности часто лишена...

Народу позволяют выбрать лично,
Без принуждений, чисто от души.
В кабине записать, а не публично,
Чтоб исключить в дальнейшем виражи.

Что происходит дальше, непонятно,
Избранник отстранился от людей...
Ушло вдруг пониманье безвозвратно –
Опять плакаты, сырость площадей...

Не странно ли: все выбранные нами
В грехах погрязнут через пару лет.
Скорей всего, мы виноваты сами –
Загадочен ментальности секрет...

Останутся пусть лишь воспоминанья

Открою дверь, и сумрачная ночь
Обнимет мраком вмиг, без промедлений,
А злая тьма, часов кромешных дочь,
Добавит неприятных ощущений.

Туман с росой, спустившись с высоты,
Стал чуть седым от лунного сиянья,
И ощущение вязкой темноты
Доводит до больного состоянья.

Вчерашний день надежду приносил,
Открытый взгляд твой тешил пониманьем.
Но слух о лжи меня захолодил
И вычеркнул тебя в моём сознание.

Не состоялась встреча у пруда,
Сижу в обнимку с грустью и печалью,
Ушла любовь, как талая вода,
Исчерпанная беспросветной далью.

Уймётся боль, и раны заживут,
Оставив лишь одни воспоминанья.
Но, не спросясь, вдруг в памяти всплывут
Твой милый взгляд и наши обещанья...

Смятения забудутся с утра

Перрон бурлит, там множество людей,
Все строго ждут свой час по расписанию.
Ночная мгла и сырость ноябрей
Прикрыла всё вокруг печальной дланью.

Но суета вокзальная уйдёт,
Колёсный стук заглушит часть терзаний,
И неизвестность вдаль вдруг позовёт,
Прибавив в будущем воспоминаний.

Состав пройдёт, и свет от фонаря
Отбросит тень в далёкий сумрак ночи.
Душа не спит, ей хочется огня,
И светлых дум она на завтра прочит.

Волнения оставят лёгкий след,
Нахлынувший туман затмит сознание,
Но мысль вскружит предутренний рассвет,
И в сердце затаится ожидание.

Смятения забудутся с утра,
Но через день наскучит неизменность.
Вдруг ни с чего вспылит внутри искра
И надоест привычная степенность...

Лето

Играют птицы, весело порхая,
В открытых окнах шум и суета,
Для них природа – с кормом кладовая,
С весны округа ими обжита.

Погода, накалившись, вдруг заплачет,
Прольёт немного дождика с утра.
Барометр неожиданно подскочит,
Предскажет с тёплым фоном вечера.

В ночной тиши прохлада всех обнимет,
Подарит радость утренний рассвет,
Заря, искрясь, туман с реки поднимет,
Вдали покажет горный силуэт.

Прекрасно время, чудная погода,
Что на реке, в полях и на лугах.
Как жаль, что это лето на полгода,
Зима придёт – и будет всё в снегах.

Ну а сейчас веселью нет предела,
Шалют вовсю зверьё и детвора,
И так весь день, пока не догорела
Последняя закатная искра...

Внутри поют февральские метели

Женские переживания

Любимый мой, мы песню не допели,
Весна пришла, а нам не до неё.
Кружились мы в словесной карусели,
А в жизни получилось, что враньё.

Молчали о минутах тех прожитых,
Всё подбирали нужные слова
О нежных чувствах, насовсем забытых,
Но так хотелось в жизни волшебства.

С тобой я холодов не замечала,
Внутри горела яркая искра,
И часто я на крыльях улетала,
В мечтах витала долго, до утра.

Тех дней забыть я не могу вовеки,
От прошлых чувств лишь боль в моей груди.
От горьких слёз не высыхают веки.
Прошу судьбу: ты только не суди.

Открытость дум печалит, как в неволе,
В переживаниях разбавляя грусть.
Все мысли о душевном произволе,
И стыдно мне, что в этом признаюсь.

Со временем озноб мне внутрь пробрался,
Сковал мне сердце утренний мороз.
Ты не пришёл, на занятость сослался
И промолчал, услышав мой вопрос.

Как жизнь сложна и думки одолели,
Их не сокрыть, так рвутся из груди.
Внутри поют февральские метели,
А разум тихо шепчет: подожди...

Проснётся и в душе наступит радость

Ночная мгла нас с памятью сводила,
Сердечной болью за душу брала,
Под утро целиком заполонила,
К минувшему за ручку повела.

Но день придёт, в безоблачном пространстве
Померкнут звёзды, улетая вдаль,
Заря возникнет в радостном убранстве,
Уйдёт с рассветом лёгкая печаль.

Проснётся и в душе наступит радость,
Спокойствие подарит Божий свет,
Покинет вместе с сумраком предвзятость,
Очертится неясный силуэт.

Надеемся, что уплывёт невзгода,
Ночные мысли отойдут назад,
Возрадуемся синью небосвода
И позабудем череду досад.

Мы ждём с утра, что день пошлёт нам праздник,
Откроет с добротой на мир глаза
И солнца луч, помощник и участник,
Стремглав взлетев, покажет чудеса...

Побагровели небеса, с востока...

Побагровели небеса, с востока
Потоки красок ринулись к земле;
Не выдержав светящего наскока,
Тьма растворилась в серой полумгле.

Открылись вдруг невиданные дали,
И сумрак разделил со светом власть,
Остались лишь чуть лёгкие печали
И дрём ночных предутренняя часть.

Огнём от солнца знойно запылала
Поверхность на изгибистой реке,
А дымка, что с ночи здесь отдыхала,
Вдруг растворилась в дальнем тростнике.

Окрестность в красках жарких полыхала,
Круг яркий нежно горизонт обнял,
И трепетность земля вдруг испытала,
Как будто кто-то этим управлял.

Запели птицы за прибрежным лесом,
Проснулось всё в округе за рекой,
И зародился день, своим процессом
Развеял ранний, утренний покой...

Наши взоры

Нас в будущее манят наши взоры,
Но затуманен и закрыт нам в завтра взгляд;
Куда ни глянь, стоят кругом заборы,
Высок и сильно крепок частокола ряд.

Не перелезть, но мысль стучит и бьётся,
Ей очень хочется наверх быстрее вспорхнуть,
Нам нелегко познание даётся,
Но жажда поиска не сможет отвернуть.

Затеряны среди звёзд в немом пространстве,
Неудержимо ищем среди других планет
Себе подобных в явном постоянстве,
Чтоб был земной у них в умах менталитет.

Но тщетно, в неопознанных просторах
Лишь тишина вверху да блеск далёких звёзд.
А на земле всё чаще в умных спорах
Всерьёз ведут учёт космических борозд.

Не побороть возвышенных стремлений,
И с пылкостью ума так трудно совладать,
Нам снится тень грядущих отражений,
И страстно хочется судьбе вопрос задать...

Жаром пылает повсюду округа

Льются потоки от яркого круга,
Солнце повисло кровавым кольцом,
Жаром пылает повсюду округа,
Воздухом давит, как будто свинцом.

Ждали с надеждой тепла и погоды
С зимне-весенних невзрачных времён,
Ну а сегодня в огне небосводы,
Дождика нет, он с утра отменён.

Птицы затихли, в ветвях тополиных,
В листьях укрылись на самом низу,
Лишь по тропинкам из лент муравьиных
Можно понять и предвидеть грозу.

Скот на лужайке с пожухлой травой
Тихо улёгся поближе к ручью,
Ни ветерка, жар звенит тишиною,
Время прибиться поближе к жилью.

День накалён, зной окутал природу,
Не предвещая желанных прохлад;
Живность замаялась, ждёт непогоду,
Тихо бредёт через луг наугад...

Вечер все ждут, но придёт он не вскоре,
Жажда терпенью экзамен сдаёт,
Лишь в высоте, будто в плавном дозоре,
Гордый орёл совершает полёт...

Когда устанем жить

Нам слава ни к чему, когда мы постареем,
Когда устанем жить, потянут вниз года.
Мы постараемся и лишнее отсеем,
И пусть нас не тревожит мыслей череда.

Присесть на полпути судьба не позволяет,
Торопит, несмотря на наш уставший вид
И очень тонко и подробно объясняет,
Чтоб не держали зла и возрастных обид.

Утихнут недовольства, возраженья, споры,
Спокойствие с утра застанет нас врасплох,
И устремятся вверх задумчивые взоры,
Подступит сразу грусть и дум переполох.

Всё тоньше и душевней длятся разговоры,
Порой плохая весть заставит нас взгрустнуть,
Стараемся слегка расширить кругозоры,
Но щиплет вдруг глаза, и хочется всплакнуть.

Да, жизнь изменится, привыкнем ли, не знаем,
Печалимся порой и с грустью мыслим вслух,
Не спится по ночам, всё чаще замечаем,
Не хочется торжеств, и взгляд слегка потух...

С тревогой на душе свой календарь листаем,
Отбросив всю печаль, с надеждой смотрим вдаль,
Как все, грядущее с волнением ожидаем
И провожаем дни, которых нам так жаль...

Устои рушатся

Обиженные жаждут покаяний,
Всплывают в памяти униженные дни
И требуют неведанных признаний
С приказами – колени преклони...

Ушёл покой куда-то безвозвратно,
Либерализм не оправдал надежд,
Куда идти, не знают – непонятно,
Как вразумить озлобленных невежд.

В миру – не в дружбе – жили долго вместе,
Сейчас хотят устоям забытья,
Объединились в мировом протесте,
Чтоб изменить текучесть бытия.

Желанье есть всех разделить по расам,
На каждый материк – один народ;
Учитывая принадлежность к классам,
Получится занятный эпизод...

Быть может, разум планетарной сферы
Сошёл на землю перестроить мир.
Не допусти, Господь, подмены веры
И укажи для нас ориентир.

Поверь

Поверь, что без тебя я не смогу
И без любви твоей я задыхаюсь.
Я на всю жизнь те чувства сберегу,
Сегодня же во всём тебе признаюсь.

Мне хочется тихонько приобнять,
Ладонью нежно локон твой поправить
И вместе под луною помечтать,
Огнём своим твой лёд в душе расплавить.

Мне нет покоя, истинно томлюсь,
Решился окончательно признаться,
Нежданно пред тобою появлюсь,
Негоже малодушно мне стесняться.

Настанет вечер, взгляд очей твоих
В душе моей покоем отразится,
А запах трав весенних луговых
До старости глубокой сохранится.

Пройдут года, мы вместе у окна
Тепло друг к другу нежное питаем,
Заботой наша жизнь окружена,
И свой роман мы вместе дочитаем...

Возраст наш несёт воспоминанья

Мы были когда-то немного другие,
Деревья повыше, длиннее верста.
Душою, не телом безмерно нагие,
И были добрее, а совесть чиста.

Ложась, не боялись, что, утром проснувшись,
Ненужными станем стране у станков,
Не думал народ, что страна, отвернувшись,
Прибавит до пенсии малость годков.

Народные массы, налево качнувшись,
Восприняли дружно в стране новизну,
Правительство, сутью в законах прогнувшись,
Надуло прибоем с Европы волну.

Измены не ждали, но так получилось,
А нам рассказали, что выдохся строй.
И как-то невидимо всё растворилось,
А опыт душевный ушёл нажитой.

Реформы без бунта прошли, незаметно;
С трудом, но привыкли по-новому жить.
Вопросов не стало, ушли безответно,
И некого в этом сейчас обвинить.

Вот так и живём, осуждая реформы,
Жалеем немного, что нет СССР,
Партийных слоёв обсуждаем платформы,
Терпеньем своим подавая пример...

Дай Бог нам не просить

Дай Бог нам не просить, не умолять,
Лишь отдавать своё, не брать чужого,
За честь свою геройски постоять
И избежать пожара мирового.

Пусть сохранит Всевышний нас от бед,
А человек пусть станет человеком,
Оставив за собой лишь добрый след,
Не ограничив жизнь планеты веком.

Немногого для жизни попрошу:
Пусть будет день и небо надо мною,
Я буду рад простому шалашу,
Где от дождей я страждущих укрою.

Как бы прожить без зла и суеты,
Терпеньем запастись на всю дорогу,
Не спорить без причин до хрипоты
И возвращаться к отчему порогу...

Судьбы удел – грядущего печали

Нам жизнь дана для добрых, светлых дел.
Как жаль, что путь земной у нас не вечен!
Нам бы прожить, чтоб дух не ослабел,
А помысел был честен и сердечен.

Как разобрать нам грань добра и зла?
Но мы стараемся, смысл познавая.
Порой реальность жизни нам страшна,
Но принимаем, тяжело вздыхая.

Мы подвиги стараемся вершить,
Но не достигли все больших признаний,
И так привыкли мы вперёд спешить,
Что устаём от горестных скитаний.

Вот так смиренно проживая дни,
Мы наперёд не знаем, что случится,
Вдали лишь светят слабые огни,
Да иногда сон вещий нам приснится.

Мне б приоткрыть завесу на чуть-чуть,
Услышать шёпот завтрашних терзаний,
Чтобы успеть немного отвернуть
От будущих опасных предсказаний.

Заранее не суждено нам знать,
От ожидания гроз слегка устали,
И остаётся смело нам встречать
Судьбы удел – грядущего печали...

Зачем бежим?..

Задумчиво склонюсь я у окна,
Сидеть здесь каждый вечер мне приятно.
Вокруг безмолвие, и тишина
Уносит мглою вечер безвозвратно.

Окину взглядом сад, что под луной,
Который по-волшебному искрится,
И свет по листьям скачет голубой,
Он на всю ночь, к утру лишь растворится.

Притихший ветер на лужайке сник,
Угомонились поздние пичужки,
Лишь слышно – за горой журчит родник
Да на пруду кричат всю лягушки.

Пришедших мыслей трудно не принять,
Те, не спросясь, минувшее являют,
Я не пытаюсь от себя их гнать,
Они подчас мне душу окрыляют.

Мы с памятью грустим порой вдвоём,
Назад бежим, себя там вспоминаем,
Плывём высоким белым кораблём,
Спешим, как дети, шаг свой убыстряем.

Зачем бежим, кто ждёт нас позади,
Перебирает прошлые там годы?
Мы просим время: нас ты не суди,
А приюти в тепле от непогоды...

Скрип петель

Не открыть мне ту дверь без ключей,
Где находится дальняя даль,
Грустный клёкот вверх журавлей
Навевает безмерно печаль.

За окном нависают дожди,
Нет просвета, день в тучах повис.
Ты меня ни за что не стыди,
Нам не склеить разбитый сервиз.

Не вернуть нам душевный огонь,
Жар ушёл, поостыли угли.
Очень трудно уйти от погонь,
Коль дороги в тупик завели.

Стук сердец биться стал вразнобой,
Мысли вдруг улетучились врозь,
Дождь прошёл, как всегда затяжной,
Промочил бессердечно насквозь.

Но, даст Бог, непогода уйдёт,
Солнце выйдет, светя, из-за туч.
Может быть, на сей раз повезёт
И найдётся потерянный ключ.

Скрип петель мне надежду подал:
Вот оно, наконец-то сбылось.
Не пошёл, что есть сил побежал,
Сердце стуком наружу рвалось...

Обниму

Я открою пошире окошко к ночи,
С нетерпением жду и волнуясь,
Ты сегодня мне ключик от сердца вручи,
Наконец-то тобой налюбуюсь.

Очарован, пленён я тобою давно,
Светлый день всё к закату толкаю,
Чтобы встретиться нам, когда будет темно,
В мыслях к встрече часы прибавляю.

Ветерок, по верхушкам промчавшись, затих,
Ствол дрожит и ветвями качает,
Я с годами, влюбившись, вдруг явно постиг,
Что душа без тебя изнывает.

Потемнело, прохладнее стало в саду,
Солнце скрылось, лишь зарево всплыло,
Я с улыбкой к тебе по тропинке иду,
Время встречи с тобой наступило.

Обниму и прижмусь я к тебе, заскучав,
Понесу на руках на подъёме,
А в открытом окне шёпот нежный дубрав
Встретит радостно в будущем доме...

Ветеранов с Победой

Усталость ноши прошлых лет
Сквозь призму времени всплывает,
Багряным был войны рассвет,
До сей поры в груди пылает.

На майских праздниках глядим
На ваш портрет на постаментах,
Ваш подвиг воинский храним
В душе в подробнейших моментах.

Нависших туч и мрачных бед
Познал народ тогда в годину,
Когда страна, вздыбив хребет,
Ломала беспощадно спину.

Сплочённость веру вам дала,
Призывом ратным прозвучала,
Вздыбилась Русь и в бой вела,
Со смертью многих повенчала.

В тылах, как все на рубежах,
С врагами у станков сражались,
Угля и стали в тоннажах
Добыть и выплавить старались.

Был тяжек женский труд в полях,
По всей России хлеб растили,
С сохою на своих плечах
И сами на лугах косили.

В глазах у матерей тоска,
И боль в груди не отпускала,
Их доля без мужчин хрупка,
Но трудность жить не испугала.

Людская боль войн мировых
Потомкам в сердце отдаётся,
И в День Победы слёз скупых
Немало по стране прольётся.

Спасибо дедам и отцам
За ратный труд и за терпенье,
Поклон защитникам, бойцам,
Примите наше поздравленье...

Мы жаждем тайну приоткрыть

Смотрю я с интересом на людей,
Переосмыслить жизнь свою пытаюсь,
Понабросал я смолоду камней,
Сейчас собрать их в холм намереваюсь.

От скрытых тайн порой неволю,
Так хочется познать людские души,
Как будто в бурю, в море, на плоту
С надеждой я искал кусочек суши.

По сути, мы все в поисках живём,
Стремимся и с надеждой уповаем,
Скорей всего, секрет мы не найдём,
Но ищем, не найдя его, страдаем...

Мы бьёмся лбом в крошечной темноте
И жаждем тайны приоткрыть земные,
Наш дух, стремясь к безоблачной мечте,
Всё рвётся вдаль сквозь дебри вековые...

Наш путь земной рассчитан на двоих

Любимая, зачем в саду цветы
С таким восторгом нынче расцветают?
Я без тебя не вижу красоты,
Все мои мысли в облаках витают.

Не открывать я сердца не могу,
Но, приоткрыв, тебя я вспоминаю,
Уйдя в себя, всё в грёзах берегу,
В воображеньях трепетно ласкаю.

Терзаний час отображают дни,
В душе моей являют бесконечность.
Прошу, восход, печали разгони,
Мне кажутся полдня разлукой вечной.

Наш путь земной рассчитан на двоих,
Иначе мы его не представляем,
Всё во вселенной значит просто штрих,
Но мы с тобой часами жизнь считаем.

Под утро, пред зарёю задремал,
Тебя сегодня так и не дождался.
Во сне твой образ милый рисовал
И с восхищеньем молча любовался...

Прекрасен день, но воздух накалён...

Весенней теплотой дохнул апрель,
И много птиц в округу налетело,
Снега ушли, закончилась капель,
Спасибо солнцу, всюду преуспело.

Берёзка, что стояла на ветру,
От холода студёного дрожала,
Сегодня, вдруг проснувшись поутру,
Листочками блаженно задышала.

Зазеленели нежно бугорки,
Поднял головку жёлтый одуванчик,
Ожили, по ночам поют сверчки,
И суетится с радостью тушканчик.

Пришла пора, и майские жуки
Готовятся повылезать из норок,
Их жизни непомерно коротки,
Отмерены примерно дней на сорок.

Сошли с полей кривые ручейки,
Вода, журча, в низины вся собралась,
В болоте повзрослели тростники,
Природа наконец тепла дождалась.

Прекрасен день, но воздух накалён,
И люди в этот год полны тревоги.
Весь мир большой печалью потрясён,
А меры над людьми сегодня строги.

Даст Бог, уляжется вся эта суета,
Покинут всех болезни и невзгоды,
Людская жизнь поистине свята,
Так пусть всегда нас радуют восходы...

Уйдут года...

Уйдут года, проторенный маршрут
Идти потомкам следом помогает;
Где был пробел, своё воссоздадут,
Коль трудность выбора не испугает.

Спокойствие тогда, когда душа
Открыта и тихонько отдыхает,
И вдалеке с изломами гряда
В нас страха за подъём не вызывает.

Когда в тиши встречаешь светлый день,
Любуясь на закаты и восходы,
То с лёгкостью всё выше на ступень
Возносишь незапятнанные годы.

Жизнь подарила светлый день и ночь,
Волнений нам с избытком и тревоги,
Терпенье, чтоб всё это превозмочь,
И с памятью прошедшие дороги.

Как жаль, что у начала есть конец
И что когда-то завтра не наступит,
Но встанет солнце, выйдет так же жнец,
А мать, как прежде, чадо приголубит...

Грядут большие перемены

На перестроечный момент
Смотрели люди восхищённо,
И многим по душе стал цент,
А многим власть та незаконна.

С вопросом сам к себе: зачем
Сломали жизнь своим потомкам,
Прибавили полно проблем,
Приведших к нищенским котомкам?

Надежда к рынку подвела,
Капитализм не получился,
Неразбериха ожила,
Валютный знак укоренился.

В годину трудную народ
Стремится от беды сплотиться,
Лишь хитрый дядя свой доход
За океан – и в Кремль стучится.

Не оправдать нам тех людей,
Их жадных взглядов и влечений,
Пустых, с обманом к нам речей
Для личностных обогащений.

Страна затихла, смотрит вдаль,
Из окон никого не видно.
На лицах мрачная печаль,
За девяностые обидно.

Как будто за грехи с бедой
Столкнулись, ждут все перемены,
Возможен блеф очередной,
Но хуже – с перегибом крены...

Пришли к излому времена,
Настанут истины моменты,
Как знать, быть может, соцстрана,
Напомнив, выдаст аргументы...

...

Переосмысленность нужна,
Пришла пора всем обнулиться,
Планета вся поражена,
Необходимо обновиться...

Зарождение любви

Обещай мне теплом одарить
И согреть моё сердце словами,
Без тебя не смогу я прожить,
Мы так схожи с тобой полюсами.

Но не буду тебя торопить
Принимать сверхсерьёзных решений,
Знаю точно: нам врозь не прожить,
И так жду пылких чувств проявлений.

Зарождаясь, любовь в небесах
Превращается в суть восприятий,
Налетавшись в далёких мирах,
Дарит нежность душевных объятий.

Соловьиными трелями ночь
В мир Божественный нас направляет,
Унося неприятности прочь,
На духовный союз вдохновляет.

Томно тянется время до встреч,
С нетерпением восходы встречаю,
Не боясь свои крылья обжечь,
Я всё выше и выше взлетаю...

По ночам часто грусть без причин...

Я с собою ищу компромисс,
Убаюкивать память пытаюсь,
Но не спится ей, в сонме реприз
Она бодро глядит, улыбаясь.

Время лечит, сказал нам мудрец,
Намекая на долгие годы.
Но где толк, что больной под конец
На минуту отбросит невзгоды?

Заарканить бы нам злую боль,
Тёмным мыслям закрыть все проходы,
Над сознанием сделать контроль,
Терпеливо ждать добрые всходы.

Научиться с любовью прощать,
Сбросив с сердца увесистый камень,
Грязь с души терпеливо счищать
И с достоинством сдать свой экзамен.

Но всё мчимся мы вниз по реке,
Забывая о страшных порогах,
Застывая в высоком прыжке,
Растворяемся в вечных тревогах.

По ночам часто грусть без причин
Тянет сильно нас в прошлые годы,
Журавлей белый вижу я клин
Да вдали в облаках небосводы...

Нам нужна сплочённость

На весь мир навалилась печаль,
Вирусологи шлют нам угрозы,
Ясность мыслей накрыла вуаль,
Так нерадостны нынче прогнозы.

Дух наш рвётся в закрытую дверь,
Что ведёт с казематов наружу,
Но там спрятался гибельный зверь,
Напуская на вышедших стужу.

Жажем все мы увидеть моря,
Смело рвёмся к ним в дальние дали,
Но нас держат внутри якоря
И стреножат в томленьях печали.

Мы привыкли спокойной порой
Согреваться под солнцем лучистым,
А в застенках наш дух рвётся в бой,
Телом мчится он вдаль мускулистым.

Сердце жаждет большого костра,
Угольки нашу душу не греют,
Мы боимся, что сглохнет хандра
И в дальнейшем сердца охладуют.

Но сегодня смысл здравый важней,
Хотя трудно сейчас без свободы,
Нам в стране нужно жить подружной
И, сплотившись, осилить невзгоды...

Мы ищем тайный, скрытый след...

Не можем возразить судьбе,
Бодримся, дух свой вдохновляем.
Мы с совестью порой в борьбе,
А проиграв, в душе страдаем.

В мечтах и мыслях до небес
Устремлены у нас надежды,
И с предвкушением чудес
Становимся мы безмятежны.

Но рвёмся, рвёмся мы вперёд
И, с каждым днём шаг убыстряя,
Все знаем, что нас дальше ждёт,
Но всё бежим, не видя края.

Зачем бежим, кто скажет нам
Всю важность жизненных стремлений?
Все отдаём мы дань векам,
Остерегаясь поражений.

Бесстрастно ищем скрытый след,
Надежда к цели направляет,
А ранний утренний рассвет
Маршрут нам дальний начертает...

Спасибо, жизнь

Спасибо, жизнь, что к нам приходит день
И светит ярко солнце над землёю.
Что наша память часто, будто тень,
Заходит в гости с утренней зарёю.

С рассветом осветляет берега
Родной до боли небольшой речушки
И насыщает светом округа,
Спускаясь вниз с берёзовой верхушки.

Благодарим за хлеб и за еду,
За мир над головою и свободу,
За то, что путеводную звезду
Увидели в ненастную погоду.

Довольствуемся данной нам судьбой,
Лелеем деток, век свой доживая,
Заботимся с душевной теплотой,
Тихонько внука с внучкой обнимая...

Бежим вслед за судьбой

Наш путь мирской похож на суету.
Со дня рожденья век свой проживая,
Мы меряем невзгодами версту,
Смотря вперёд, всё шаг свой ускоряя.

Зачем спешим, мы спросим под конец,
Усевшись под тенистою берёзой,
И нужен ли блистательный венец,
Вдруг оказавшись только лёгкой прозой.

К чему стремлюсь я, – истину ищу,
Сдирая на руках своих всю кожу,
Порой с боязнью, тихо всё шепчу,
Молитвами Всевышнего тревожу.

Мы свою жизнь итожим пред собой,
Но чаще всё на Бога уповаем
И с лёгкостью бежим вслед за судьбой,
Как будто ни за что не отвечаем...

Мысленная фантасмагория или творческая фантазия

Душу растрепали отголоски жизни,
Всех накрыла тихо тайная печаль,
Слухи о болезни на весь мир повисли,
Вмиг распространяясь от Китая вдаль.

Непонятность тащит нервными сетями,
Головы забили страхом и тоской.
Досаждают часто жуткими вестями,
Предрекая близкий мировой застой.

В чём здесь ухищренья, где сокрыта тайна
И какой нам казус выкинет судьба?
К веку безрассудства, видно, не случайно
Всю планету нашу привела тропа.

Что за тайны скрыты, скреплены печатью,
Может, кто готовит Землю для других?..
Тем, кто прилетели, с межпланетной знатью
Подготовить климат нужный для своих.

Сердце от волнений мраком донимает,
Мир лишён рассудка, видно, навсегда...
Может, подозренье в космосе витает,
Ну а может, просто в мыслях суета...

Навеяло безмолвие печаль

Наброшена багряная вуаль,
Закончен день, и солнце угасает.
Стемнело во дворе, и будто шаль
Потёмками округу накрывает.

Сад приутих, к нему стучится ночь,
Верхушки яблонь ветерком качает.
Но свет луны отгонит темень прочь,
Свой белый лик повсюду разбросает.

Роса осела с неба на листве,
Прохладит куст небесными слезами,
А поутру в весёлом торжестве
Засветится под яркими лучами.

Навеяло безмолвие печаль,
С цветочных клумб дурманит запах мяты,
А Млечный Путь уносит мысли вдаль,
Отобразив в памяти закаты.

Рассвет своё тепло к земле пошлёт,
Появятся порывы и желанья,
С зарёй суть жизни дух наш призовет
К физическим законам мирозданья...

Весеннее поздравление

Весна с улыбкой радостно пришла,
Найдёт подарок нынче адресата.
Сегодня поздравленьям нет числа,
Для женщин – знаменательная дата.

Любимы вы мужчинами всегда,
Для них вы утешенье и отрада.
Пусть канут все невзгоды навсегда
И к вам придёт достойная награда.

Цветочный аромат с утра вокруг
И хлопоты мужские повсеместно,
Организован с радостью досуг,
Торжественно, задорно, интересно.

Примите пожелания мужчин,
Относимся мы к вам с благоговеньем.
С букетом роз, ромашек, георгин
Спешим с утра с душевным поздравленьем!

Пусть этот день вам счастье принесёт
И сбудутся сокрытые желанья,
Ненастье стороною обойдёт,
А от мужчин – любовные признанья...

За шагом шаг

Мне хочется обнять, поцеловать,
Теплом своим накрыть тебя при встрече.
Настал черёд от чувств мне ликовать,
Твой вид сегодня нежен и сердечен.

Я опьянён вниманием твоим,
Навек душой к тебе я с упоеньем,
Мы навсегда судьбу объединим
С большим желаньем и самозабвеньем.

Откроюсь, что с тобою навсегда –
И в трудный день, и в радостном желанье;
Там, в небесах, нам на двоих звезда
На землю шлёт радушное посланье.

За шагом шаг пусть время нас ведёт,
Нам не забыть любовные признанья,
Пусть сад в душе у нас с тобой цветёт
И будут нежными воспоминанья...

Жизни проза

В поисках находок и открытий,
С зарождений, начиная век,
С жаждой знаний и кровопролитий
Появилось имя «человек».

С каменного века проживая,
С каждым годом прибавляя бег,
Всё стремится, время подгоняя,
Ищет в жизни свой далёкий берег.

Увлекаясь, он не видит края,
Вдаль идёт, ища себе врага.
Исстари хитря и подкупая,
Раздевает кротких донага.

Человек – звучит безмерно гордо,
Царь природы, властелин ума...
Хочет славы, яркости рекорда
Да забитых златом закрома.

Нет в душе понятий к чувству меры,
Все богатства тянет ко двору,
Так давно, ещё до нашей эры,
Прикипели взгляды к серебру.

Круг за кругом календарь столетий
Видит голод, кровь и нищету,
Деньги, власть – причина лихолетий –
Закрывали в душах доброту.

Век прошёл, за ним другой – десятый,
Неизменна человека суть,
Во всём мире властвует богатый,
Жизни прозу вспять не повернуть...

Как же время чрезмерно бежит!..

Улетая, пернатая стая
Всё кружит, отдаляя отлёт.
Здесь родная земля, там чужая,
Но тепло на чужбину зовёт.

Осень поздняя, ветер морозен,
Лужи наледь покрыла слегка,
Лес печален, нахмурен и грозен, –
Видно, зимняя стужа близка.

Крик прощальный в выси отозвался,
Холод стаю поднял на крыло,
И всё выше косяк забирался
Утром ранним, лишь солнце взошло.

Пронеслись с завихрением вьюги,
Дни студёные канули вдаль,
С песней в небе порхают пичуги,
За морями оставив печаль.

Как же быстро зима пролетела,
От весны поспешают гонцы,
Солнце сверху с улыбкой смотрело,
Как кружат над жилищем скворцы.

Мир достоин красы описаний,
Жизнь повсюду цветёт и бурлит,
Хороводом весенних свиданий
Всех духовная сущность манит.

Будто не было дней расставаний,
Гомон птичий в округе стоит,
К нам приходит черёд осознаний –
Как же время чрезмерно бежит...

Мы ищем

Мы ищем истину впотьмах,
На ощупь, часто спотыкаясь,
В далёких, сказочных мирах,
Порой безмерно увлекаясь.

Быть может, зря с горы крутой
Всё в даль с пристрастием внимаем
И верим, что там, за чертой,
Всю подноготную познаем.

Но тайны нет, простор земной
Доступен жизненных признаний,
А дух внутри нас потайной
Всё ищет признак отрицаний.

Смирясь с вечною тоской,
С печалью, что пришли седины,
Пишу все помыслы строкой,
Раскрыв духовные глубины...

Мы в пути

Сердце наше не случайно бьётся,
Мы в пути и сил полны ещё,
Памятью в душе всё отдаётся,
И внутри всё так же горячо.

Не забудем жизненных моментов,
Тихо, у окошка блеск свечи,
Мы стыдимся громких сантиментов,
Но так мило мне с тобой в ночи.

Памятью приятно поделиться,
Вспоминая прошлые года,
С возрастом негоже торопиться,
Оплатив все давние счета.

Мне неважно, что всё скрыто тайной;
Рядом ты – и на душе тепло,
Видно, нашей встречей неслучайной
Ещё больше смыслов обрело.

Склоны лет со временем положи,
Жизнь меняет с поворотом бег.
Мы, старея, записав итоги,
Замедляем длительный забег.

Твой облик

Коснётся ветерок щеки
И улыбнётся многократно,
Всю нежность слов моей строки
Пошлю к тебе я деликатно.

Открытость всех моих речей
Твой образ смыслом наполняет.
Как отблеск солнечных лучей,
Меня теплом внутри питает.

С вопросом светлый взгляд очей,
Мне синь воды напоминает,
Куда с прохладой ручей
К реке по камушкам сбегает.

Не спится, думы в голове
Мне сон тревожат утром ранним.
С тобой, как будто в волшебстве,
Покоем веет долгожданным.

Сердечных чувств мне не сокрыть,
Любовных, трепетных стремлений.
Мне душу хочется раскрыть
Для наших милых откровений...

Нависли тучи

Нависли тучи, непогода
Склонилась сыростью к земле,
Река бурлит, не видно брода,
Дороги в снежном киселе.

С утра дождливость, влажность, слякоть.
Что за погода в январе?
Лишь птичкам в радость, ягод мякоть
Клюют с охотой во дворе.

Опостылевшая невзгода
Не шлёт безоблачных вестей,
Нам надоели за полгода
Промозглость, сырость площадей.

Плохой погоды нет в природе,
Но хмурость дня печалит взгляд.
Мечта о солнечном восходе
Всех нас излечит от досад...

Жизнь – борьба

Итожа пробежавшие минуты,
Не стыдно нам за прожитые дни.
Всегда вели нас ровные маршруты,
Манили страстно яркие огни.

Нас трудность жизни с детства не пугала,
Душой своей привыкли не кривить,
Нас смелость духа в людях восхищала,
Себя пытались в деле проявить.

В раздумьях были, хватит ли познаний,
Стремглав живя, нам сохранить устой,
Где взять так много умных дарований
Всё высказать единственной строкой.

Мы с юности поставлены к штурвалу,
Вся жизнь напоминала нам борьбу,
А верный взгляд к знакомому причалу
Сподобил нам хорошую судьбу.

Существенность прожитого земного
Определит нам жизненный итог.
Не упустить бы в жизни основного,
Найдя одну из множества дорог...

Сад притих...

Заиграла гармошка за речкой,
Солнце ярко закатом горит,
Сжалось томно под вечер сердечко,
Как листочек на ветке дрожит.

Ветерком звуки песен доносит,
Переливами тянет свирель,
Словно с жалостью милости просит
У судьбы для любви колыбель.

Закручинившись, девушка спросит:
«Ясный месяц, скажи мне, скажи:
Мой любимый – меня он не бросит?
Приворотный настой одолжи».

Обещанья, одни обещанья
Тихим шёпотом каждую ночь.
Видно, Бог ей послал испытанья,
Но не хочет ничем ей помочь.

Сад притих, замороженно дремлет,
Лунный след на дорожку проник,
Куст сирени внимательно внемлет,
Как журчит рядом с ними родник...

Призрак отражений

Нам погостить хотя бы раз
В далёком, безмятежном детстве
И там найти укромный лаз,
Где мы играли в малолетстве.

Воспоминанья в мыслях к нам
Проникли, жгут, не отпускают.
Но не пойти назад часам,
Они вперёд всегда шагают.

Нельзя вернуться во плоти,
Но мысленно мы там бываем.
Не прерывая вдаль пути,
Приходим в детство – наблюдаем...

Без памяти о прошлых днях
Мы не оценим дух стремлений,
Вся сущность в родовых корнях,
Несущих призрак отражений...

Зима – предвестник всех чудес

Открылось небо, из-за туч
Вдруг всплеск лучей упал на землю,
А мелкий снег, как пыль, летуч,
Стою, с благоговеньем внемлю...

Играя в снежной кутерьме,
Снежинки вертятся, кружатся,
Спускаясь тихо в полутьме,
Чтобы потом в поля умчаться.

Порхает искорка, дрожит,
Мороз её не отпускает,
В ночи луной посеребрит,
К утру под солнцем засверкает.

Открыть глаза мешает снег –
Блестит, смотреть не разрешает,
Улёгся смело на ночлег,
Сугробы выше поднимает.

На речке лёд мороз сковал,
Лишь полынья не замерзает,
Блестит, как тысяча зеркал,
Её тепло извне питает.

А с горки гомон детворы –
Играют, смехом заливаясь,
Все нараспашку от жары,
В снегу, как в озере, купаясь.

Зима – предвестник всех чудес,
Владыка сказок и преданий,
Мечтаний ярких до небес
И светлых, добрых предсказаний...

Зима

Зима снегами обнимает,
Снежинки падают, кружась.
Метелица в полях играет,
К утру лишь тихо улеглась.

Белёсым маревом накроет
Поля, луга, на речке лёд,
А к вечеру так вьюга взвояет...
Зима – пришёл её черёд.

Прохожий к дому спешает,
Сегодня праздник – Новый год,
Мороз всё в иней наряжает,
В белёсой дымке небосвод.

Нависло небо, ветер свищет,
А снег неистово летит,
Сугробам место ночью ищет,
Укрыть к утру он всех грозит.

Зима – так много в этом слове
Сокрыто сказочных чудес,
И каждый раз, как в тайном зове,
К ней добрый, страстный интерес...

Шёпот в ночи

Шёпот в ночи не даёт мне уснуть,
Нежностью тихо накрыло.
Душу хочу пред тобой распахнуть,
Сердце от чувств мне сдавило.

Счастье к тебе прикоснуться рукой,
Локон твой нежно лаская.
Ты своим взглядом меня успокой,
Нашу любовь признавая.

Ты для меня есть простор в небесах,
Свет от себя излучаешь.
Вместе с тобой наяву и во снах,
Рад, что с теплом так встречаешь.

В наших сердцах стук один на двоих,
Даже дыхание слитно,
Шелест от листьев в саду приутих,
Месяц глядит любопытно.

Пусть на сегодня природный покой
Нам принесёт упоенье
И под высокой небесной звездой
Вспыхнет любви зарождение...

Ветераны

25 декабря – День освобождения Ливен от немецко-фашистских захватчиков. Стихи посвящаются ветеранам Великой Отечественной войны.

Горе с радостью вместе смешались,
Слёзы скупое сползли по щеке,
На девятое вы повстречались,
Вспоминая о славном полке.

Ваше время прошло незаметно,
Память прошлого тянет назад,
И, на встречу одевшись портретно,
С грустью вспомнили первый парад.

С каждым годом редееет колонна
И всё меньше на марше отряд,
Вы к победе пришли неуклонно,
От потерь чуть печален ваш взгляд.

Не забыты те подвиги ваши
За страну и за Родину-Мать,
И юнцы, и седые папаши
Не боялись там жизнь отдавать.

Сколько лет позади, но тревожит
Память страшной прошедшей войны,
С благодарностью розы возложит
Сын и правнук Великой страны...

Декабрь солиден

Крадётся после осени зима,
Метель шумит, с позёмкой всё играет,
Ночами снег, в проулках кутерьма,
А днём всё ветром в поле разметает.

Прошло тепло, к морозам он готов,
Ждёт в гости заполярную подругу,
Декабрь солиден, подлинно суров
И не подвержен жалкому испугу.

Он приласкает снежную пургу,
Которая придёт с ним на свиданье,
За ёлочкой в дремучую тайгу
Пошлёт Мороза с ней и даст задание:

В лесной чащобе лучшую сыскать
Красавицу с зелёными ветвями,
Под ней артисты будут развлекать
И удивлять весёлыми ролями...

Всё ближе, ближе праздник с мишурой,
С игрушками, блестящими на ёлке,
Стихов звучанием наперебой
И сказками мальчикам о сером волке.

И под конец, поближе к январю,
Укутав всё белёсым одеялом,
Он должное отдаст календарю,
Уйдёт, поздравив Новый год с началом...

Я весь в мечтах

Закрыта дверь, написано письмо,
Отправлено с великим ожиданьем,
Я весь в мечтах, сознание немо,
Утомлено, мой друг, твоим молчаньем.

Я так хочу твой почерк лицезреть,
Всё жду твой отклик на своё посланье,
Молю тебя: «Ответь мне, ну ответь,
За что же мне такое испытанье?»

Не сплю я, в ожиданиях томлюсь
С надеждой утолить своё страданье,
Но, не дождавшись, слогом объяснюсь,
Уйму внутри своё переживанье...

Прошедших дней все тяготы снеся,
Прикрытых пеленой непониманий,
Приду к тебе, с тоской произнеся:
«Спаси меня от сумрачных терзаний...»

Пусть не гаснет свеча

Озаряя вокруг, пусть не гаснет свеча,
Отдаляя печали от света.
Мы прошли часть пути, в благодарность шепча
Строки, данные Богом завета.

С любопытством нас мысль продвигает вперёд,
Через дебри к воззрению мира,
Но не каждый сподобит дожждаться черёд,
Чтоб сыграть на подмостках Шекспира.

Нашу будущность жизни укажет судьба
По стремленьям познания Бога,
Наша сущность порою ничтожно слаба,
И нередко в ухабах дорога.

Иногда в нашу жизнь скорбь наносит визит,
Оплетая душевным ненастьем,
А дальнейшая суть вдруг добром наградит,
Отдаляя все боли с несчастьем.

Вера нас вдохновляет, надежда ведёт,
С предвкушеньем живём в этом мире.
Помолюсь я в тиши, пусть беда обойдёт,
А стезя будет ярче и шире...

Скажу возвышенно

Тебя, мой друг, прекрасней нет,
Как жаль, что не владею кистью.
Ты для меня тепло и свет,
Я днём и ночью с этой мыслью.

Ночами без тебя не сплю,
Лежу в мечтах, не засыпаю,
Кричать мне хочется: «Люблю»,
Порой зарю без сна встречаю.

Воображенье оживлю,
Звезду с небес тебе достану,
Скажу возвышенно: «Люблю»,
Огонь во мне сродни вулкану.

Навеян ветерком этюд,
Твоим присутствием девичьим,
И тонкость черт воссоздадут
Воззренья с чувственным обличем.

Незабываемость тех встреч
И чувство, будто сердце тает,
Хочу я дольше уберечь
Тепло в себе, что нарастает...

Назавтра смелость накоплю,
Весь день готовиться я буду,
Скажу стократ: «Тебя люблю» –
И что тех дней я не забуду...

...
Обнявшись утром на заре,
Красу лугов вокруг внимая,
С годами волос в серебре,
Стоим, те годы вспоминая...

Грустим немного

Опять с тобой мы грезим по ночам,
Грустим немного, сад свой вспоминая,
Как рады были солнечным лучам,
С зарёй пришедшим, воздух нагревая.

Босых ступней, наколотых в траве,
Да смех твой под тенистою рябиной
И взгляд полуприкрытый в озорстве
Отобразился предо мной картиной.

Давно прошедшее сегодня наяву
Душевность и тепла нам прибавляет.
Признаюсь, без тебя я не живу,
Твоя любовь всю суть мою питает.

Те годы, что с тобою провели,
Отобразятся в памяти навечно,
Они любовь ещё сильнее зажгли,
Но очень жаль, что время быстротечно...

Всю печаль постараемся скрыть

Мы все чувствуем годы свои,
Календарь свой с годами листая.
Отшумели, как в марте ручьи,
И настала вдруг жизнь пожилая.

С каждым годом острее наш взгляд,
Но не вдаль, а на суть прожитого.
Не попали мы в группы пляяд,
И не нужно нам в жизни чужого.

Чистой совестью души горды,
Дух внутри не клокочет, спокоен,
Нет к врагам уже больше вражды,
В жизни мир был всегда многослоен.

И всё больше молчим в тишине,
Прикрывая ворота входные.
С грустью часто мы дружим во сне,
Иногда от них слёзы скупые.

Всю печаль постараемся скрыть,
Заручившись душевным покоем,
Я хочу тебя просто любить,
Умиляясь вечерним прибоем...

Мы устали, наверно, с годами

Не открыть нам закрытую дверь,
Не укрыться от стуж с непогодой.
Воет жутко в ночи дикий зверь,
Наслаждаясь безумной свободой.

Нет тепла, сердце жаждет огня.
Где набрать нам углей для растопки?
Мчимся в думах, вперёд семеня
Не по шляху, а выбрав лишь тропки.

Беспокойство и край за холмом
Навевает нам грустные мысли,
Как прожил, я в вопросе немом,
А ответы как будто зависли.

Не вернуть годы юности вспять,
Лишь вперёд проторена дорога,
Я стремлюсь всё свой шаг ускорять,
Но всё чаще топчусь у порога.

Открываю всё меньше вершин,
Глубина океанов пугает.
Стал безрадостен шум именин,
И всё больше веселье смущает.

Мы с трудом продвигаемся вверх,
Гребни гор сокрушают снегами.
Но хандра есть для нас тяжкий грех,
Мы устали, наверно, с годами...

Взъерошены раздетые леса

Нависли тучи, хладость бытия
Полям широким почву застужает,
По льду идти мешает полынья,
А лес дремучий мрачность отражает.

Последний жёлтый лист, кружась, упал,
Закончился день бурный листопада,
А ветер шаловливо растрепал
Причёску у задумчивого сада.

Закружит вихрем, поднимая ввысь
Гирлянду из листков, смешав их с пылью,
Прохожему кричит: «Поберегись!» –
Сметая всё вокруг своей кадрилию.

Взъерошены раздетые леса,
Озимых лист дрожит, вниз прижимаясь.
Куда ушла сентябрьская краса,
С ноябрьской серостью сейчас сливаясь?

За далью даль, куда ни кинешь взгляд,
Нависшей хмуростью знобит природа,
Ей подойдёт сейчас другой наряд –
Пушистый наст, спорхнувший с небосвода...

Предзимний снег посеребрит поля

Печалью накрывают нас дожди,
Осенней неприятною погодой.
С туманом влага ждёт нас впереди,
Пугая долгосрочную невзгодой.

Душа грустит, ей нет тепла извне,
А серый вид уныние наводит,
Томимся мы с собой наедине,
Сердечность и добро к нам не заходит.

Зависим мы от ясных, светлых дней,
Надеемся, что солнце улыбнётся,
Боимся надвигающих теней
И будем ждать, когда весна вернётся.

Предзимний снег посеребрит поля,
Тончайшим слоем изморозь рассеет,
Завьюжит скоро, гнутся тополя,
Без птичьих песен лес осиротеет.

Глаза открыв, с улыбкой ко всему,
Нет у природы горестной погоды,
Привыкнем мы к зиме и посему
Отбросим с горьким вкусом эпизоды...

Зачем беда пометила Донбасс?

Садится солнце, приближая ночь,
Багряно-красный круг сулит тревогу,
Так хочется вам искренне помочь,
Но остаётся лишь молиться Богу.

Вам темнота, пугавшая пять лет
Бомбёжками, разрывами фугасов,
Оставила под сердцем тёмный след
Да на погостах всхлипы слёзных гласов.

Зачем беда пометила Донбасс?
Давно сюда не заходила радость,
Желанье есть у всех народных масс
Изгнать всю власть страны за бесноватость.

Заброшены, полузабыты вы,
Недоумений много накопилось,
В России все с теплом к вам, но, увы,
Пока решенье в жизнь не воплотилось.

С годами стал печальней хмурый взгляд,
Опасность каждый раз вокруг он ловит,
Без милости летит в ночи снаряд,
Судьба – на завтра что она готовит?..

На склоне лет

Открытость взгляда, максимум труда,
Нам юность спать в седле не позволяла.
Вперёд звала нас дальняя звезда,
А пламя бурь в груди не угасало.

Искали, шли дорогой напрямик,
Нам дебри не мешали продвиженью,
А наша совесть, верный проводник,
Спасла от зла, противясь искушенью.

Снискали славу, гордостью полны,
Свои долги с избытком заплатили,
И нет на нас за прошлое вины,
Мы верность к Родине всегда хранили.

Придут года, когда душа, с собой
Беседуя, спокойна будет днями,
Довольствоваться жизненной судьбой
И прошлыми хорошими делами.

На склоне лет пройденный путь внимать
И любоваться, просто наблюдая,
А всё, что есть, достойно принимать,
Тепла и света всем вокруг желая...

Нет настроений

Нет настроений часто по утрам,
Стою в тиши, с упреком размышляя,
Почаще нужно заходить нам в храм,
Очистить душу, светом наполняя.

Печаль и грусть нам трудно оттолкнуть,
Нас не спросясь, появятся неожиданно,
Сначала тихо, просто так вздохнут
И теребят нам душу постоянно.

И с памятью порою нелегко,
Когда не ждёшь, она приходит в гости,
Копает время очень глубоко,
Изводит так, что не хватает злости.

Нас давит груз земного бытия,
Устали все от будничных процессов,
Неровная, кривая колея
Лишь прибавляет в жизни нервных стрессов.

Не сможем мы все мысли перекрыть
И так порой страдаем, раздражаясь,
Ошибки давние стараемся забыть,
Но жгут они, над нами измываясь.

Так и живём, и вроде без греха,
Хотя мы в прегрешениях с рожденья,
Но иногда жизнь к просьбам так глуха,
Что хочется людского утешенья.

Хранить нам нужно душу в чистоте,
Не остужать все помыслы невзгодой,
Внутри открыть все двери к доброте,
Душевной радовать себя свободой.

В туманной дымке

Орловский край берёз и тополей
Встречает нас пленительным рассветом,
Красой широких солнечных полей
И синевой в выси чудесным летом.

Далёкий вид разбросанных лесов
Простор в округе тонко подмечает,
Весна цветёт, и нежность голосов
С площадок детских всех нас забавляет.

Куда ни кинь свой взгляд, за далью даль,
Кругом покой, лишь ветерок играет,
Здесь отступает искренне печаль,
А сердце от любви безмерно тает.

Зазеленели в мае берега,
Сады белёсым маревом покрылись,
Ещё вчера залитые луга,
Сегодня лужи в траву превратились.

В туманной дымке мой родимый край
Сокрыл в объятьях думу вековую,
Живи в душе, былъём не зарастай,
Ведь без тебя я так вдали тоскую...

Осень мыслит не так, как весна

Осень мыслит не так, как весна,
Сокровенно скрывая печали,
Засидевшись в годах допоздна,
Примеряет пушистые шали...

Неотрывно смотря наперёд,
С каждым днём там сильней холодает...
Не спешит, но подходит черёд,
Где природа ей срок утверждает.

Паутина с утра в серебре,
Листья кружат, с деревьев слетая,
Переменчивы дни в ноябре,
По утрам гладь воды ледяная.

Лес под ветром холодным продрог,
Птицы многие вдаль улетели,
На опушке взъерошенный стог –
Труд крестьянской рабочей артели.

Нет охоты, но срок подошёл
Распрощаться с осенним убранством;
Надевая из листьев камзол,
Осень шутит цветастым буянством.

Разбросав по округе листву,
Бесшабашность свою проявляя,
Дочитав до предзимья главу,
Убежит, рыжий след оставляя...

Наступят времена замёрзших луж

Луч солнца на цветастую листву
Последний взгляд направил пополудни.
Осенний день подвержен волшебству,
Сегодня бал, а завтра будут будни.

Придёт озноб, усилятся ветра,
Последний лист от ветки будет сорван.
Уже теплом земля не щедра,
И урожай в садах давно уж собран.

Нависнет кроной старая сосна,
Вверху свежей, и птицы вдруг затихли.
Когда-то летом долго, допоздна
Был гомон там, их не пугали вихри.

Прошла пора с предутренней росой,
Утихли соловьи в кустах рябины,
Пришедший день, промозгший и смурной,
Посеребрил промёрзшие низины.

Нависнут тучи, хмурый небосвод
Изменит вид и пестроту расцветки,
Немного холоднее стал восход,
Погожи дни сегодня стали редки.

Наступят времена замёрзших луж,
И тонкий лёд припорошит снегами,
А зябкость ветреных, морозных стуж
Обнимет землю тёмными ночами...

День учителя

Поздравить с праздником родных учителей
В гимназии их встретят у порога,
Им сразу этот день покажется светлей
И ясною дальнейшая дорога.

Пусть в этот светлый час заслуженный почёт
Придёт к вам за душевность и терпенье,
А детский смех сполна вам радость принесёт
В прекрасный день всемирного значенья.

Сияют светом лица, ваш душевный нрав
Всех одарит прекрасным настроеньем.
На вашем торжестве, концерт с теплом начав,
Со сцены льётся песня с поздравленьем.

Пусть с вами рядышком всегда любовь живёт
И не позволит выронить слезинку,
А теплота души к себе детей зовёт,
Стремясь зажечь в сердцах добра лучинку.

Почёт и уваженье принесут дела
Вперёд идущих жизненных свершений.
Желаем, чтобы жизнь всегда была светла,
И дарим вам сто тысяч поздравлений!..

Душе собачьей

С утра туман, и пёс совсем продрог,
Вид жалкий, просит слёзно состраданий,
Обнюханный неузнанный сапог
Не разбудил его воспоминаний.

Просящий взгляд, все в инее бока,
На лапах кровь порезов и ушибов,
Стоит с утра, в глазах видна тоска –
Итог собачьих жизненных изгибов.

Пропал хозяин, комната пуста,
Знакомый запах в воздухе витает,
Всю осень, до последнего листа,
Под дверью пёс лежит и тихо лает.

Всё ощущая руку на спине,
Понурившись, он жалобно склонился.
Как холод надоел ему извне!
Озлоблен стал и всех вокруг дичился.

Потерян след, унёсся запах ввысь,
Замучился рассматривать прохожих,
В глазах печаль – хозяин, покажись...
Так много лиц, но нет среди них похожих.

Омыт дождём, испуганный грозой,
Соскучился по ласкам и вниманью,
Наш верный пёс с надеждой и мольбой
Всё ищет путь к людскому пониманью...

Душе собачьей холодно одной,
Обиженной, замученной скитаньем,
Потерянной, беспомощной, больной,
Озлобленной своим существованьем...

Загадочность миров

Загадочность миров нас поражает,
А поиск истин будоражит кровь,
Сомнений много в душу заползает,
Всё ищем правду, ошибаясь вновь.

Увидеть свет – концепция прекрасна,
И разум рвётся ввысь из века в век,
Порой звезды уж нет, она погасла,
Но от неё свет видит человек.

Накапливали опыт впрок годами,
Всё выше, в небо, устремляя взор,
Недосягаем часто рубежами,
Умчался вдаль заоблачный простор.

Загадки в жизни все не разгадали,
В раздумьях страстных мучаясь в ночи,
Вдруг появляясь, снова исчезали
Тенденций умных мыслей лихачи.

К концу пути забудем про тревогу,
Пусть пылкий ум юнцам зажжёт сердца,
Мы к старости намного ближе к Богу –
В обнимку с памятью в тенёчке у крыльца...

Жизнь

Мы встретились и быстро подружились,
И юный пыл эпохой был сплочён.
Священным браком в церкви породнились,
Наш путь с тобой был небом освящён.

Нас окрыляли подвиги с картинок,
Пример дедов, отцов и матерей,
Мы не считали нажитых морщинок
И становились с возрастом мудрей.

Прошедший год запишем мы в копилку,
Сегодня круглой даты юбилей.
Желанья нет открыть вина бутылку,
Не хочется нам шума площадей.

Со временем изменятся привычки,
А вид в окне заменит в парке шум,
Года идут, горят, как будто спички,
И не уйти нам от печальных дум...

Мы грусть попросим нас не беспокоить,
Тепло души я подарю тебе,
На позитив хочу тебя настроить
И дальше жить, доверившись судьбе...

Рвётся к звёздам

Не приемлем своих поражений
И стараемся мир познавать,
А ошибки несбывших свершений
Так не хочется нам признавать.

Жизнь проходит, возврата не будет,
Каждый день без оглядки бежит,
Но восхода наш взгляд не забудет
И в душе на всю жизнь сохранит.

Изменить мир – желание многих,
После жизни оставить добро,
Но, жалея душою убогих,
Разбросали своё серебро.

Тяжело по библейским законам
Миротворно прожить на земле.
Благо тянет нас ближе к купонам,
Сладострастной к себе похвале.

Примирились со сладостным игом,
Все порывы сковал вязкий ил.
Но душа вдаль стремительным бригом
Рвётся к звёздам, в полёт что есть сил...

Подытожили жизнь мы с печалью,
Правда жизни тревожит чуть-чуть,
Жили мирно, дружили с моралью,
Вроде не за что нас упрекнуть.

Человек, обнадёженный далью,
Очень хочет вперёд заглянуть,
Поднимаясь веками спиралью,
Раскрывает другим свою суть...

Мерцает в небе...

В воспоминаниях приходят с детства лица,
Навеяв томность чувств и пробудив печаль.
Но растворятся вмиг или промчат, как птица,
И быстро упорхнут в заоблачную даль.

Они нас с нежностью тихонько посещают,
Чтоб приоткрыть нам шторы дальности времён,
А мысли в прошлое душевность зарождают,
Тревожат отзвуком припомнивших имён.

Вернуться хочется, зажав в ладошку пряник,
Прижаться к матери, уткнувшись головой.
Зайти отведать мёда в дедовский омшаник,
Блаженно насладиться в роще тишиной.

Не в силах смертному стереть границу века,
Умчались быстро невозвратные года,
Но впереди с надеждой манит человека,
Мерцающая в небе, путеводная звезда...

Боль терзаний

Приоткрылась скрипучая дверь,
Унося вдаль порыв настроений.
Жжёт обида, предвестник потерь,
Горечь мрачных ночных отражений.

Боль терзаний, душевный надрыв
Отдаляет полёты мгновений,
Впредь стараемся скрыть негатив
И всё ищем вокруг утешений.

Закружит нас лихая метель,
На душе временами смятенье,
Жажда штурмом занять цитадель
Вызывает большое сомненье.

Раздробились все мысли, как ртуть,
Обыскались чудес и прозрений,
Всё стараются вдаль заглянуть,
Поджидая с небес вдохновений...

По жнивью

Задержалась жара, невзначай
Заблудились погожие будни.
Лето скоро промолвит: «Прощай,
Ухожу я от вас пополудни».

Всё ещё благодать и тепло
Окружают поля и лесочки,
Ветерком по садам разнесло
От костров дымовые кружочки.

По жнивью, отрываясь, летят
Паутинок тончайшие нити,
С переливами, ярко блестят,
Разбросав свой рисунок по сныти.

Солнце ярко пока в небесах,
Согревает собой всё в округе,
Пожелтело немножко в лесах,
Птицы думают только о юге.

Продолжая на небе сиять,
Наклонилось светило к закату,
Всполох красок позволит узнать,
Ждать нам завтра тепла иль прохладу.

На душе чуть печаль от потерь
Навевает нам грустные мысли.
Закрываем за летом мы дверь,
Будто часть отрываем от жизни...

В преддверии

Утихают жары отголоски,
Босоногие длинные дни,
Листьев шорох чуть рыжей берёзки,
Шёпот к осени: «Повремени...»

Распрямились уставшие ветки,
Сад притих, сбросив с плеч спелый плод,
Лишь шалют, веселясь, малы детки
Да рукой гладит ствол садовод.

Лист шершавый тихонько колышет
Ветерком, принося кислый вкус,
Скоро осень на нитку нанижет
Много красных рябиновых бус.

Птичьих трелей мы слышим нечасто,
Лишь галдят, сбившись в стаи, грачи.
Скоро будет совсем здесь цветасто,
И прохладой повеет в ночи...

Контрасты вдохновений

Осенний вид печалит вдохновенья
В полёте нежных и любовных чувств,
Ведь трудно с грустью описать влеченья
Огненной страсти и порывов буйств.

Весной раздолье для сих поэтов,
И их перо с теплом строчит стихи.
Там описанье тонких силуэтов
И нежных див изогнуты штрихи.

Любовь ценна, что дарит нам мгновенье,
Открытость душ, с весной сопряжено,
И здесь доступней описать томленье,
Которое в глазах отражено.

Весна есть символ рода продолженья,
Благих желаний лучезарный свет,
Полёт души, что в нови зарожденья,
И трепетный в огне любви ответ...

Согласись, откройся, улыбнись

По ночам совсем почти не сплю,
Не даёт покоя пылкость мысли,
Очень часто в темноте молю
И прошу нам счастья в этой жизни.

Приглашаю на Обряд Святой,
Хочется открыть для счастья двери.
Видеть я хочу тебя женой,
Скажешь «нет» – не вынесу потери.

Без тебя затмило ясный взгляд,
Думки в голове не отпускают.
Сердце умирает, будто яд
Постепенно в чувства подливают.

Согласись, откройся, улыбнись,
Тёплый взгляд твой мне залечит раны,
На мой шёпот нежный отзовись,
Разгони вокруг меня туманы...

Неотвратимость

Так изменилась нравственность людская,
Подменность взглядов в клочья рвёт умы,
Народ всё видит, ясно понимая:
То, что творится, родственно чумы.

Запутали нас лживыми словами,
Не отличить нам правду от вранья,
Невольны мы обвешены грехами,
Замучил крик постылый воронья.

Неотвратимость истинно пугает,
Так много злого в души заползло,
И кажется, что разум умирает,
А сердце в пламени само себя сожгло...

Пришла пора

Травой промокшей пахнет на опушке,
Грибной порой повеяло в лесу,
А дым костра в соседней деревушке
Подчёркивает дивную красу.

Осенний вид не вызывает скуки,
И на душе отрадно и светло,
Игривый дождь выделяет трюки,
От них совсем дорогу развезло.

Сезон золотой отступит скоро в Лету,
С прохладцем зори ждут нас поутру.
Горланят птицы, радуясь рассвету,
Забил съестным крот-труженик нору.

Запахнут гнилью мокрые травинки,
Набухнет влагой жизненной земля,
Затреплет ветер белые осинки,
Сорвав все листья, ветви оголя.

С печалью вид у пасмурной поляны,
Где кроны дуба жалобно шумят,
Нависли низко мокрые туманы,
А лес стоит, весь влагою обнят.

Нас не радует сильно успех

Нас не радует сильно успех,
И всё чаще в умах потаённость,
Нам не хочется больше утех,
А милее по сути исконность.

С лёгкой грустью мы смотрим вперёд,
Но порой о былом заскучаем,
Нам всё кажется – кто-то зовёт,
И всё чаще о чём-то вздыхаем.

Мы по-новому видим рассвет,
Раскрывая пошире все шторы.
Всё поём недопетый куплет
И всё тянем свой груз на закорки.

Перемыслились взгляды к концу,
Годы жизни – достойный учитель,
Направляем свой лик к образцу,
А свой взгляд – в даль миров, на обитель...

Воспоминанья

У той поры был чистый берег моря
И нежный, тихий шёпот в тишине,
Мы, жизненный порыв в душе ускорая,
Доверились стремительной волне.

Как незаметно времечко промчалось,
Те годы, неразрывные с тобой.
Так скоро с нами юность попрощалась,
А через время вспомнилась с тоской.

Воспоминанья теплотой коснулись,
Немножко сжали в области груди,
А мысли до предела растянулись,
Без толку просят: «В прошлое пусти».

Кто виноват, что жили очень быстро,
Что не хотелось время замечать?
Но на душе всегда так было чисто,
И так хотелось вдаль с тобой бежать...

День Флота Российского

Настал тот день, когда морской парад
Пройдёт во Славу Матушки-России,
Красивый строй Виктории эскадр,
Для Запада принёсших истерии.

С времён Петра помечен праздник сей,
Ковался в муках он людьми России,
Печалью слёз матросских матерей,
Молящих о погибших во стихии.

Он выстрадан, народом восхвалён,
На море щит для Родины извечен.
Крестом Андреевским он освящён,
Как стяг морским судам увековечен.

Линейный строй, вздымая волн покой,
Кильватера он строй не нарушает,
Матросов вид на палубе влитой
Надеждой и покоем вдохновляет...

Пусть будет так

Заведомо к разгадкам не пускают,
Боятся нашу сущность изменить,
От безрассудства всех оберегают,
Пытаюсь мир нам в душах сохранить.

Жить настоящим человеку мало,
Мы ищем терний колкие пути.
Нам нравится, чтоб сердце замирало,
Не хочется держать ум взаперти.

Не жаждем мы безмолвного покоя,
Нас будоражит занавес теней,
А к старости, усилия удвоя,
Стремимся к тайнам двигаться быстрее.

Вот и живём так, ищем путь в подсказке,
Быть может, кто-то замысел шепнёт,
Порой грустим, что не живём как в сказке,
Где волк царевну всё равно найдёт...

Довольны мы собой, что путь искали,
Что приоткрыли чуть к познаниям дверь,
По жизни многое приобретали
И плакали случайностью потерь.

Мысль с возрастом летать не перестала,
Мы с нею по край жизни заодно,
Наш дух спокоен, смело ждёт причала,
Пусть будет так, как в жизни быть должно...

Быть ближе к красоте

Мы мыслим, ум наш напрягая,
Душе покоя не даём,
Храним, идеи запасая,
В надежде – позже заберём.

Сокрытых дум своих боимся,
Порой мы ими смущены,
Нередко изложить стыдимся –
Не так вдруг будут прочтены.

Заполним же свои тетради,
Срифмуем строки на листке,
Не только развлечений ради,
А чтоб быть ближе к красоте...

Прильни в ночи

Прильни в ночи, холодных бурь
Невзгода трогает печалью.
Ты ясных глаз своих не хмурь,
С тобой близки мы к пониманью.

Не оттолкни души порыв,
Нахлынувший в ночи нежданно,
Прижмись к груди моей, забыв
Обиды дней, прошедших бранно.

Я весь тепла, душевных чувств,
Признаний пылких возгораний,
Сердечных нежностей и буйств
В порывах давних обещаний.

Неугасимость бытия
В томленьях, радость проявлений,
Как ты мила мне, напоя
Меня нектаром устремлений...

Озлобленность души

Как трудно жить, когда нас ярость гложет,
Когда совсем озлобилась душа,
От этого с печалью занеможет
Сознание, за неволею греша.

Скрутило болью, долго мы не сдюжим,
Стараемся познать всей жизни суть.
В потёмках мы на ощупь долго кружим,
Так хочется порой слезу смахнуть.

Кто двигает с надрывом наши чувства,
Опутывая злобою людей?
Жизнь требует великого искусства,
Чтоб не держать за пазухой камней.

Так и живём

Прошу прощения за резкое высказывание о сегодняшней жизни, но иногда моральная сторона людей просто зашкаливает в негативную сторону, наглядно всё это можно увидеть, даже не выходя из дому, посмотрев любое ток-шоу по телевизору.

А всё это смотрят и наши дети...

Мрак отголосков злых и мрачных дум,
Давно всё терпит наше подсознание.
Напрягшись, сжался наш пытливый ум,
А сердце рвётся от непонимания...

Индифферентны к жизненной морали,
Живём бездушно, мрачно во грехе,
За то, что в детстве много позволяли,
Ко всем с презреньем, будто к шелухе.

Вот новый мир, смотри и наслаждайся,
За что боролся, пожинай плоды,
Отбросив стыд, всё выше поднимайся,
Где много зла, богатства и еды.

Вседозволенье хамства прибавляет,
Златой телец закроет к сердцу дверь,
А превосходство душу закопает,
Не будет больно от своих потерь.

Так и живём, привыкли, что так можно,
Отбросив чувств надломанный хребет.
Но иногда смотреть на всё так тошно,
Что превратилось всё в большой клозет...

С теплом душевным

С теплом душевным детство взял в ладони,
Во сне прижал её к себе сердечно,
Умчали безвозвратно в старость кони,
Оставили томление навечно.

Мы выросли, живём и ходим мирно,
Но тянет часто походить босыми,
По лужам топнуть с вызовом настырно
И под дождями пробежать грибными.

Вернитесь, годы, что прошли мгновенно,
Порою отдавая память в тени.
Но смотришь вдруг подчас недоуменно:
Вперёд идти всего-то три сажени.

«Где наша жизнь?» – спросил у подсознанья.
Окутан был ответ глубокой тайной.
Остались лишь мои воспоминанья
О жизни, буду рад, что не случайной...

Грустные размышления

Безысходность рождает печаль,
Всем стремленьям мешает неволя,
Покорить безрассветную даль
Не даёт злополучная доля.

От предвестия бурь не стенай,
Тонко чувствует сердце невзгоду,
В тернях путь свой вперёд просчитай,
Чаще взгляд устремляй к небосводу.

Нас оценят по жизни года,
Поджидая с мерилем в сторонке.
Силы нет, но душа молода.
Ох, как тяжело ей в старой лодчонке!

Помаленьку к финалу идём,
Вызывая порой к себе жалость.
По ночам к себе детство зовём,
Ведь туда не пускает нас старость...

Свет Ливенских зорь

Ливенских зорь не забыть мне вовек,
В памяти цветом играют,
Всполохом с неба к кустам лесосек
Лучик живой направляют.

Плещется в берег игривой волной
Речка, что здесь протекает,
И называют ту реку Сосной,
Та, что в Дон Ярый впадает.

Света лучей по воде разбросав,
Чудной игрой увлекает,
Выглянул диск, он огненно-красав,
Слепит глаза и ласкает.

Воздух прозрачен, как будто живой,
С лёгким туманом играет,
Шутит с ним нежно над гладью речной,
Ласково вверх поднимает.

Мне не впервой чудо здесь наблюдать,
Сердце теплом согревая,
Шепчется тихо: «Дал Бог благодать,
Вот где для душ кладовая...»

Заря

Приди, откройся, удиви
Нас милым, добрым, ясным взглядом
И ярким светом проплыви,
Заворожив своим нарядом.

Над облаками покажи
Свой всплеск прекрасного рассвета,
Пусть станут явью миражи
Лучей искристого букета...

На целый день нас вдохнови,
Порывов к счастью прибавляя,
Небес творенье нам яви,
Заря, предвестница дневная...

Лишь к старости...

Как часто непонятна жизнь для многих!
Усердно ищем логику Пути
И с отвращеньем к тем, душой убогим,
Пытаемся быть чистым во плоти.

Как день и ночь – добро есть и злой гений,
Лишь к старости оценим мы всю жизнь,
Наш возраст приумножит откровений
И внутренних душевных укоризн.

Счищаем грех свой, словно сор в амбаре,
И только лик мы держим в чистоте,
Лелеем тело в кремовом загаре,
А сущность тянем в бездну, к нищете.

Все угрызенья жизненных прозрений
Навалятся, придавят духа суть,
Терзанья болью внутренних смятений
Нас заставляют с глаз слезу смахнуть.

Дай, Господи, пораньше осмыслений,
Не дожидаясь старческих годов,
Дай разума и умных наставлений,
Убереги от хвори и грехов...

Но молодость печалит нас мгновеньем,
Всё улетучится с рассветом дня,
Свой страх мы вспоминаем с удивленьем,
Себя за малодушие браня.

Женские откровения

Я мыслями с тобой, любимый мой,
Пишу письмо и так грущу ночами,
Мой вид спокоен, но какой ценой
Внутри скрываю истинный цунами...

Я разъясню, открою всё как есть,
Никак не скрыть свою мне потаённость,
Душой прошу то, что пишу, прочесть
И проявить ко мне всю благосклонность.

Вот нет тебя, внутри огонь горит,
Мне кажется, что жизнь всю прижигаю,
Я вся без сил, чтоб нанести визит,
И нашу встречу дальше отдаляю.

С теплом стремлюсь к тебе, а может, зря,
Что докучаю я своей любовью,
И, с безнадёжностью вперёд смотря,
Томлюсь, и недовольна этой ролью.

Переполнять боюсь бокала край,
Держу изящно, вниз не проливая.
Твержу давно: с собою совладай,
И пусть стоит не точка, запятая.

Только взгляд

Не свернуть, нужно сделать вираж,
Напряженье вдруг скулы свело,
Я не выдержу долгий форсаж,
Видно, время для гонок ушло.

Долгий путь, быстрый темп утомил,
В поворотах мне видится крен.
Только взгляд твой по-прежнему мил,
Ничего не хочу я взамен.

И чем старше, тем выше холмы,
Но мы делим свой путь на двоих
И всё чаще вдали сквозь дымы
Видим отблески дней возрастных.

Не забудем прожитых часов,
Словно миг пробежавших строкой,
Не забыть и тех ласковых слов,
Как шептала ты мне: «Мой родной».

Дни без зла

Дни иногда очень сладостны,
Когда нет поблизости зла,
А с перепутьями – тягостны
И могут съесть душу дотла.

Мрачные мысли всё тянутся
И ищут пустоты души,
Влезут на время, останутся,
Коль будут для них стеллажи.

Двери откройте для доброго,
Согрейте вы ближнему дух,
Сердце закройте для злобного
В душе, опасаясь разрух.

Сущность заполним мы радостью,
Займём светлым помыслом ум,
Одарим ближнего благодатью,
Спасая от тягостных дум...

Ждёт Донбасс

Злобы много, доверия нет,
Никому ничего не докажешь.
Натерпелись, в стране много бед,
А дальнейшую жизнь не предскажешь.

Мы чужие, а были семьёй
И на годы все связи порвали.
Не пойдём мы одной колеёй,
Наши земли давно вы предали.

Рвут снаряды ухоженный сад,
На погостах крестов прибавляя,
А внутри нас лишь боль от утрат,
Кровных уз нам родство отдаляя.

Жили вместе, любили страну,
Не смотрели на род и на племя.
Столько слёз – прекратите войну,
Завтра поздно – упустим мы время.

Смена власти с надеждой прошла,
В ожиданьях народ затаился,
Ждёт Донбасс, чтобы власть снизошла,
Видно, сон был и мир лишь приснился...

Не позабыть

Гудят надрывно ночью провода,
Тернист наш путь, дорога вся в снегу.
Бегут года, как талая вода,
А предрассветный час принёс пургу.

Мы ждём и видим проблески весны,
В надежде ночью, что придёт к нам день.
В прошедшей жизни нет на нас вины,
Спокойны, что пройдем ещё ступень.

Мне не забыть улыбку твоих глаз,
Своих мечтаний внутренний полёт
И тихий, очень тихий шёпот фраз,
Как вспомню, до сих пор под сердцем жжёт.

Не позабыть нам молодость свою,
Босых ступней, наколотых травой,
И покосившую в саду скамью,
Где любовались яркою звездой.

Сиреневый оттенок той ночи
Сквозь годы перенёс порывов явь,
У времени прошу: «Туда умчи
И там меня на чуточку оставь...»

Ждали лучшего

Направляя с умением свой интеллект,
О политике вслух рассуждали.
Нагнетая к правдивости личный аспект,
Забывали порой о морали.

Разным взглядам подвержена сущность людей,
Разнородность – сестра для скандала.
Трудно выбрать нам путь и прообраз идей,
Чтоб для всех чёткой строчкой мерцала.

Разделилась часть мнений народа страны,
Всё с трибун статус-кво разбирали
И старались побольше внести новизны,
Ждали лучшего – но не дождались...

Не лукавь

Не лукавь пред собой, всё помножится,
Вдруг придётся ту ложь объяснять,
А с годами и совесть встревожится
И начнёт счёт времён предъявлять.

Легче жить, подкрепляя всё Верою.
Не ропщи, что так пища скудна.
Будь в надежде, что истинной мерою
Будет взвешена жизни длина.

Не суди, видит каждый ответственность,
Притворяясь, не сбросить грехов.
Не вини родовую наследственность,
У вас много с ней общих штрихов.

Примиришь, добиваясь прощения.
Не стенай, будь довольным судьбой.
Сделав зло, бойся вслед отражения.
Жизнь земная есть путь временной...

Сны

Приходят сны к нам с утренней зарёй.
Боимся, что придут вослед печали.
Порой приснится омут с полыньёй,
А иногда – прекраснейшие дали.

Один из снов печальным я сочту,
Другой же благовидностью помечен,
И целый день в раздумьях проведу,
К чему приснился – как он быстротечен?

Ну а сегодня радость и покой,
Моя судьба от сна мечтой согрета.
Привиделся в ночи морской прибой
И как мы ждём вдвоём с тобой рассвета.

Заворожила, за душу взяла.
Как вспомню, сердце нежностью сжимает.
Ты мне покой и счастье принесла,
Когда вдвоём, тепло не угасает.

Моя душа подружку обрела
И руку с добрым сердцем протянула,
Твоя любовь нежданно завлекла
И на всю жизнь волною захлестнула.

Меня не только в снах к тебе влекло,
Смотрю в глаза, любви тепло мне видно.
Мне в жизни очень сильно повезло,
Всё с первой встречи стало очевидно.

Май

Как май прекрасен чистотой,
Омытый талыми снегами.
Пришёл, перепугал грозой,
Смутил нас яркими цветами.

Дух зарождения велик,
Природной силой обозначен,
Как будто чей-то свыше клик
Для пробужденья предназначен.

Уходят дни прохлад ночных,
Но зной ещё не наступает,
И теплота шагов скупых
Всё глубже в недра проникает.

Так люб и мил чудесный май,
Кипучей страсти прибавляя,
Земле великий урожай,
Людей любить, благословляя...

Так и жили...

Примирились, устали, не можется,
Оттолкнуть бы навеки страну.
Хотя сердце унынием гложется,
Надрываясь, уйдя в глубину.

Второсортность всегда огорчительна,
Смесь сообществ – надменности друг,
И их мысль в большинстве своём мстительна,
Величавость их главный недуг.

При восходе, где солнце с игривостью
Обласкает рабочий народ,
Откатившись к закату с правдивостью,
А в ответ лишь он слышит: «Там сброд».

Так и жили: внутри государственность,
На Востоке рождался холоп.
Затерялась на Западе нравственность,
А страдальцем был наш, углекоп...

Один народ

Один народ, была одна страна,
Вы отделились, что вам не хватает?
Давно всем независимость дана,
Но злоба жжёт, глаза вам застилает.

Не пять годов, а много лет назад
Распад народа всех внутри тревожил,
Пренебрежение к братьям и злой взгляд
Враждебность между нами приумножил.

Покоя нет, лишь шествия кругом,
С ума сойти, все с факелами рады.
Одно нутро, ведь был один геном,
Одни по жизни были и уклады.

Кого винить, обман в стране кругом,
И людям правду нашу не докажешь.
Считают Русских, нас, большим врагом
Сейчас, тем более уж что им скажешь...

Настанут дни...

Всех движут в жизни светлые мечты,
А праведность нам души очищает.
Когда все помыслы твои чисты,
То тень вдали нисколько не пугает.

Нам Вера в вечность придаёт покой,
Но трубный Глас немного нас смущает.
Воздастся брэнна жизнь потом с лихвой
И по заслугам всех Там увенчает.

Пристойно жить так трудно на земле,
Насыщенность всех благ нас соблазняет.
Завязли в показушной мишуре;
Пока бежим, край света не пугает.

Настанут дни, когда бежать невмочь,
А впереди так мало расстоянья,
Переосмыслятся вдруг день и ночь
Оценкой дел земного пребывания.

Бездушие

К бездушию нас в жизни приучают,
Открыта дверь к растерянным сердцам.
Сменился нрав, и сильно удручают
Дозволенности, данные слепцам.

Не виден здравый смысл, и ложь повсюду,
Туманом ум закутан с пеленой.
Не принять вашу мысль простому люду,
Обходят их законы стороной.

Не внять ему, что всей Земли богатства
Разделены на сотню богачей.
И не понять тактичного лукавства
Вещателей с трибун и их речей.

Как не поверить в сказку про бессмертных,
На тысячу годов с лихвой добра.
Смотря с выси и призирая смертных,
Его конёк – лукавство, ложь – сестра...

Воспоминаний тень

Воспоминаний тень нависнет невзначай,
Откроет ценность жизненных моментов.
Забытое давно в душе своей встречай,
Соединяя образ из фрагментов.

Кто принуждает тайно прошлое искать,
Без позволенья разуму скитаться
И заставляет томно память напрягать,
Всё ближе к давним чувствам прислоняться?

Переживанье сути иногда волной
Ворвётся ночью к нам тоской плачевной.
Прошедшее давно приходит, не впервой,
И потчует беседой задушевной.

Из давних, давних лет увижу нежный взор,
Что с теплотой в душе застыл навечно,
А предрассветный наш с тобою разговор,
Он будет длиться долго, бесконечно.

Своих посланников по мысленным путям
Нам посылает время с отдаленья,
И кто-то очень рад из прошлого гостям,
Кому-то так печальны те явленья.

Ласкает взор

Любовь и чувства лирикой души
Наполнило духовное сознание.
Прошу, рассвет, к закату поспеши,
Томительно дневное ожиданье.

Так радует улыбка твоих глаз,
Душа моя к объятиям стремится.
Я жду с поспешностью лишь пару фраз,
После чего мне легче объясниться.

Ласкает взор мой нежность твоих губ,
Тепло прикосновений умиляет.
Ты прошепчи мне, люб или не люб,
Пусть мои шансы шёпот уравнивает.

Настал наш час свиданья на лугу,
Пропахло всё вокруг травой пахучей.
Поверь словам моим, я не солгу,
Не сделаю я жизнь твою плакучей...

Любовь не делится

*Любовь – это бесценный дар.
Это единственная вещь, которую мы можем
подарить, и всё же она у тебя останется.*

Л. Н. Толстой

Мне нежность всю оставила любовь
И, уходя, промолвила: «Счастливо».
Ушла она, а образ вновь и вновь
Идёт вослед с улыбкой молчаливо.

Тебя любили, ты её любил,
Прикосновенье сердце согревало.
Где взять слова, кто нам бы разъяснил,
Ушла к другому, чувства не забрала.

Пусть нет её, осталось лишь тепло,
Оно пылать пожарами устало,
Порой давило грудь, внутри скребло
И по ночам неистово кричало.

Любовь не делится, дана нам на двоих,
Ушедший оставляет свою долю.
Но чувств ведь не бывает гостевых.
Уходишь – уходи, я не неволю...

Затихнет день

Затихнет день приятной суетой,
С закатом смолкнет птичья оперетта.
Дрожит здесь воздух яркой наготой,
Остынув за ночь, будет ждать рассвета.

Открытость с добротой нашли покой,
Прижавшись, рядышком вдвоём присели.
Довольные покладистой судьбой,
Обнявшись, ввысь мгновенно улетели.

Сердечность мыслей спишет часть грехов,
Они всем души злобой захламили.
Не разгрести нам этих ворохов,
Ведь мы за них печалью заплатили.

Непримирим в стремленьях человек,
Пришёл на землю чистым и правдивым.
Ему по срокам есть один лишь век,
И он не всем достанется счастливым.

Закат, отдав всю порцию тепла,
На отдых с заревом вниз устремится,
Красиво как, достаточно нам зла,
Но мысль не дремлет, ей совсем не спится...

Находить и терять

Наклоняясь, к берёзе щекой прислонюсь,
Безвозвратность пути не пугает.
С верой в вечность души на заре помолюсь,
Мы не знаем, что нас ожидает.

Истекают, проходят за днями года,
Мы всё чаще о прошлом тоскуем.
Половодье прошло, убывает вода,
Но печаль мы в душе затушаем.

Пыл костра ослабел, гаснет тихо искра,
На пороге нас осень встречает.
Мы грустим иногда, что проходит пора
И внутри жар огня затухает.

Находить и терять есть удел на века,
Но судьбой управлять мы не можем.
Заполняя последний листок дневника,
Предзакатную мысль там изложим...

Привиделось

Привиделось нам в грёзах наважденье,
Природа есть, но нет больших домов,
И человек в потугах и стремленьях
Всё ищет тень затерянных следов.

За нитью нить, растягивая время,
Не замечая истинных грехов,
И мыслят искренне: за что нам бремя?
Чем виноват Джон, Пьер и Иванов?

Морали нет, а есть одни намёки
На холод душ всех жителей земли,
Нам кажется, что дни конца далёки,
И в образах фунт, евро и рубли...

Жизни ранки

Болят и кровоточат жизни ранки,
Тайком всё ищем первозданный смысл.
Познаниям поставили мы планки,
Используя логическую мысль.

Противится наш разум тем мытарствам,
Которым был подвержен интеллект.
Нежданым, непредвиденным коварствам
Давать отпор стремится человек.

На сколько длинных лет нам хватит нервов
Для всех незримых тонкостей души?
И хватит ли нейроновых резервов
Рассматривать такие миражи?

Как в природе

Как в природе, идём мы кругами,
К концу ждёт нас хвала иль хула,
Наша жизнь примирилась с годами,
Часть пути безвозвратно прошла.

Прибавляя года, мы взрослеем,
С тихой грустью глядим всё назад.
Лишь под старость умом молодеем,
Выдаёт только вдумчивый взгляд.

Зацепились за жизнь всем сознанием,
В каждом возрасте путь лишь вперёд.
Не приемлем, хотя с понимаем:
Придёт время, и солнце зайдёт.

Эти мысли незримо блуждают,
Навевая порою печаль.
Может, просто извне намекают:
Бесконечности нет – только даль...

Забывать нельзя

Забывать нельзя, нам память не позволит
Пройдённые моменты все сокрыть,
А дивный облик искренне неволит
По-новому всё это пережить.

В воспоминаньях ход наш бесконечен,
Мы иногда немножечко грустим
И знаем: путь наш долог, но не вечен,
Остаток дней друг другу посвятим.

С теплом в груди назад мы смотрим часто,
Как будто часть души забыли там.
Казалось бы, для нас это богатство,
Но иногда след мокрый по щекам.

Идти, молчать, и даже в мыслях вместе,
Есть Божий дар, подаренный судьбой.
В дальнейшем счёт всех дней нам неизвестен,
Итожим жизнь с надеждой и мольбой...

Весны начала

Всё выше и всё ближе солнце к нам,
Сердца весенним светом согревая.
Пришла пора наваленным снегам
Водю стать, с горы ручьём сбегая.

Весны начала в солнечных лучах,
Стремительно растаяли дороги,
Наст белый был уменьшен на глазах,
Сугробы сразу стали вдруг пологи.

Прищурившись, ты смотришь на луга,
Отбросив тень от веточки ракиты.
Зальются талым снегом берега,
Попросит хмурый день твоей защиты.

Всё ярче и всё выше твой подъём.
Спеша, сильнее идут, бурля, потоки.
Заполнился до края водоём,
Быстрее наполняются протоки.

Весенний запах ноздри теребит,
Пришла пора, и солнце торжествует.
Теплом и лаской всех нас одарит,
Своим прекрасным видом зачарует...

Время пришло

Изнежен воздух, лёгкий, полевой,
С весенней теплотой к щеке касаясь,
Вчера холодный, жёсткий, вихревой,
Сегодня в извиненьях рассыпаясь.

Кругом снега, но нежность ветерка
Дала надежды встретиться с весной,
А первые попытки ручейка
Нам показались детскою игрою.

Проталины всё глубже с каждым днём,
А снега меньше к вечеру на поле,
Зато на речке льда большой подъём,
Набухло сильно по незримой воле.

Нежданно оборвутся холода,
Привыкшим к тёплым дням уюта мало.
Нас успокоит, что не навсегда,
А просто к нам зима гонцов прислала.

Ей сторговаться, время удержать,
Побыть ещё хозяйкой захотелось.
Но день длинней, и сроки уезжать,
А солнце ещё ярче загорелось...

ПРОЗА

Лунное ожерелье

Часть 1. Подготовка к путешествию

Лето выдалось нежаркое, с умеренными дождями и чудесными закатами. Погода в этом году приятно радовала Ивана Алексеевича.

Сегодня, после похода в лес, пришёл домой сильно уставшим, ноги немного побаливали от ходьбы, отложив все дела по хозяйству, удобно расположился в глубине сада, в беседке, и блаженно наслаждался прохладой и тишиной.

Жена его, Валентина Васильевна, ссылаясь на загруженность своими сугубо женскими делами, не приезжала к нему уже три дня.

В городской квартире, где они постоянно проживали, накопилось множество дел, и она решила задержаться.

Дети же редко приезжали. «Всё заботы да дела житейские» – так говорил обычно сын Иван. А у дочери с зятем был маленький ребёнок, наш любимый внук, и им было не до поездок за город.

Находясь в одиночестве в своём домике, Иван Алексеевич наслаждался отдыхом, тишиной сада и спокойной, умиротворённой обстановкой в округе.

Мысли перенесли его на два года назад, когда остро стоял вопрос о приобретении этого домика под дачу, где они планировали жить только летом, в тёплые дни.

С супругой долго обсуждали серьёзную покупку, но любовь к природе пересилила все их отрицательные доводы, и вот уже два года они являются владельцами небольшого деревенского дома, который находился недалеко от города.

Природа здесь действительно была необычайно хороша. На окраине деревни находился небольшой лес, где можно было с удовольствием походить по ягоды, да и грибных мест здесь было предостаточно. А река, извиваясь вокруг поселения, протекала почти у самых огородов сельчан.

Для супругов река была отдушиной в жаркое летнее время, с большим удовольствием уходили на реку искупаться и порыбачить. По вечерам же часто засиживались на берегу, любуясь чудесными закатами.

Загородная тишина радовала и приносила им много душевного тепла и безмятежности в эти прекрасные погожие дни.

Ивану Алексеевичу в последнее время не давала покоя мысль, появившаяся после того, как он зимой случайно по телевизору увидел передачу про Крымский полуостров. В этой передаче говорилось – якобы при отступлении фашистских войск из Крыма ими были запрятаны в горах музейные ценности, награбленные во время оккупации.

Упомянули, что среди этих сокровищ могло находиться ожерелье с красивым названием – «Лунное ожерелье», оценённое в огромную сумму в иностранной валюте.

А заинтересовался он этим сюжетом только потому, что эти сокровища предположительно были запрятаны немецкими войсками в скальных районах побережья Чёрного моря, недалеко от Севастополя, рядом с бухтой «Тайной».

Эти места Иван Алексеевич хорошо знал, проходил службу в этих краях.

Так что давнишнее желание посетить Крымское побережье, где служил, подкреплялось ещё желанием снарядить небольшую экспедицию в горы.

Одному ехать ему не очень хотелось, и он решил попросить жену составить ему компанию – понежиться на солнышке, а заодно походить по окрестностям в горах в поисках запрятанных сокровищ.

В своё время он много километров прошёл по скалистым тропам Крыма, знал эти места очень хорошо.

Воспоминания минувших лет печалили его лёгкой грустью, вызывая ностальгию по молодым годам, проведённым на службе, и в последнее время всё чаще и чаще появлялось желание там побывать.

Так, в размышлениях о поездке на Крымский полуостров, незаметно подкрался вечер.

Вечера здесь, в деревне, вдали от городской суеты, были на редкость хороши, тишина успокаивала и всегда наводила на приятные мысли, ну а сегодня, как по заказу, закат выдался необычайно красив.

Ярко-багряное солнце, переливаясь в невесомом воздушном потоке, медленно скатывалось к горизонту. Создавалось такое ощущение, что ярко-красный шар опускается за край земли.

Налюбовавшись чудом природы, Иван Алексеевич легко поужинал. Правил здорового питания он придерживался давно и даже гордился тем, что в любые трудные

жизненные времена мог питаться только полезной пищей. Старался никогда не переесть и не заниматься чревоугодничеством.

Пришло время ложиться спать, сегодня решил постелить себе в беседке.

Здесь по ночам так приятно пахло травами и было не так жарко, как в доме. Особенно благодатно воспринималась ночная свежесть после долгого дневного зноя.

Небосвод неотвратимо заволакивало пеленой надвигающихся сумерек. Звёзды, по мере наступления темноты, начали отчётливей и ярче выступать сквозь бездонное чёрное пространство и с каждой минутой становились всё крупней и выразительней.

Лёжа на свежем воздухе и любуясь звёздами, которые в эти летние ночи казались просто огромными, он незаметно уснул.

Ранним утром первые лучи солнца, просачиваясь тонкими световыми струйками через листву деревьев в саду, разбудили его.

Окончательно проснувшись, вспомнил много раз повторяющийся ночной сон: набегающие на берег большие волны моря, бурля и ударяясь о прибрежные скалы, медленно отходили назад, чтобы с новой силой броситься вновь.

Иван Алексеевич усмотрел в этом сне знак свыше и принял окончательное решение о поездке в Крым.

В добром настроении сделал зарядку и, весело напевая прицепившуюся с утра мелодию, пошёл принимать холодный душ.

С утра, как обычно, время прошло в мелких хлопотах по дому. Завершив все текущие дела по хозяйству, засобирались на рыбалку.

Взял удочку, стоящую под навесом, и направился к речке. Река хотя и была небольшой и глубиной не баловала, но рыбы всегда можно было наловить на уху.

Червей не стал копать: с прошлой рыбалки оставался в холодильнике сваренный горох. «Попробую изначально на него, но, если не будет поклёвки, накопаю червей на месте», – размышлял Иван Алексеевич, запиная банку с горохом в рюкзак.

Для лучшего клёва взял ещё с собой приманку для рыбы, которую в последнее время брал на каждую рыбалку. В мякиш хлеба добавлял травку любисток и бросал в воду перед тем, как начать ловить рыбу, с благодарностью вспоминая друга, который посоветовал ему данную подкормку.

Солнце уже почти взошло, и утренняя прохлада отступила. Предутренние часы – самое приятное время летом: дневной зной ещё не начался, а ночная прохлада уже ушла.

Подходя к реке, ещё издали заметил, что его излюбленное место занято. Решил не мешать товарищам по рыбалке, которые пришли раньше его, и прошёл дальше по течению.

Места здесь везде были на редкость удобные для любителей порыбачить, и на протяжении километра можно было беспрепятственно подходить к воде.

Новое место, которое он облюбовал, было не заилено, подход к воде удобен. Так что новое найденное им для рыбалки место было не хуже старого.

Усевшись под тенистой ивой, быстро подготовил удочку, заранее разбросав приманку. Тщательно нанизал на крючок несколько горошинок и забросил леску. Получилось очень удачно, поплавок закачался на середине реки, волн не было, водоём был спокоен и тих.

Ветерок, который ранним утром разыгрался, к этому времени притих, речка от попадания солнечных лучей отражалась зелёной гладью и слепила немного глаза.

Здесь, у осоки, на новом месте, клевало хорошо. «Большим уловом нельзя было похвалиться, но на уху хватит», – рассудительно думал Иван Алексеевич.

Примерно за два утренних часа он выудил из реки два язя и три небольших судачка, ощутив при этом небывалое наслаждение от рыбалки, и был рад улову, так как сегодня приезжает к нему жена и ему приятно будет её побаловать ухой.

Находясь на рыбалке и по дороге домой Иван Алексеевич всё не переставал рассуждать о поездке, размышляя, как уговорить Валентину Васильевну вместе с ним поехать на Крымский полуостров.

Мысль о поездке не покидала его до самого обеда.

В полдень Иван Алексеевич встретил супругу на остановке. Обычно он ездил за ней на машине в город, но сегодня заранее договорились, что она приедет сама, на автобусе.

Обрадованный встречей, начал рассказывать про сегодняшнюю рыбалку и как он хорошо справлялся с делами по дому в её отсутствие. Немного даже начал волноваться и суетиться, чего обычно не замечал за собой.

Так, за разговором, в дружной беседе, они дошли до самого дома и начали готовить обед.

Жена принялась за рыбу, а Иван Алексеевич – за разведение огня. Они любили готовить вместе в саду на природе.

Приготовление пищи на природе придавало им чувство праздника.

За хлопотами рассказал супруге, что он планирует с ней поехать в Крым отдохнуть, и, неожиданно быстро для него, она согласилась на эту поездку, даже обрадовалась данному предложению, сказав: «А почему бы и не поехать, мы так давно не отдыхали на море». Иван Алексеевич был безмерно рад этому положительному ответу.

За домашними делами и душевными разговорами не заметили, как прошёл день.

С удовольствием поужинали. Стол накрыли тут же, в беседке. Приготовленная уха на костре отдавала дымом и была особенно хороша в эти вечерние часы в летнем саду.

Сразу же после ужина, не откладывая, с интересом начал смотреть в ноутбуке расписание поездов и сколько времени займёт дорога в Крым.

По подсчётам получалось: чтобы добраться до Крыма поездом, уйдут сутки, столько же времени придётся затратить, если ехать на своей машине или на автобусе. Решили не спешить с решением и подумать на досуге.

День близился к концу. В саду начало понемногу смеркаться.

Слегка уставшие от домашних дел, они сидели в беседке, пили чай с травами, планировали поездку в Крым и обсуждали, что брать с собой и где лучше остановиться для проживания – на турбазе или же в частном секторе. Решили, что в частном домике рядом с морем будет намного удобней отдыхать, чем снимать городскую квартиру.

Так, в лёгкой, милой, задушевной беседе, они встретили закат, как всегда в это летнее время завораживающий незабываемой красотой и таинственностью, чарующий и не похожий на предыдущий...

Часть 2. Поездка в Крым

Прошло два дня после того, как было принято решение о поездке в Крым, к морю. Билеты были куплены на автобус.

Супруги после долгого совещания решили, что общественным транспортом ехать спокойнее, чем на личном, где придётся провести за рулём целые сутки. В автобусе же можно расслабиться и наслаждаться окружающим видом во время поездки.

С вечера упаковали свои дорожные сумки и выставили их в прихожей. Немного поспали перед дорогой.

На автовокзал постарались приехать заблаговременно. Отъезжающие, сонно переговариваясь в этот ранний час, ожидали посадки.

Водитель подошедшего автобуса в Крым протяжно посигналил, приглашая занять свои места в салоне.

Попутчики были доброжелательны, в основном пожилые люди, так что все уселись без юношеского галдежа, спокойно, без шума и суеты.

Перед самой отправкой, запыхавшись, подбежали опоздавшие: парочка – видно, муж с женой, лет под тридцать – и три молоденькие девчонки, скорее всего подружки.

Посадочная суета понемногу утихла, все успокоились, сидя на своих местах, и автобус, набирая скорость, начал отматывать километры в сторону солнечного и тёплого крымского побережья.

Дорога убаюкивала; когда проехали часа два, Ивана Алексеевича охватила дрёма, и он незаметно уснул.

Проснулся, когда солнце начало припекать в голову. Зашторив окно, начал помаленьку приходить в себя после сна. Жена сидела с томиком Есенина, стихи – её слабость, и в поездках она неотрывно могла читать их часами.

Ближе к обеду в салоне автобуса увеличился шум голосов. Три подружки, весело общаясь, задорно смеялись. Их весёлый смех настроил пассажиров на развесёлый лад, придав хорошее настроение, – все начали знакомиться и тихо переговариваться между собой.

Проехали город Новая Усмань Воронежской области, приблизительно километров триста пятьдесят от начала пути.

Пассажиры попросили водителя остановиться в тенистом месте на обочине, чтобы отдохнуть и перекусить.

Водитель, вняв просьбам пассажиров, съехал с дороги и притормозил. Остановились на стоянке, отведённой для проезжающих автотуристов; столики для отдыха располагались прямо под роскошной берёзой.

Было очень удачно выбрано место для отдыхающих: деревья оттеняли придорожные столики, а ветерок приносил прохладу.

Пассажиры с весёлым шумом высыпали из автобуса и, поблагодарив водителя, с большим удовольствием начали разминать свои затёкшие во время сидения конечности.

Группка молодёжи, живо беседуя, уселась возле берёзы. Начали фотографироваться, делать на память селфи на фоне окружающей местности, смеялись и веселились, тем самым значительно поднимали настроение остальным.

Но долго нежиться и наслаждаться прохладой водитель не позволил, громким голосом приглашая незамедлительно рассаживаться по местам.

По своим местам расселись на удивление быстро, без толкотни, и снова двинулись в путь. Пассажирам повезло, что автобус был оснащён кондиционером, ехать без него на дальние расстояния было бы невыносимо.

От нечего делать почти все смотрели в окно, где во всей красе простирались необъятные просторы нашей Родины, матушки-России.

«Собирали, собирали наши предки по крупицам земли Русские, а в девяностых распад СССР сильно сократил все наши территории», – печально размышлял Иван Алексеевич.

Усталость от поездки овладела всеми, некоторые мирно дремали в креслах, многие с интересом, не отрываясь от окна, рассматривали красоты здешних мест.

Иван Алексеевич сосредоточенно наблюдал мелькающие за окном небольшие города и сёла, которые располагались рядом с трассой, неоднократно замечая, что они, в принципе, все были однотипные, с одинаково расположенными улицами, похожими ларьками и домами.

И почти везде около поселений находилось множество торгующих снедью людей, в основном пожилого возраста.

Продавали, в принципе, всё, что растёт в огородах в этих местах, и чем ближе к югу, тем больше увеличился ассортимент продаваемых фруктов и овощей.

Иногда пассажиры просили водителя остановиться, чтобы размять затёкшие ноги и купить себе продуктов.

Так, с небольшими остановками и перекусами во время этих остановок, они проехали основную часть пути.

День начал клониться к закату, солнце, оттеняя деревья придорожной полосы, бросало от них причудливые формы на землю.

Было интересно наблюдать лучики солнца, пробивающиеся сквозь листву деревьев, которые при движении автобуса игриво перескакивали с одного дерева на другое и били прямо в глаза всем пассажирам, кто не соизволил зашторить окна.

Половина пассажиров к концу дня от усталости дремала, остальные вяло и тихо переговаривались между собой.

Воздух в салоне автобуса был прохладным, приятным для окружающих благодаря кондиционеру, который включался и отключался автоматически, поддерживая определённую температуру.

Ивана Алексеевича из лёгкой дрёмы вывел шум и толчея в автобусе, оказалось, уже подъехали к Керченской переправе и ждут очереди, чтобы перебраться на другой берег.

Супруга его всю дорогу почти не спала, плохо перенося любого рода путешествия, старалась больше читать, чтобы отвлечься.

Когда подъехали, засобиравалась с другими пассажирами посмотреть закат солнца над морем.

Кроваво-красное, почти огненное, оно наполовину скрылось за горизонтом. Казалось, что море вот-вот закипит от соприкосновения с водной гладью пылающего жаром солнца. Такой необычной красоты заход солнца в средней полосе России не увидеть.

Через некоторое время погрузились на паром. Море в это время было спокойным и тихим.

В Севастополь, после переправы, приехали только под утро. На автовокзале пассажиры из автобуса выходить не спешили, было ещё очень рано.

Дремали на своих местах; зная о том, что день предстоит беспокойный, не спешили покидать насиженные места.

Но город начал рано просыпаться от ночного сна, залязгали трамваи, начали появляться люди, неизвестно куда спешащие в этот ранний час.

Городская суэта и шум транспорта оживили улицы. Поспать, естественно, из-за такого шума не удалось.

Иван Алексеевич с супругой мило попрощались со своими попутчиками и, забрав свои дорожные сумки, вышли из автобуса.

Сразу же пошли искать транспорт, чтобы добраться до своего нового курортного места проживания, заранее забронированного ещё из дома.

Место для своего отдыха супруги выбирали очень долго, дотошно разглядывая на карте курортные места Крымского полуострова.

Наткнувшись на одно местечко, которое находилось недалеко от Севастополя, решили, что останутся непременно здесь. Этот живописный уголок, по рассказам будущей их хозяйки жилья, тепло назывался посёлком Солнечным, располагаясь буквально на берегу моря.

При выборе данного места отдыха немаловажную роль сыграло название посёлка, который был вскользь упомянут в той давней передаче по телевидению – про запряжанные сокровища в военные годы. Как раз в этих горных местах супруги и планировали осуществлять поиски предполагаемого клада.

Посадочную платформу, откуда должны отправляться автобусы в посёлок, нашли быстро и уже через несколько минут сидели внутри.

Удобно расположившись, позвонили хозяйке жилья, предупредили, что скоро приедут, и отправились ещё к одной неизвестности – к интересным и небезопасным приключениям...

Часть 3. Посёлок Солнечный

В посёлок Солнечный доехали быстро, правда, в самом посёлке немного пришлось поплутать по здешним улочкам, прежде чем дошли до будущего жилья.

Подойдя к дому, увидели, что калитка, ведущая внутрь сада, была не заперта и Ольга, хозяйка дома, уже поджидала их на тропинке.

Дом находился недалеко от моря, буквально метров двести.

Это расположение порадовало Ивана Алексеевича и его супругу возможностью в любое время дня и ночи пройти до моря пешком за считанные минуты.

Хозяйка дома оказалась приятная, полноватая женщина лет сорока пяти. Вежливо, со знанием дела всё объяснила им, показала, рассказала и отвела в небольшой домик, находившийся рядом с основным её жилищем.

Небольшая постройка располагалась почти в середине сада и представляла собой аккуратное жильё для туристов с подведёнными к нему водой и газом, что было немаловажно для комфортного проживания.

Ивану Алексеевичу и его супруге всё очень понравилось, и, от чистого сердца поблагодарив хозяйку, ушли к себе немного отдохнуть после дороги.

Чуть позже они планировали сходить на местный пляж, недолго позагорать и поплескаться в море.

Про пляж им также с подробностями рассказала Ольга, объяснив, где ближе пройти к нему и в каком месте лучше расположиться для купания.

Буквально пару часов хватило, чтобы распаковать свои дорожные сумки и немного отдохнуть, полежав в тенистой беседке. После чего они начали собираться.

Сборы заняли совсем немного времени, и вот они уже шагали по здешним улочкам, направляясь в сторону манящего издали моря.

Пройдя буквально минут пятнадцать от своего нового жилья, они очутились на берегу.

Народу на местном пляже оказалось немного, и это их удивило и порадовало. Обычно в летний сезон не протолкнуться на черноморском побережье, а здесь было малоллюдно.

Вода в море была в меру тёплая, заходить было удобно, и буквально в десяти метрах от берега начиналась уже приличная глубина, что очень понравилось Ивану Алексеевичу.

Оставшись довольным приёмом хозяйки, расположением пляжа и, что немаловажно, прекрасным берегом моря с мелкой, чистой галькой и хорошим заходом для купания, Иван Алексеевич, удобно расположившись на лежаке под зонтиком в тенёчке, начал осматриваться по сторонам.

Место для купания отдыхающих находилось в уютной небольшой бухточке, которая протянулась чуть больше километра вдоль побережья.

С одной стороны бухты выступал мыс, закрывающий часть моря с восточной стороны.

Слева и справа, на расстоянии нескольких километров, побережье было гористым, и подход к морю в этих местах осуществлялся, скорее всего, по тропинкам, которые были видны с берега и, по всей вероятности, находились в большом количестве по всему побережью.

Из каких мест вели эти тропинки к морю и куда можно по ним добраться, наверное, было известно только местным жителям.

Накупавшись вволю, загорать в первый день поосторожничали: солнце здесь не такое безобидное, как в средней полосе России, так что пребывание на пляже под палящими лучами было небезопасно.

Валентина Васильевна взяла под свой чуткий контроль время нахождения под жарким южным солнцем.

Собрав вещи, пошли к своему новому месту проживания. Иван Алексеевич немного поворчал, что так рано уходят, но в душе полностью согласился с супругой. Дошли до нового жилища быстро, не плутая.

Наступил вечер – стоило солнцу перевалить за горный хребет, как начало быстро темнеть.

Закат в горной местности Крыма хотя по продолжительности был короче, но красотой и игрой света ничуть не уступал заходу солнца на равнине. Удивила и пришлось по душе необычность здешнего воздуха, который к концу дня просто поразил и заморозил их своей свежестью, донося с побережья своеобразный, солоноватый привкус моря.

Иван Алексеевич с супругой с удовольствием поужинали в открытой беседке. Вдалеке было видно море, которое во время захода солнца неожиданно окрасилось тёмными тонами.

Новое место проживания понравилось близостью моря, новизной ландшафта в округе и красотой непривычной экзотической растительности, которая повсюду окружала их.

На следующий день у них был запланирован поход в горы. С вечера, заблаговременно, решили подготовить рюкзаки, сложив туда самое необходимое.

Собирали рюкзаки по заранее подготовленному списку, чтобы ничего не забыть.

– Валентина! Проверь, всё ли взяли из провизии, – напомнил Иван Алексеевич супруге, которая, как женщина, возложила на себе заботу и обязанность по закупке и приготовлению пищи.

Сам Иван Алексеевич с большой скрупулёзностью сложил всё, что касалось одежды и инвентаря, предусмотрев холодные зори и вечера.

– В походе одежда лишней не бывает, – всегда любил повторять он.

Так же аккуратно свернули и положили сверху рюкзака верёвку, со слов Ивана Алексеевича – «очень нужную вещь».

Не забыли положить спички, котелок, фонарик и приготовить питьевую воду, специально купленную для похода днём в здешнем магазине.

Всё, что было нужно для похода, уложили в рюкзаки, воду поставили в холодильник.

– Всё, на завтра мы готовы, – облегчённо сказал Иван Алексеевич, и они начали собираться ко сну.

Спать расположились на воздухе и ещё долго, прежде чем заснуть, переговаривались, по-доброму вспоминая первый день, проведённый на крымском побережье, нахваливая хозяйку Ольгу за её внимательность и вежливое отношение к ним.

Взволнованные предстоящим походом, ещё долго ворочались, не засыпая, но усталость дала о себе знать, и сон окутал их уставшие тела лёгкой дремой, переходящей в глубокий сон.

Проснулись рано утром, когда солнце едва позолотило верхушки гор с восточной стороны.

С интересом наблюдали, как изначально, по мере подъёма светила, за горной грядой увеличилась оранжевого цвета дымка, которая по мере подъёма солнца испарилась. Потом зарево от солнца, за горой, разлетелось своими разноцветными лучиками по всему небу и на верхушки гор, где они, преломляясь, рассыпались по побережью. Море переливалось всеми цветами радуги и искрилось при попадании этих лучей на колышущиеся волны.

Налюбовавшись такой чудесной игрой света, Иван Алексеевич с Валентиной Васильевной, с рюкзаками

на плечах, направились к калитке. Перед выходом, по народному поверью, присели.

Вдоль моря им пришлось пройти около километра, пока они не подошли к изрядно истоптанной, ещё вчера облюбованной ими тропинке, которая, поднимаясь вверх, петляла между деревьев, уходя всё выше и выше в горы.

Подъём начали в среднем темпе, но, пройдя буквально полчаса, начали уставать. В первую очередь устали ноги, становясь непослушными и наливаясь свинцовой тяжестью.

С высоты, на которую они поднялись, как на ладони просматривался весь горный хребет.

Тропинки, как нити, были разбросаны по всему плоскогорью.

– Нужно быть внимательней, от такого изобилия горных дорожек легко можно сбиться с намеченного маршрута, – сказал Иван Алексеевич жене.

Осмотревшись, попили водички и расположились отдыхать, перекусывать не стали – было очень жарко, есть не хотелось.

Передохнув, продолжили свой путь. По мере движения изменили немного маршрут, чтобы обойти оказавшуюся на их пути гору. Не имея растительности, она представляла собой высокую, остроконечную каменную глыбу, нависшую над морем.

Усмотрев опасность перехода по такой горе, они взяли немного правее, тем самым обезопасив себя.

Идя высоко в горах вдоль моря, было очень приятно наблюдать морскую волну, которая, набегая с белой пенкой на скалистый берег, откатывалась назад.

Ивану Алексеевичу вспомнился сон, который видел дома, давно, когда только планировал свою поездку

в эти края. И сегодняшний вид моря с высоты напоминал ему этот сон.

Большое расстояние не давало в деталях рассмотреть это природное явление, но общая картина набегающей вспененной волны завораживала их своим необычным видом и сверху выглядела очень красиво.

Вид с высоты на море немного удивил его заметным сходством со сном, но, не веря суевериям, не обратил внимания на это и не стал рассказывать супруге; та, в отличие от него, верила в предсказания и сны.

Бывая во многих районах своей необъятной страны, они очень много повидали красивых мест. Но здесь, в горах Крыма, сочетание необычности горных ландшафтов и присутствия моря внизу было просто незабываемым чудом природы.

Иван Алексеевич с охотой фотографировал интересные и необычные горные места и в очередной раз сильно впечатлялся этими дивными видами.

– Будет что посмотреть и показать детям после того, как приедем домой после отдыха, – неоднократно повторял он супруге.

Завидев парусник в море, сделал несколько снимков с разных ракурсов.

Часто фотографировал супругу, в основном на фоне гор и моря, – снимки получались насыщенные яркими красками и очень романтичные.

Тропинка вывела их к самому краю горы, где сразу за небольшой площадкой начинался обрыв. Внизу, на большом расстоянии, была видна заводь, похожая на бухту, только в малых размерах.

Валентина Васильевна с осторожностью посмотрела вниз. Ветер, налетевший с моря, сталкиваясь с отвесной скалой, резко поднимался вверх с большой силой.

На самом краю обрыва сила ветра была так велика, что они решили не испытывать судьбу и отошли немного от края.

Приближались обеденные часы, супруги решили основательно отдохнуть и перекусить, расположившись рядом с тропой под деревьями.

Иван Алексеевич ещё дома с большим любопытством и интересом читал о растительности в Крымских горах.

Флора Крымского полуострова очень необычна и разнообразна и, можно даже сказать, уникальна. Здесь много растений, которых больше нигде нет в мире. Есть даже реликты – растения, которые сохранились без изменений в течение не тысяч, а миллионов лет. Им было очень интересно всё это потрогать руками.

Отдых у них занял целый час. Так не хотелось прерывать такой чудесный обед на свежем воздухе, но время не терпит промедлений, нужно идти дальше.

Валентина Васильевна намекнула супругу ограничиться пройденным расстоянием, но Иван Алексеевич не хотел отклоняться от ранее намеченного маршрута и уговорил её продолжить путь.

Дорожка, по которой они шли, начала спускаться к морскому побережью. Идти стало легче. «Подъём забирает больше сил, чем спуск», – подумалось Ивану Алексеевичу.

Обошли ещё одну скалу, нависавшую над морем, и вышли почти к самому побережью.

Пройдя по берегу, рядышком с перекатывающимися небольшими волнами, завернули немного вправо и поднялись в горы с другой стороны скалы.

Дальше путь начал пролегать уже по нехоженным местам, тропинок в этом направлении не было.

Идти здесь было труднее, приходилось внимательней осматриваться вокруг, чтобы не сбиться с намеченного направления.

Поднимаясь всё выше и выше, увидели пещеру. Она зияла тёмной дырой в скале, вход в неё прикрывало небольшое деревце.

Подойдя к самому входу, с интересом начал осматриваться.

У Ивана Алексеевича глубоко засели в голове телевизионные передачи, в которых говорилось о запрятанных немцами сокровищах при отступлении с этих мест. А найденная пещера давала ему надежду и возможность проверить свою удачу.

«Вдруг повезёт найти запрятанный клад», – подумал он, с надеждой подходя к пещере.

Заранее, до поездки сюда, он начал интересоваться горным побережьем и пещерами Крыма, находившимися в этой части полуострова.

С увлечением рассказывал супруге о гористом побережье полуострова и пещерах, расположенных в горах, убеждая, что где же, как не в пещерах, можно спрятать сокровища.

В Крымских горах, действительно, пещер было очень много, – дело в том, что некоторые горные плато сложены известняками, которые сравнительно легко поддаются эрозии, то есть вымыванию пород. Такие процессы как результат создавали множество пещер на всём побережье Крыма.

В настоящее время учёными выявлено здесь более тысячи больших и маленьких пещер. Из них где-то пятьдесят пещер считаются крупными (длиннее пятисот метров и глубже ста), а две пещеры в Крыму считаются крупнейшими (длиннее пяти тысяч метров и по глубине больше пятисот метров).

Когда Иван Алексеевич рассказывал об этих природных явлениях супруге, она долго удивлялась, как можно под землёй пройти расстояние в пять тысяч метров.

Для неё хождение под землёй было очень опасным занятием и сильно пугало.

Подойдя вплотную к самому входу, Иван Алексеевич начал подготовку к обследованию подземной расщелины.

Достал из рюкзака соответствующую экипировку: резиновые сапоги, верёвку, прорезиненную куртку; проверил фонарь.

Супруга забеспокоилась, начала предостерегать, чтобы он, когда будет продвигаться в пещере, при первой же опасности немедленно возвращался назад.

Он кивал, соглашаясь, и заверил её, что будет очень внимателен.

Привязав страховочную верёвку, похлопав ободряюще жену по плечу, Иван Алексеевич двинулся вглубь расщелины, навстречу неизвестности.

Первые шаги дались ему легко, шёл уверенно и без опаски, высота грота позволяла идти во весь рост, не сгибаясь.

Впечатления были необычными, ему казалось, что он как бы поднимается немного вверх, но, когда прошёл немного вглубь пещеры, это ощущение исчезло.

Фонарь выхватывал из темноты мрачные стены; немного было страшновато находиться одному в этом каменном мешке, расположенном по горизонтали.

Летучих мышей, которые обычно заселяют такие углубления, не было видно, и это порадовало. Он не любил, когда они носятся вокруг с противным писком.

С продвижением вперёд диаметр отверстия стал меньше. Начала пугать мысль, что пещера может так

сузиться, что трудно будет повернуться в ней, чтобы вернуться назад.

Такая перспектива его не радовала. Пройдя ещё метров пятьдесят, точно определить расстояние в пещере было трудно, диаметр расщелины действительно начал сужаться, и пришлось на коленях, чуть ли не ползком, продвигаться дальше.

Опасаясь застрять в пещере, решил возвращаться.

Выбравшись, весь в грязи и паутине, он долго сидел, вдыхая свежий воздух.

Начал эмоционально рассказывать супруге свои впечатления, испытанные в глубине пещеры, этим самым снимал свой внутренний страх и накопившееся напряжение.

В глубине души немного расстроился, что никакого клада в пещере нет и в помине.

Выговорившись и отдохнув немного, Иван Алексеевич начал собираться в обратную дорогу, аккуратно упаковывая свой походный инвентарь в рюкзак.

Назад возвращались уставшими, но так как дорога была им знакома и вела к дому, в большей части под горку, то обратный путь они прошли легче и намного быстрее.

В свой домик вернулись, когда начало уже темнеть, измотанные, но очень довольные сегодняшними приключениями.

За ужином у Ивана Алексеевича в голове рождались грандиозные планы по вылазкам в горы, и, скорее всего, половина из них останется только планами.

Но этот душевный порыв к действиям взбадривал его и уносил во всё новые и новые мысленные приключения.

Долго они ещё сидели, наслаждаясь приятным вечером, и не могли наговориться, обсуждая детали сегодняшнего дня и строя планы на будущее.

Засиделись почти до полуночи, наговорившись всласть, начали готовиться ко сну, – легли и почти мгновенно уснули с надеждой на хороший завтрашний день и с пожеланиями друг другу приятных снов.

Часть 4. Музей в посёлке Солнечном

Прошло два дня после первого похода, усталость, полученная от хождений по горам, ушла. За это время они успели полностью акклиматизироваться, кожа покрылась загаром, и супруги перестали бояться палящих южных солнечных лучей.

Погода приятно радовала – стояла солнечная, без дождей и сильного ветра. Эти дни они просто нежились на солнышке, загорая и плескаясь в приветливых водах черноморского побережья, а по вечерам гуляли по посёлку или же бесцельно лежали в беседке, ведя задушевные беседы.

Иногда, вечером, ходили полюбоваться морским закатом и мерным звуком прибоя. Им нравился заход солнца на море в эти тихие тёплые вечера.

Загорать старались лишь утром, часиков до десяти, и после четырёх часов вечера, в это время солнце не так сильно припекало своим жаром, и они чувствовали себя комфортно под его лучами.

Днём чаще всего были дома, читали, находясь в саду, смотрели телевизор, пару раз выходили в посёлок посмотреть местные достопримечательности.

Расположенная в двух шагах от домика беседка была чудесно обустроена и оплетена виноградником, так что укрыться от палящих дневных лучей им было где.

Но отдых и ленивое лежание на пляже с каждым днём всё сильнее начинали утомлять Ивана Алексеевича, и он

загрустил, время от времени затевая разговор с супругой о следующем походе.

Поначалу Валентина Васильевна всё отнекивалась, но под упорными уговорами согласилась на очередное путешествие по горам.

Решили ещё денёк позагорать на море, а потом отправиться в очередную экспедицию, сделав её более длительной, может, даже остаться в горах с ночёвкой.

Узнали со слов хозяйки Ольги, что недалеко располагается туристическая база, буквально в трёх-четырёх часах ходьбы от посёлка Солнечного. Решили воспользоваться этим благоприятным соседством и посетить её.

Находилась туристическая база отдыха со странным названием «Арабелла» в горах, в восточной части от посёлка.

Решение о походе было принято, им оставалось уточнить маршрут по карте, и можно начинать подготовку.

За всё то время, что они находились здесь, несколько раз заводили беседы с местными жителями о военном времени и о действиях оккупационных войск в окрестностях посёлка. Но старожилы, в основном женщины, на их вопросы отвечали неохотно.

Одна бабушка, которой, наверно, было лет сто, часто сбиваясь, а иногда и повторяясь, всё рассказывала, как было страшно на войне, вспоминала частые бомбёжки и гул самолётов, а конкретно по заданному вопросу от бабушки они так ничего и не услышали, хотя она прожила всю оккупацию в этом посёлке.

В дальнейшем о сокровищах Иван Алексеевич старался не расспрашивать, а просто доверился воле случая, а там будь что будет.

Свечерело; поужинав, удобно расположились в своей тенистой беседке. На море – полюбоваться закатом – решили сегодня не ходить.

На завтра запланировали понырять на глубину в море, с маской и ластами.

На следующий день, встав пораньше, заспешили на пляж. Прибрежная полоса была уже частично занята.

Отошли подальше от людей, и Иван Алексеевич начал опробовать подводное снаряжение.

С собой взяли только самое необходимое для погружения под воду – маску с трубкой и ласты.

Штормов в этих местах не было давно, и вода была кристально чистая.

Отплыв метров на тридцать от берега, Иван Алексеевич начал нырять на глубину, которая в этих местах была примерно метров десять. Видимость была превосходная, отчётливо можно было увидеть, как мелькает мелкая рыбёшка вокруг него.

На самом дне были только водоросли, да ещё валуны, покрытые мхом, иногда ещё он замечал полупрозрачные, медленно проплывающие медузы.

Иван Алексеевич не стал нырять до самого дна, поосторожничал – возраст не тот, что в молодости, да и не было особой нужды в этом.

Изначально, по приезде сюда на отдых, у него было большое желание поохотиться с подводным ружьём, но не смог купить его здесь, в посёлке. А ехать за ним в Севастополь поленился. Так что пришлось на этот раз обойтись без подводной охоты и довольствоваться тем, что есть.

Немного поныряв, он вернулся к супруге и начал уговаривать её посмотреть подводную красоту. Она сначала отказалась, но потом всё-таки решилась попробовать опуститься на небольшую глубину.

Погружение сильно впечатлило её. Но любование подводным миром продлилось недолго.

Под водой её руки коснулась медуза, и она стремглав выскочила на берег. И ещё долго обмывала это место принесённой для питья водой, боясь ожогов на коже.

Иван Алексеевич успокоил её, сказав, что от таких маленьких медуз ожогов не бывает.

Время было ближе к обеду; посоветовавшись, засобирались домой, довольные своим нырянием и увиденными подводными красотами.

В полуденный зной решили разнообразить свой отдых и сходить в местный музей, про который они ещё вчера вечером расспросили у хозяйки.

Музей нашли быстро, он находился прямо в центре посёлка. С виду это был обычный жилой дом с большой, слегка выцветшей вывеской.

Заведующую этим музеем звали тётя Даша. Она здесь была и за руководителя музея, и за технического работника, а также занимала должность экскурсовода.

Размещались экспозиции в трёх комнатах-залах. Первый зал был посвящён Великой Отечественной войне.

Подборка предметов военных лет, размещённая на стеллажах, где находились разнообразные экспонаты, начиная от личных вещей матросов, солдат и командного состава военных лет до осколков подводных мин и мелких частей затонувших кораблей, как советских, так и немецких, очень заинтересовала Ивана Алексеевича.

Внимательно, стараясь не пропустить ни слова, прослушали развёрнутый рассказ тёти Даши и узнали, что борьба за Крым продолжалась на протяжении почти трёхлетнего периода, который условно был разделён на два этапа: первый этап – это активные боевые

действия регулярных частей вермахта и Красной армии (октябрь 1941 – июль 1942 и апрель – май 1944); второй – оккупация (декабрь 1941 (фактически август 1942) – апрель 1944), когда основным противником немецких силовых структур на полуострове были партизаны.

Побывали ещё в двух комнатах-залах музея.

Вторая комната была заставлена всякого рода морскими находками, которые были найдены на глубине или же были выброшены волнами на берег после большого шторма.

А третья комната была историческим повествованием посёлка Солнечного.

В 1930-х годах в Крыму, как и в целом по стране, развернулась индустриализация, а посёлок Солнечный был официально зарегистрирован в 1935 году. Кустарное рыболовецкое производство посёлка было переоборудовано в более крупное рыболовецкое хозяйство.

Всё это очень подробно и поэтапно было отображено на размещённых здесь фото, а также в статьях и разного рода публикациях прошлых лет.

Иван Алексеевич с большим интересом и с восхищением рассматривал всё, что находилось в музее. Даже попросил у заведующей разрешения сделать несколько снимков понравившихся предметов и старинных вещей, а всю военную экспозицию фотографировал полностью, так его всё это увлекло.

Увиденным супруги были сильно впечатлены и остались очень довольны тем, что выбрали время сходить в музей.

Сердечно поблагодарив тётю Дашу, пошли к своему жилищу – отдохнуть, в уже полюбившуюся им беседку с виноградником.

Им сегодня ещё предстоит собирать вещи для завтрашнего похода, и хотелось бы внимательнее отнестись к такому ответственному делу и ничего не забыть, собирая рюкзаки.

К вылазкам в горы Иван Алексеевич относился очень серьёзно и всегда любил повторять: «Горы ошибок не прощают».

Всё, решено, завтра в путь, в горы, к приключениям...

Часть 5. Приключения в горах

С вечера собрали рюкзаки, поставили будильник на четыре часа. Спать не хотелось, сидели, обнявшись, в беседке и смотрели в бездонное пространство звёздного неба.

Завтра предстоит ещё один интересный поход в горы.

Иван Алексеевич бегло пробежал глазами по списку уложенных в рюкзак вещей.

– Вроде бы всё взяли, нужно ложиться спать, – сказал он супруге. Та, согласно кивая, начала стелить постель.

Проснувшись спозаранку, Иван Алексеевич посмотрел на часы, было без четверти четыре. «Да, пора вставать», – решил он, и они начали одеваться.

Погода сегодня с утра была пасмурная, всё небо заволокло тучами. Валентина Васильевна начала суетиться у плиты, готовя кофе.

Легко позавтракав, двинулись к выходу, прикрыв калитку, пошли по затенённым улочкам, навстречу неизвестности.

Соразмерив груз рюкзаков и длину пути, подсчитали, что идти до лагеря в горах им придётся больше четырёх часов.

Тропинка, ведущая в туристический лагерь «Арабелла», была пологая, идти было не трудно, но, пройдя полпути, устали и решили отдохнуть.

Выбравшись на очередную полянку, остановились, расположились на больших валунах, буквально в трёх шагах от дорожки. Есть не хотелось, попили только водички и, вытянув ноги, прилегли на камнях.

Примерно через полчаса увидели парня с девушкой, которые шли в том же направлении, что и они.

Скорее всего, это была семейная пара, которая вежливо поинтересовалась у них, правильно ли они идут на туристическую базу, и, получив положительный ответ, продолжила свой путь.

Супруги, посидев ещё минут сорок, двинулись вслед за ними.

Дождик всё-таки пошёл, сначала сильный, с порывами ветра, но через двадцать-тридцать минут ветер притих, и дождик стал просто накрапывать.

Шли очень осторожно, опасаясь поскользнуться на мокрых камнях.

Перед самым концом пути небо прояснилось, облака разогнало ветром, и природа, омытая дождём, представала во всей своей горной красе.

Наконец вдалеке показались строения, это и была туристическая база, куда они так усердно шли.

Немного уставшие, но довольные собой, что очередное испытание было преодолено, пошли напрямик к административному зданию, заметив вывеску на одном из домиков.

Горный переход прошёл хорошо, перенесли легко, несмотря на непогоду и скользкую тропинку при подъёме.

Проживая совместно, супруги давно привыкли к разного рода трудностям, а у Ивана Алексеевича выработалась

к этому времени определённая жизненная концепция, которая облегчала ему восприятие окружающего мира.

Она гласила:

«Ничему не удивляться и не переживать, если мы не можем изменить ход событий».

«Что ни делается – всё к лучшему».

«Выход есть из любого положения, нужно только его найти».

«Главное – собственная жизнь и жизнь близких тебе людей: родителей и собственной семьи».

«Постановка личных целей и пути их достижения наполняют жизнь смыслом и содержанием, отвлекая от негатива».

«Оптимизм, шутки, смех, а также приятное общение облегчают жизнь и делают её ярче».

Как правило, он всегда придерживался вышеизложенных принципов, считая их главной мудростью в жизни, и избегал заумных рассуждений, фарса и лжи.

В здешней администрации их встретили по-доброму, быстро нашли свободный домик для проживания.

В домике было без излишеств, только самое необходимое: кровать, тумбочка, душ и туалет.

Но такая обстановка их не сильно удивила и расстроила.

– Жаль только, телевизора нет, – разочарованно промолвила Валентина Васильевна.

Провожаящая девушка Лена успокоила её, сказав, что телепередачи можно смотреть в административном корпусе.

Разъяснила ещё, что завтра, если есть желание, можно будет сходить с группой в туристический поход и что маршрут не очень сложный. Скорее всего,

успокоила, сказав про лёгкий маршрут, видя их немолодой возраст. Продолжила увлечённо рассказывать, как делятся маршруты и какие бывают категории сложности.

Эти тонкости по сложности были им неинтересны, они лишь спросили, в какое время здесь обед и ужин.

Получив обстоятельный ответ и вежливо поблагодарив Лену, Иван Алексеевич с Валентиной Васильевной принялись устраиваться на новом месте.

Переодевшись с дороги и разложив свои вещи, решили сходить в местную столовую, где пища готовилась на костре.

Готовили на улице, во дворике пищеблока; там же, в сторонке, ближе к валунам, располагались летние столики для приёма пищи.

С превеликим удовольствием поели, поблагодарив поваров, и пошли обживать свой горный домик.

Вечером, на свежем воздухе, с большим удовольствием посидели на улице, в отведённой для отдыхающих озеленённой беседке. Долго с восхищением любовались природным колоритом и очень сильно были восхищены всей этой вечерней красотой. Особенно поразила чистота и свежесть воздуха.

Засиделись допоздна, вспоминая свой дом в далёком Орловском крае, и немного взгрустнули.

К ночи небо прояснилось полностью, звёзды казались просто огромными на тёмно-синем небосводе и так ярко светили, своеобразно мерцая холодным светом, что было ощущение раннего вечера.

Утром следующего дня Иван Алексеевич с супругой отправились в туристический поход.

Вместе со старшим в группе насчитывалось десять человек. Проверив правильность укладки рюкзаков,

пошли по тропке в восточном направлении. Шли друг за другом на небольшом расстоянии, чтобы не потеряться. Непринуждённо переговариваясь, уверенно шагали всё дальше и дальше от лагеря.

Маршрут похода был стандартный, нетрудный, вернулись под конец дня на базу в прекраснейшем настроении и не сильно уставшие.

За время, проведённое в горах, сдружились с двумя женщинами, которые были из города Ельца, почти землячки. Липецкая область, куда входит город Елец, находится на границе с их Орловской областью, так что было о чём поговорить, и даже оказалось, что у них есть общие знакомые.

День действительно прошёл очень плодотворно. С прекрасными впечатлениями и очарованные видом здешних мест, вечером сидели у окошка, пили чай и тихо беседовали.

Назавтра они решили отдохнуть на турбазе, походить по окрестностям с фотоаппаратом, а на послезавтра запланировали отправиться на денёк к морю. По пути, по возможности, обследовать местность, вдруг доведётся увидеть неисследованные пещеры, гроты или углубления в горах.

Маршрут выбрали по своему усмотрению, наугад, но спланировали так, чтобы спуститься к побережью, там искупаться и вернуться в этот же день назад.

Восход еле-еле забрезжил в округе, а они уже вышли из своего домика и зашагали в выбранном направлении. Утренняя прохлада своей свежестью взбодрила и вывела их из состояния полудрёмы.

– Крымские горы нам запомнятся надолго, – говорил Иван Алексеевич супруге, рассматривая скальные вершины вдалеке.

Немного пройдясь по дорожке, вышли на ровную площадку, где открывался чудесный вид горной гряды, откуда начинало подниматься ярко-красное солнце.

Тропинка раздваивалась, и перед ними оказались два пути: один, с крутым спуском, уходил прямо вниз, а другой сворачивал к югу, огибал горный массив, но в итоге всё равно они вели к морю.

Выбрали путь по менее крутой тропинке, она была мало хожена и в большинстве своём заросшая кустарником. Иногда, с большим трудом пробираясь через него, царапали себе колючками руки и ноги.

Трава здесь была жухлая, негустая, в одном месте заметили желтобрюхого полоза. Валентина Васильевна ещё долго после этого случая прижималась к супругу и с большим вниманием смотрела под ноги.

За очередным поворотом тропинка начала круто спускаться вниз, – опасаясь сорваться, шли очень осторожно.

Прошли ещё метров восемьсот и оказались около ущелья. Узкий проход пугал их высокими обрывистыми скалами.

Часто смотрели на вершины гор, боясь падения камней, и шли всё дальше и дальше по узкой расщелине. Проход начал расширяться, с левой стороны скалы увидели грот, неглубокую горизонтальную пещеру со сводчатым потолком и широким входом.

Зашли в него, с интересом осмотрелись и не увидели ничего интересного для себя. Присели у входа отдохнуть в тенёчке.

Удобно расположившись на больших плоских валунах, нежились, занимая себя разговорами о горной растительности. Вспомнили, как тяжело было спускаться с высокой горы, и решили на дальнейшее, что лучше

обходить опасные места, чем подвергаться напрасным опасностям.

Время шло, пора продолжать свой путь. Но перед тем как идти дальше, Иван Алексеевич решил ещё раз повнимательней осмотреть грот и, взяв фонарь, налегке вошёл вглубь грота.

Валентина Васильевна в прямой видимости от него расположилась у входа.

– Предупреди, если нагрянут медведи, – с улыбкой, шутя, сказал Иван Алексеевич.

Супруга, улыбаясь шутке, махнула вослед рукой.

Старательно осматривая грот, он заметил в одном месте неестественный изгиб стены с выпирающими камнями. Под светом фонаря было отчётливо видно, что кладка была на цементной основе. «Похоже, здесь в своё время заложили отверстие в стене», – решил Иван Алексеевич.

Взяв свой нож, поковырял им шов между камней, понял – действительно цемент.

С собой в походы он всегда брал охотничий нож, который неоднократно выручал его в экстремальных ситуациях. Длина лезвия была приличная для ножа – тридцать с небольшим сантиметров, им с лёгкостью можно было рубить тонкий кустарник и даже копать землю.

Позвав супругу на помощь, попросил её посветить ему и начал внимательно осматриваться, шаг за шагом обошёл заинтересовавшее его место и пришёл к выводу, что это действительно заложенный лаз, а может быть, даже замаскированный вход в глубокую пещеру.

«С чего же начинать? – напрягая память, думал Иван Алексеевич. – Как разобрать цементную кладку?»

В уме промелькнули все похожие эпизоды из просмотренных фильмов и прочитанных приключенческих

рассказов о пещерах, но, кроме как сделать подкоп, в голову ничего не приходило.

Смастерил из палки, которую нашёл недалеко от входа, подобие деревянной лопаты. Площадь самодельного инструмента по ширине была небольшая, но выбирать не приходилось. «Сойдёт и такая», – думал Иван Алексеевич, примеряя её по длине.

Под стеной ножом разрыхлил землю и сделанным инструментом выгреб грунт. Эта идея ему понравилась, и он увлечённо продолжил работу.

Со временем начали появляться определённые навыки, и работа ускорилась.

Валентина Васильевна вначале пыталась отговаривать его от этой затеи, но, видя, что все уговоры напрасны, замолчала.

Уйдя увлечённо в работу, потный и весь в земле, Иван Алексеевич изрядно устал.

Углубился всего на полметра, а мышцы у него болели так, как будто он проделал двухчасовую тренировку в спортзале.

– Нужно передохнуть, – проговорил он глуховатым голосом, выбираясь из выкопанной траншеи.

Отдых не шёл на ум, а мысли в голове о кладе не давали ему покоя, и он в очередной раз спрашивал себя: «Кто же мог здесь замуровать проход на такой большой высоте в горах? Может, всё-таки этот заложенный проход ведёт к сокровищам, а может, замуровали подземную штольню, где добывали известковый камень?» Не найдя объективных ответов на свои вопросы, позвал на помощь супругу, заспешил к начатому подкопу.

С большим трудом углубился на метр под кладкой, руки дрожали и начали неметь от неудобного инструмента,

но остался доволен собой, что сумел справиться с тяжёлой земляной работой.

И вот наконец работа закончена; облегчённо вздохнув, он радостно обнял жену.

Взяв в руки фонарь, решил посмотреть, что может находиться за проделанным им проходом, который вёл внутрь пещеры.

Просунулся по пояс внутрь лаза – из мрачного подземелья сильно потянуло сыростью, луч от фонаря, пробивая светом часть пространства, растворился во мраке.

– Картина, прямо скажем, непривлекательная, – сообщил он из темноты супруге.

Вышли на свежий воздух, отряхнули одежду от земли и песка, начали совещаться, как им быть – вместе идти или же только одному Ивану Алексеевичу.

Валентина Васильевна категорически настояла идти вместе, объясняя своё решение тем, что нужно страховать Ивана Алексеевича внутри подземелья.

Решение принято, и Иван Алексеевич начал привязывать страховочную верёвку к поясу супруги.

Перекрестившись, они заползли на четвереньках в подземную расщелину, ощутив непроглядную тьму, окружающую их со всех сторон. И холодок страха предательски начал медленно шевелиться у них внутри...

Часть 6. Приключения в пещере

Луч света от фонаря Ивана Алексеевича осветил часть пещеры; стены были сырые, но явного присутствия воды под ногами не было.

Он начал понемногу продвигаться вперёд, внимательно, с большой осторожностью переставлял ноги, стараясь

не наступать на камни, которые в большом количестве находились на их пути.

Супруга, прижавшись, шла справа от него. Темнота впереди была такая, что если выключить фонарь, то ладонь вытянутой руки будет не видна.

– Валя, смотри под ноги, здесь одни камни, – предостерег Иван Алексеевич супругу глуховатым голосом.

– Хорошо, Иван, я стараюсь, но мне не по себе, страшновато как-то здесь, – отвечала она взволнованно.

Так они, придвинувшись друг к другу, шли около получаса. Высота свода пещеры была метра три, и ширина примерно столько же, так что шли они свободно, во весь рост, не боясь сужения каменной расщелины.

С продвижением вглубь россыпь камней уменьшилась под ногами. Пол пещеры был покрыт большим слоем влажной пыли, липнувшей к ботинкам.

«Откуда здесь может быть вода?» – промелькнула мысль у Ивана Алексеевича.

Более внимательно начал рассматривать свод и стены пещеры и увидел на самом верху подвесные коммуникации, похожие на трубы, рядом были проложены толстые провода.

Это его сильно удивило.

Начал сосредоточенно присматриваться к стенам и в очередной раз убедился, что пещера – дело рук человека.

Сильно бросались в глаза выровненные каменные стены пещеры, как будто специальной техникой велась их гладкая обработка.

«Скорее всего, здесь уже была пещера, а её просто расширили по ширине и высоте, – размышлял Иван Алексеевич. – Вот только интересно, когда это делалось

и кем», – вертелось у него в голове. Напрашивался вопрос, с какой это целью могла быть построена такая большая горная штольня, но ответа на данный вопрос не находилось.

Шли молча, продвигаясь вперёд с надеждой, что в конце пути всё выяснится.

Темнота стояла такая, что становилось не по себе при выключенном фонаре.

В голову лезли тревожные мысли, что могут заблудиться; путешествие по мрачным катакомбам их начинало утомлять как физически, так и душевно. Иван Алексеевич подумал о фонаре.

«Фонарь с новыми батареями может хорошо светить примерно четыре часа, из которых два часа с небольшим они уже задействовали его сегодня, оставалось меньше двух часов стабильного освещения, – с неким огорчением рассуждал он. – И если вдруг к этому времени они не выйдут на освещённое пространство, наступит крошечная темнота. На ощупь по таким лабиринтам идти будет невозможно», – подытожил свои печальные размышления Иван Алексеевич.

По мере продвижения пещера начала понемногу сужаться. Через некоторое время увидели поворот. Остановились, соображая, что же делать, но выбор был небольшой: идти прямо или же налево.

Из задумчивости Ивана Алексеевича вывел голос жены:

– Иван, будем поворачивать или же пойдём прямо?

– Если бы знать, в каком направлении море, было бы легче определиться, – промолвил он. Но здесь, под землёй, направление определить невозможно, поэтому интуитивно решил, что нужно повернуть налево.

Так они и сделали.

Заметили, что коммуникации из труб и проводов на потолке пещеры также поворачивают налево.

Под ногами камней прибавилось, в одном месте на пути их следования под светом фонаря увидели небольшой завал. Пробираясь через него, Иван Алексеевич правой ногой угодил в расщелину.

– Валя, – взволнованным голосом предупредил су-
пругу, – осторожно, здесь очень много камней, смотри под ноги.

Потребовалось много усилий и терпения, чтобы освободить травмированную ногу из каменного плена.

Нога в области голеностопа на глазах распухла, крови, к счастью, было немного.

– Да... ситуация, Валюш, – обратился тихим голосом Иван Алексеевич к супруге. – Как же нам быть?

Та сильно перепугалась, но, справившись с волнением, достала из рюкзака аптечку и начала бинтовать травмированную ногу. Руки немного дрожали, но, переборов испуг, аккуратно закончила перевязку.

Супруг как мог успокоил её, убедив, что травма несерьёзная и не сильно болезненная.

Палка, вроде шеста, которую Иван Алексеевич вырезал из веток сосны ещё в начале пути, была прочна и пригодилась им, когда вынимали ногу из расщелины. А сейчас с её помощью он старательно двигался дальше, с печальными и тревожными мыслями в голове.

В кромешной темноте уже слабеющий луч света от фонаря выхватывал мрачные и холодные стены пещеры.

Переживания по поводу света растревожили его. Фонарь начал светить хуже, и с каждой минутой его яркость уменьшалась. Нужно было думать о другом источнике света.

Подошли ещё к одной развилке, подземная шахта уходила прямо в бесконечность и через пролом в стене поворачивала направо.

Посоветовавшись, решили: будь что будет – и повернули направо.

Свет от фонаря потускнел и едва был виден, идти в полутьме стало трудней. «Ещё протянет полчаса, не больше, потом придётся идти в темноте», – с мрачными мыслями думал Иван Алексеевич о фонаре, ругая себя, что не взял с собой запасных батареек.

Мысли у Ивана Алексеевича путались в голове. Возвращаться нет смысла, слишком далеко зашли, а идти вперёд – пугала неизвестность. Нога при ходьбе болела не переставая.

Чтобы не волновать супругу, он терпел, не показывая вида, что идти было невыносимо больно, и, преодолевая боль, с ровными нотками в голосе, разговаривал с Валентиной Васильевной, чтобы не показывать свои страдания.

Фонарь совсем перестал светить, даже под ногами его света не хватало. Решили остановиться, передохнуть и подумать, как быть дальше.

У Ивана Алексеевича появилась идея по поводу освещения. Достал из рюкзака запасную одежду и пузырёк растительного масла. Выбрав хлопчатобумажную рубашку, изрядно смочил её маслом и намотал на конец своей палки – получился факел.

С большой надеждой, что всё у них получится со светом, Иван Алексеевич поджёг ткань. Пришлось немного повертеть посох вокруг своей оси, чтобы распределить масло по всей площади скрученной материи. И вот чудо: факел, разгоревшись желтоватым огнём, реально освещал им путь. Не так ярко, как хотелось бы, но идти было можно, не боясь, что споткнутся о камни.

Это изобретение супруга очень сильно порадовало Валентину Васильевну.

Темнота их основательно перепугала, и, если бы не задумка Ивана Алексеевича с факелом, идти дальше практически было бы невозможно.

Первые минуты радости прошли, и они продолжили свой путь по подземелью.

За время движения с факелом сделали ещё несколько поворотов в пещере, скрупулёзно помечая их стрелочкой на стене.

Хотя повороты тщательно помечались, но в голове все эти перемещения путались, от усталости им стало безразлично, куда идти, лишь бы выйти из этого лабиринта, из этого мокрого и тёмного каменного мешка.

Устали так, что хотелось просто лечь на сырой пол пещеры и заснуть.

Валентина Васильевна, видя, с каким трудом супруг переставляет больную ногу, притихла, не жаловалась, всячески стараясь поддержать своего мужа.

Часто говорила, чтобы он отдохнул, и проявляла такую нежность, что порой у Ивана Алексеевича от такого душевного отношения наворачивались слёзы на глаза.

Пройдя после очередного поворота метров двести, они увидели завал из камней, часть стены рядом была обвалена.

В противоположной стороне при ближнем рассмотрении увидели подобие дверного проёма и часть лестницы, покрытую большим слоем пыли.

Искорёженное железо, похожее на дверь, валялось рядом.

С осторожностью зашли в проём и поняли, что каменные порожки вели наверх.

Всё кругом было разрушено, а железные перила, кое-где частично сохранившиеся на лестнице, были почти все съедены ржавчиной.

С большой осторожностью начали подъём.

Каменная лестница закруглялась, как по спирали, и поднималась всё выше и выше. С замиранием сердца Валентина Васильевна, пересиливая себя, старалась не отставать от мужа.

Ему было очень трудно идти по порожкам, держась за стену, с усилием, сильно прихрамывая, взбирался из последних сил. Супругу не захотел пропустить вперёд, опасаясь, что она может по неопытности оступиться и упасть с высоты.

Казалось, что время замедлило свой ход. Они так медленно шли, что ощущение было такое, будто поднимаются из глубокого колодца.

Но вдруг впереди вверху увидели пробивающийся тоненький луч света, обрадовавшись, ускорили шаг. Ещё немного, и они очутились в просторном каменном помещении.

Насколько хватало света от факела, осмотрелись; в том месте, где пробивались тонкие лучики света, явно просматривался заложенный выход из пещеры.

– Валя, как нам везёт с тобой на замурованные входы и выходы, – с грустной иронией проговорил Иван Алексеевич.

Но делать было нечего, пришлось ещё раз потрудиться и разобрать заделанную кладку.

Факел, постепенно догорая, начал сильно дымить, стало понятно, что скоро совсем погаснет.

Иван Алексеевич, сдирая руки до крови, всюю старался быстрее добраться до свежего воздуха и света. Вытащив несколько камней и приободрившись успехом,

без остановки всё выгробал и выгробал скрепляющую смесь меж камней.

И вот наконец была обрушена часть кладки. Радости не было предела. Валентина Васильевна, увидев свет, даже заплакала, не скрывая своей слабости.

Нарадовавшись своей победе над тьмой и ещё немного отдохнув, они уже вместе начали с большим упорством выталкивать оставшиеся в проёме камни наружу.

В образовавшееся отверстие хлынул свежий воздух и ослепительный, после долгого кромешного мрака, солнечный свет.

С большим удовольствием принялись рассматривать кусочек синего неба через проделанный пролом.

Валентина Васильевна присела на булыжник у самого края, растрёпанная и уставшая, смотрела вместе с супругом и не могла наглядеться на синее небо и лазурное море вдалеке.

Все страхи, которые пришлось ей пережить в этих заброшенных штольнях, сейчас отображались на её лице.

Посмотрев вниз, Иван Алексеевич сильно расстроился. Они находились на высоте метров сто пятьдесят – двести, на скале. «Спуститься вниз не хватит верёвки», – сразу же мелькнула безнадежная мысль.

Картина увиденного привела его в замешательство.

Супруга, вопросительно смотря на него, молча ждала ответа.

– Валентина, высота очень большая, пока непонятно, что делать, будем думать.

И начал внимательно рассматривать освещённое помещение, где они находились.

При солнечном свете заметил на противоположной стороне помещения узкое отверстие в стене. Сразу же мелькнула мысль о кладе.

«Отверстие небольшое, но на четвереньках можно забраться», – размышляя, он решил вползти туда, посмотреть.

Забравшись, начал осматриваться и увидел прямо перед собой в полумраке аккуратно сложенные ящики.

В небольшой каменной комнате было темно, только у самого лаза можно было рассмотреть на ящиках эмблему чёрного орла со свастикой.

– Иван, – слышался голос супруги, – мне страшно здесь одной, быстрее возвращайся.

Вернувшись назад, начал рассуждать: «Скорее всего, это запрятанная сокровища», но бурной радости от своего предположения не ощутил.

Вкратце обрисовал увиденную картину жене, та молча слушала, не высказывая своих предположений.

Силы были на исходе, нужно было принимать решение, как им выбираться.

Подойдя к проделанному проходу, с осторожностью, держась за край стены, стояли на высоте и вдыхали свежий, чудесный горный воздух, а мысли в голове напряжённо искали правильного разрешения трудного вопроса.

Надумали подкрепиться и отдохнуть, и, может, тогда появятся соображения, как им выйти из непростой ситуации.

Так и сделали, еду поделили на две равные части. «Кто знает, как всё сложится в дальнейшем», – подумалось Ивану Алексеевичу.

После того как немного перекусили, легли отдохнуть.

Усталость их сморила, и они почти сразу уснули у самого лаза, предварительно положив к самому краю несколько больших валунов, чтобы во время сна не выкатиться наружу.

Часть 7. Сокровища

Проснулся Иван Алексеевич от шума птиц.

Кувыркаясь, они выделявали акробатические номера в воздухе, у самого лаза. «Скорее всего, это стрижки», – мелькнула спросонья мысль.

Ещё не придя в себя после сна, начал оглядываться вокруг.

При повороте туловища на бок нога заныла, и сразу же он вспомнил в подробностях весь вчерашний день.

Супруга изначально, по-видимому, также была в замешательстве, но, увидев в проёме горную местность и мрачное помещение, сразу догадалась, где находится.

Отходя ото сна, они лёжа рассматривали окружающую местность в проделанной накануне щели в скале.

Вид за пределами пещеры был завораживающий, солнце, отбрасывая свои разноцветные лучи с вершин гор и молниеносно рассеивая их по округе, очаровывало их игрой света.

Вдалеке увидели море, по сравнению со вчерашним днём ветер сегодня значительно усилился, и на море были видны высокие вспененные волны, которые, набегая друг на друга, степенно затихали у самого берега.

Окончательно проснувшись, Иван Алексеевич начал рассматривать свою травмированную ногу – она немного распухла и покраснела. «Может, даст Бог, обойдётся всё без последствий», – думал он, мысленно успокаивая себя.

Приготовили завтрак, продуктов было немного. «Но если экономить, то можно растянуть дня на два, не более», – рассуждал он.

Поели, всё думая о том, что им предпринять.

На ум пришла ещё раз мысль спуститься вниз, но, когда прикинули длину находившейся у них верёвки, затея отпала.

От нижнего плато внизу до проделанного ими отверстия в скале, где они сейчас находились, на глазок было не менее двухсот метров, а верёвки у них с собой сто метров, не более.

Так что вариант спуститься по верёвке отпадал, оставался один и, наверное, единственно верный путь – это возвращаться назад по уже знакомым, опостылевшим лабиринтам пещеры.

Это их пугало, но другого выхода отсюда не было.

Мысли о кладе уходили на второй план, положение было непростым, стоял вопрос, как выжить и выйти из сложной ситуации, оставшись живыми.

Началась подготовка к возвращению через каменные лабиринты, где им, по всей вероятности, предстоит нелёгкая дорога назад.

Иван Алексеевич смотал верёвку, супруга с женской аккуратностью сложила оставшиеся вещи и продукты в рюкзак. Была сильно расстроена, что при возвращении придётся пережить такой же кошмар в сыром и мрачном подземелье, как вчера.

Заложили кое-как камнями проделанный лаз, этим самым скрыв от нежелательных взоров случайно забредших в эти места людей.

И начали сооружать факелы – подобрали подходящие трубы, лежавшие здесь же в помещении, плотно обвязали материей и сильно пропитали оставшимся растительным маслом.

Материи из порванных на лоскуты рубашек и маек хватило на два факела.

Перед уходом Иван Алексеевич решил ещё раз ползком забраться в помещение, где он нашёл ящики с фашистскими орлами на крышках. С большим усилием открыл один из них, используя свой походный нож.

Внутри ящика с немецкой аккуратностью были завёрнуты мешочки из плотной материи. Развернув один из них, он обнаружил разного размера камешки, похожие на стеклянные.

Камешки были без граней и совсем не блестели.

Он где-то читал, что так выглядят неогранённые алмазы.

В другом мешочке, который он открыл, были золотые монеты, рассматривать было темно, и он решил взять с собой три мешочка камней и два мешочка с монетами.

Заметил, что мешочки с монетами были по весу намного тяжелее, чем с камнями.

Сложили всё в рюкзак, присели перед дорогой на камни, разбросанные повсюду в помещении, и двинулись в обратную дорогу.

Их успокаивало только одно: что только вчера пройденный сюда путь был ещё не забыт. Но в пещере было столько поворотов, что надежды выйти не плутая у них не было.

Нога у Ивана Алексеевича побаливала при ходьбе, но меньше, чем вчера, и он, опираясь слегка на палку, приспособленную под костыль, с уверенностью начал движение.

Зажгли один из факелов и начали спускаться вниз по лестнице. Зацепившись больной ногой за булыжник, он чуть не упал, только по счастливой случайности успел схватиться за перила.

Факел немного дымил, но на расстоянии двух метров можно было рассмотреть дорогу впереди.

Валентина Васильевна шла молча, казалась поникшей и сильно расстроенной. Иван Алексеевич всё старался её как-то вывести из такого грустного состояния, всячески отвлекая её разговорами.

Путь по пещере был знаком, но уже на третьем повороте они пропустили нарисованный накануне опознавательный знак в виде стрелы на стене пещеры.

Вчера специально ставили стрелки в направлении своего движения, подобрав с пола вместо мелка мягкий беловатый камень, похожий на известняк.

А вот сейчас, возвращаясь, не заметили указатель по причине слабого освещения и ушли в другую сторону.

Пришлось возвращаться и искать нужный поворот, – найдя, обрадовались, облегчённо вздохнув, двинулись в указанном направлении.

Темнота, окружающая их со всех сторон, и сырость под ногами угнетала их, а слабый свет от факела не давал полностью рассмотреть окружающие подземные лабиринты. Было большое опасение, что они могут заблудиться.

Первый факел догорел, и они присели на найденные на ощупь валуны, зажгли другой.

Тишину прервал голос Ивана Алексеевича:

– Валя, пора двигаться, постарайся смотреть на стену пещеры с правой стороны, – поднимая факел повыше, чтобы не пропустить очередную стрелку-указатель, оставленную вчера.

«Где-то здесь муж поранил ногу, и нужно быть предельно осторожными, чтобы не повторить ошибки», – мелькнула мысль у Валентины Васильевны. Но опасное место прошли благополучно.

Дальше шли уже по более ровному проходу, но сырость на полу здесь стала более заметной, местами

стояли небольшие лужи. Дождей на поверхности не было, и появление воды в пещере для них осталось загадкой.

Воодушевлённые близостью выхода, они ускорили шаг.

На стене пещеры заметили ещё одну нарисованную стрелу, уже под номером один. Это означало, что для них это последний поворот. Хотелось закричать от радости, но они только присели на корточки и молча прижались друг к другу. Факел, догорая, начал чадить и потрескивать.

Не замечая этого, двинулись дальше, ускоряя свой шаг; им казалось, что вот ещё шагов десять, и своды пещеры осветятся ярким светом. Факел вдруг, начав сильно трещать, мигнул раза два сизым огоньком и затух окончательно.

Сколько ни делали попыток зажечь его, у них ничего не получалось.

– Нужно идти дальше, – убедительно сказал супруге Иван Алексеевич, по ходу движения, правой рукой нащупывая стену пещеры, – будем держаться правой стороны и двигаться вперёд, чтобы не сбиться ненароком с намеченного пути.

Продвигались в кромешной темноте, спотыкаясь о камни, иногда даже падали в грязь. «Хорошо, что осталось не так много идти до выхода из пещеры», – мелькнула утешающая мысль в голове Ивана Алексеевича.

Правой рукой он придерживался стены, касаясь её, а левой поддерживал за талию жену, чтобы она не упала ненароком в кромешной темноте.

Окончательно выбившись из сил, присели на корточки, темнота была такая, что даже лиц не было видно.

Передохнули и тронулись дальше, но, пройдя ещё метров сто, увидели небольшой светлый круг, который маячил вдаль по ходу их движения. Радостные, почти бегом бросились к выходу.

На исходе физических и душевных сил еле-еле выползли из щели вчерашнего проделанного отверстия и на коленях пересекли грот.

Когда очутились на свежем воздухе, без сил опустились на землю.

Радость переполняла их сердца.

– Валюш, как ты, моя родная? – произнёс Иван Алексеевич, обращаясь ласково к супруге, которая полулежала рядом с ним, отдыхая от большого нервного переутомления.

Оглядев себя, печально улыбнулись: их вид был жалким и в то же время очень смешным.

От брюк у Ивана Алексеевича осталась половина штанины, да и та была разорвана в клочья, другая штанина была обрезана выше колена. Перебинтованная нога, вся в грязи и копоти, была похожа на кусок деревашки.

Рубашка на нём была с одним рукавом, майка на груди и животе разорвана, и всё это было в копоти, в пыли и жидкой грязи.

– Да, вид, конечно, потрясающий, – перестав улыбаться, проговорил Иван Алексеевич, хотя и у Валентины Васильевны одежда была не в лучшем состоянии и выглядела ужасно.

Напряжение спало, насмеявшись над собой и немного успокоившись, решили самую малость передохнуть и продолжить свой путь к морю.

– Для начала отмоем всю грязь с себя и переоденемся, – сказал Иван Алексеевич.

Взяв рюкзаки, двинулись в сторону моря; по их подсчётам, дорога к побережью должна занять у них около часа.

Однако пришлось попетлять по незнакомой горной местности, и их переход занял чуть больше времени, чем планировали.

Придя на побережье и радуясь, что здесь безлюдно, принялись отмываться от копоти и грязи, и хорошо, что с собой в поход брали мыло и шампунь, иначе их закопчённые факелами тела было бы не отмыть.

Из одежды в рюкзаке остались только майка и рубашки с коротким рукавом, да ещё шорты. Из лекарств остался только бинт и пузырёк перекиси, которым сразу же обработали и перебинтовали рану на ноге.

Начало темнеть. Идти назад ночью по горным тропам было невозможно, а ночевать на берегу практически без одежды будет прохладно; но делать нечего, посоветовавшись, решили всё-таки остаться.

Нашли на возвышенности, недалеко от берега, небольшое ровное место и, прижавшись друг к другу, незаметно уснули. Проспали почти до самого восхода солнца.

Иван Алексеевич встал первым, потягиваясь, задел ногу о камень и, вскрикнув от боли, окончательно пришёл в себя ото сна. Опухоль на ноге стала меньше, чем была вчера, и это порадовало его.

Валентина Васильевна испуганно вскочила, спросив: «Где мы?» – но потом, оглядевшись, успокоилась.

– Валентина, – обратился он к супруге, – что тебе снилось? Ты, когда спала, так всхлипывала, что мне показалось, что во сне ты увидела что-то страшное.

– Да нет, всё хорошо, только спина болит, на камнях всё-таки всю ночь провели, в наши-то годы...

Спина от лежания на камнях и у Ивана Алексеевича побаливала, хотя он и был привычен к спартанской жизни. Но здесь спали вообще почти на голых камнях, подложив под себя только две маечки и наполовину порванную рубашку.

– Так что есть от чего болеть спине, – проговорил он спокойным голосом.

Сильно хотелось есть. Начали вытаскивать из рюкзака всю оставшуюся провизию. Но из продуктов осталось только три сухаря и одна банка тушёнки.

По очереди начали ковырять вилкой и с поспешностью отправлять содержимое банки в рот. Ели с большим аппетитом, хотя тушёнка в повседневной жизни была не их любимым блюдом.

– Вот так получается, Валентина, – обратился Иван Алексеевич к супруге, – что когда голоден, то всякая пища кажется вкусной.

Та молча, с набитым ртом кивала, соглашаясь.

Поев, ещё раз искупались и начали собираться на турбазу. Иван Алексеевич, чтобы не замочить ногу, просто обмылся с берега.

Вот только сейчас, когда они выпались, когда нервное напряжение чуть спало, они начали думать о кладе.

Из рюкзака достали плотно завязанные мешочки. Развязали один из них, с монетами, нашли ровную каменную поверхность и высыпали всё содержимое.

Начали внимательно рассматривать. Монеты были разных годов чеканки: 1903, 1909, 1911, 1898. По весу примерно граммов десять, а по размеру меньше пятикопеечной монеты.

На гурте Иван Алексеевич прочитал: «Чистаго золота 2 золотника 69,36 долей (А. Т.)».

– Похоже, это царские червонцы, – сказал он супруге.

Мешочки с камнями не стали открывать, в драгоценных камнях Иван Алексеевич не сильно разбирался, только понимал, что так укромно прятать стеклянные безделушки не будут.

Пришло осознание серьёзности своей находки и какую опасность могут нести эти найденные в пещере сокровища.

С этими невесёлыми мыслями начали свой путь на турбазу. Дорога была уже знакома, и они молча двинулись по тропинке наверх.

Пошли обходным путём, по более ровной местности. Решили, лучше пусть их путь будет длиннее по времени, но безопасным.

На турбазу пришли только к вечеру. Всю дорогу у Ивана Алексеевича вертелись мысли в голове по поводу клада. Как поступить и с чего начать оформление своей находки?

Супруга советовала сразу объявить о кладе в ближайшее отделение полиции, но Иван Алексеевич, умудрённый жизненным опытом, понимал, что доверяться нужно не всем. В последнее время он не сильно надеялся на честность и порядочность людей.

На турбазе администратору Лене они объяснили, что заблудились, а Иван Алексеевич сорвался с небольшой высоты. Она поверила, так как в горах всё может случиться.

Решили не спешить с возвращением в посёлок Солнечный, а ещё побыть немного в горах, сделать паузу и отложить принятие решения по кладу на некоторое время.

Дали себе на обдумывание данного вопроса два дня, пока будут находиться здесь.

Но как бы они себя ни успокаивали и ни отсрочивали время для принятия окончательного решения, тревога засела у них глубоко внутри, и, по всей видимости, надолго...

Часть 8. Возвращение в посёлок

После их последнего приключения в горных лабиринтах Иван Алексеевич с супругой решили полностью восстановить свои силы, много гуляли по окрестностям туристической базы, фотографируя здешние места, а иногда просто отдыхали на свежем воздухе, за разговорами с удовольствием проводя время.

В первый день отдыха решили сделать длительную прогулку недалеко от лагеря. Но после обеда пошёл дождик и всё испортил.

Вернувшись домой, переоделись, мокрую одежду вывесили в домике, так как на улице всё ещё накрапывал мелкий, надоедливый дождик.

Валентина Васильевна с таким интересом и вдохновением начала рассказывать Ивану Алексеевичу, как она в горах на прогулке, отойдя метров двадцать от тропинки, чуть не наступила на лисичку. И так увлеклась рассказом, что супруг начал немного подтрунивать над ней.

Она же, изначально не замечая этого, продолжала с большим воодушевлением объяснять, жестикулируя, как лиса, испугавшись её, с большой высоты прыгнула на валуны.

Но вдруг поняла, что супруг подсмеивается над ней, махнула рукой и тоже улыбнулась, догадываясь, что сильно увлеклась своим рассказом про рыжую зверюшку.

К вечеру погода ухудшилась, раскаты грома отчётливо доносились из-за гор.

Было хорошо видно, как всполохи молний проносились горизонтально вдоль горной гряды.

На туристической базе из-за грозы сильного переполюха не наблюдалось, все находились в жилых помещениях и занимались приготовлением ко сну.

Супруги легли за полночь, не спалось, лежали с открытыми глазами, тихо переговариваясь. Вспомнили свои родные сердцу места и немножко взгрустнули.

Валентина Васильевна тихо высказала беспокойство по поводу ведения хозяйства детьми на их приусадебном участке.

Иван Алексеевич успокоил:

– Не волнуйся, Валюш, в эту пору работы не так уж и много, дети найдут время пару раз в неделю доехать до нашего огорода.

По поводу найденных сокровищ разговора не заводили, знали, что, как только они начинают вспоминать о них, сразу портится настроение. На ночь глядя им не хотелось ворошить болезную тему.

Засыпая, к Ивану Алексеевичу мимолётно пришла мысль, что завтра им нужно будет окончательно сделать выбор – сообщать о находке или же повременить. Этот принципиальный вопрос о кладе крепко засел у него в голове и не давал покоя.

С утра, после обильных дождей, шедших почти всю ночь, выглянуло солнышко.

Иван Алексеевич очень обрадовался такой погоде и вслух высказал свои мысли:

– Погода делает нам предложение погулять.

За всё время пребывания здесь, на туристической базе, они практически обошли всю окрестность. Не побывали лишь в северном направлении от лагеря, куда они планировали все эти дни сходить, полюбоваться горными вершинами. Сегодня был прекрасный день для такой прогулки. Не стали откладывать надолго свою задумку, быстро собрались и двинулись в путь.

С собой не стали брать много еды и дополнительную одежду, решили, что обойдутся фруктами, чтобы перекусить,

да взяли ещё на всякий случай лёгкие куртки из плащевого материала, вдруг погода испортится.

Подойдя к тропинке, ведущей в горы, начали медленно подниматься по ней. Подъём был пологий, идти было не трудно.

На ровной возвышенности, куда они взобрались, увидели много большущих круглых валунов на их пути.

Валентина Васильевна предложила супругу обойти каменный завал с левой стороны скалы. Посоветовавшись, они так и сделали.

Поднялись на вершину небольшой скалы, с облегчением вздохнули, радуясь окончанию подъёма.

Лёгкая дымка ещё не улетучившегося с утра тумана клубилась вокруг них, постепенно испаряясь от ярких солнечных лучей.

Сделав несколько снимков и налюбовавшись чудесным видом гор, они решили возвращаться.

Прежде чем идти назад, присели отдохнуть на большом плоском валуне. Отдыхали не долго, съели по яблоку и отправились в обратную дорогу.

Шли не спеша, обходя каменные нагромождения. Так как тропинка назад вела под уклон, дошли до лагеря намного быстрее, чем поднимались сюда.

Возвращаясь назад, Иван Алексеевич ещё раз завёл разговор о кладе, надеясь остановиться на общем мнении с супругой о дальнейших своих действиях и наконец решить, сдавать его официальным представителям местной власти или же повременить.

После долгого и продолжительного обсуждения пришли к выводу, что лучше переждать со сдачей, оставив сокровища на старом месте, и хорошенько замаскировать, заложив все выходы и входы в помещения пещеры.

Решили не откладывать своё решение и завтра же осуществить задуманное.

На душе от этого решения стало спокойнее, сразу же улеглись все противоречивые мысли.

– Раз так решили, будем придерживаться задуманного плана, – проговорил облегчённо Иван Алексеевич.

Супруга молча кивнула, соглашаясь.

На турбазе вечером с удовольствием поужинали на улице.

Уже смеркалось, и им было приятно сидеть вблизи костра, наслаждаясь прекрасной погодой.

Но решили не засиживаться, завтра им предстоит ещё одна ответственная подземная экспедиция, и они ушли к себе и легли спать.

На улице ещё долго был слышен гомон и музыка, молодёжь веселилась, но шум не мешал им быстро уснуть.

Солнце только начало подниматься над горами, а они уже быстрым шагом двигались в сторону своей знакомой пещеры.

На этот раз для похода всё было предусмотрено: взяли фонарь, положили в рюкзак запасные батарейки к нему, не забыли сапёрную лопату и нож; провизией решили не запасаться, меньше будет груза нести.

Из еды взяли только немного фруктов, четыре банки консервов, хлеба и воды.

Придя к гроту с лазом в пещеру, Иван Алексеевич внимательно и с беспокойством осмотрел проход.

«Следов проникновения в лаз не наблюдается, и закладка в виде растянутых ниток не повреждена, значит, никто не посещал этих мест», – с облегчением подумал Иван Алексеевич.

В пещере было так же сыро, как и в прошлый раз. К намеченной цели шли смело, ориентируясь по стрелкам, которые рисовали два дня назад.

Опасное место с нагромождёнными камнями прошли очень осторожно, боясь получить травму.

Поднявшись с небольшими остановками по ветхой лестнице наверх, оказались на месте вчерашней ночёвки.

Иван Алексеевич украдкой поглядывал на супругу. На лице у неё увидел лёгкую тень тревоги. «Скорее всего, на неё нахлынули тяжёлые воспоминания о прошлых блужданиях под землёй и проведённой здесь беспокойной ночи», – с сочувствием подумал он.

Осмотревшись, начали подготовку к предстоящей запланированной работе.

С собой они принесли воды и немного цемента, который Иван Алексеевич выпросил у администратора Людмилы.

Она на турбазе занималась хозяйственной деятельностью, и её называли кратким словом «завхоз». У неё на складе хранились строительные материалы, в том числе и цемент.

Начали осматриваться и думать, как всё замаскировать, чтобы посторонние люди не могли разглядеть проделанный проход в скале.

Тщательная подгонка камней при закладке отверстия заняла у них очень много времени. Но труд был не напрасен, кладка получилась отменная, рассмотреть её издалека было невозможно.

Так же, аккуратно и умело, Иван Алексеевич заложил отверстие в небольшой комнате, где находились ящики с сокровищами. Предварительно достал оттуда и сложил в рюкзак ещё несколько мешочков с золотыми монетами и драгоценными камнями.

Осмотревшись, решили, что вся работа сделана на отлично и можно смело уходить, не боясь, что клад будет обнаружен.

Спустившись вниз к основной пещере, обрушили вдобавок ко всему ещё и лестницу, ведущую из каменной комнаты к нижнему ярусу пещеры.

Получился непроходимый, загромождённый камнями и поломанной лестницей завал, который был отличным препятствием для прохода наверх, в комнату, где находились сокровища.

Идя назад по пещере к выходу, супруги старательно стёрли все стрелки-указатели, которые были ими ранее нарисованы, а вместо стрелок оставили незаметные пометки в виде выложенных камней у самой стены – на случай, если придётся вскорости возвращаться.

Камни они выбирали одного размера и выложили так, чтобы, не зная их назначения, нельзя было угадать, что это такое и для чего всё так разложено.

Валентина Васильевна ещё придумала свою хитрость: на каждом повороте, укладывая камни, прибавляла по одному к условному знаку, чтобы в следующий раз, идя к намеченной цели, можно было ориентироваться ещё и по количеству поворотов в пещере.

Добравшись до выхода, Иван Алексеевич так же тщательно заложил ранее проделанный проход из грота в пещеру. Для большей маскировки обсыпал только что заложённый лаз пылью, сровняв этим самым все выступающие швы меж камней, придав однородность цвета всей стене.

Устали страшно, были все в грязи, но на душе после проделанной работы стало спокойнее.

– Мы уже начинаем привыкать к пещерным передрягам, – с улыбкой промолвил Иван Алексеевич, отряхивая от грязи и пыли себя и супругу.

Одежду постарались по возможности привести в порядок, чтобы не привлекать внимание находящихся на турбазе людей своим грязным видом.

Пришли на базу уже к вечеру, уставшие, но довольные. Когда они сделали запланированные дела, на душе у них стало легче, предыдущие переживания немного улеглись.

Сходили на ужин, пообщались со своими знакомыми, настроение приподнялось от мысли, что завтра им можно будет пойти в посёлок Солнечный и понежиться под солнышком на берегу моря.

Они и впрямь уже успели соскучиться по тёплому морю и по их небольшому домику с беседкой, в которой они с Валентиной Васильевной проводили очень много времени.

С утра позвонили хозяйке их съёмного жилья, предупредили, что сегодня обязательно будут у неё.

Позавтракав, собрали рюкзаки. Взятые из ящиков сокровища Иван Алексеевич положил в свой рюкзак, заложив их оставшимися вещами.

Дружески попрощались со всеми отдыхающими на турбазе.

За то время, что пробыли здесь на отдыхе, Иван Алексеевич с супругой успели уже привыкнуть к группе, с кем проводили вечерами время у костра, а днём ходили в походы.

Погода радовала, с утра было ясно и всюду светило солнышко, на небе не было ни одного облачка, это вселяло надежду на сегодняшний погожий день, который, по приметам, обещал быть ясным и без дождя.

По русскому обычаю перед дорогой на минутку присели и, перекрестившись, двинулись в обратный путь.

Тропинка вела вниз, и, естественно, спускаться было легче, чем подниматься. Переход в посёлок у них отнял

намного меньше времени и сил, чем при подъёме на туристическую базу.

Спустились к берегу и пошли вдоль побережья, проходя мимо пляжа, решили искупаться.

Но задерживаться надолго не стали, усталость давала о себе знать, так что им хватило сил только немного поплескаться в приятно освежающей морской воде и продолжить свой путь к месту назначения.

Хозяйка с радостными возгласами встретила их:

– Ну, где же вы пропадали, мои вы путешественники, заждались вас, проходите, будем пировать на радостях.

По её голосу и по поведению было видно, что она действительно была им рада.

Праздничный обед в их честь по причине возвращения был приготовлен на славу.

Особая гордость хозяйки был узбекский плов и шашлык.

Правда, шашлык приготовлен был не на древесных углях, а на обыкновенной электрической шашлычнице.

Хотя приятный запах, который доносился от шампуров, щекотал их ноздри и заставлял поторопиться.

Немного поплескались под душем, надели свежую одежду и быстренько за праздничный стол, чтобы не разочаровывать хозяйку.

Засиделись почти до вечера. Хозяйка, немного навеселе, по-женски тараторила без умолку.

Ивану Алексеевичу показалось, что рассказов у неё хватит до утра, и он решил, сославшись на усталость, уйти к себе.

Вежливо попрощавшись, он ушёл, а Валентина Васильевна осталась поболтать с ней и помочь с посудой.

Спать легли рано по причине того, что наутро Иван Алексеевич запланировал съездить в Севастополь за билетами домой.

На небе показалась луна, полная, ярко-красная; звёзды, как виноградные гроздья, висели на небосводе и казались очень яркими и большими.

Поутру Иван Алексеевич поспешил на автобус.

Супруга, блаженно и беззаботно потягиваясь, попросила взять билеты на последний рейс, чтобы основную часть пути домой проехать в ночное время.

Пообещав, он заторопился, чтобы не опоздать.

До Севастополя доехал в полупустом автобусе, время было раннее, и попутчиков было всего четыре человека.

На автовокзале в Севастополе было так же малолюдно, билеты продавались свободно, и он купил на вечер завтрашнего дня.

Спешить было некуда, решил совместить полезное с приятным и погулять по городу, вспомнить минувшие годы.

Во времена своей молодости он здесь служил на кораблях Черноморского флота и, когда они стояли здесь на рейде, часто ходил в увольнение на берег. Любил гулять по бульварам, тенистым паркам и скверам этого чудесного, исторически-героического города.

На данный момент улицы города были полупустые. Иногда у причалов и у исторических памятников можно было увидеть туристов, их было легко опознать по поведению.

Они собирались небольшими группами и ходили повсюду за экскурсоводом, с любопытством всё рассматривая.

Много их было и у памятника затопленным кораблям, куда подошёл Иван Алексеевич.

Памятник затопленным кораблям стоит в Севастополе недалеко от Приморского бульвара, прямо в море.

Это величественное сооружение высотой почти в семнадцать метров напоминало о событиях 1854–1855 годов – о первой обороне Севастополя.

Во время Крымской войны, когда английский, французский и турецкий флоты подступали к берегам Севастополя, князь Александр Меншиков отдал приказ затопить часть устаревших судов на входе в Севастопольскую бухту.

11 сентября 1854 года пять кораблей и два фрегата бросили якоря и выстроились в линию с севера на юг.

Все эти подробности о возникновении памятника Иван Алексеевич узнал в годы своей службы. Историю защиты Севастополя ему с сослуживцами в подробностях рассказывали на политзанятиях их командиры, офицеры Черноморского флота.

Продолжая свою одиночную экскурсию, с превеликим удовольствием походил по затенённым улочкам, порой с трудом узнавая здешние места.

«Да, сильно изменился город», – размышлял Иван Алексеевич, после того как прошёл часть городских улиц и скверов.

Налюбовавшись всей красотой летнего Севастополя, заспешил на автовокзал.

Трамвай, на который он сел по пути, до автовокзала не дошёл, пришлось ещё немного пройти, чтобы добраться до места.

На автовокзале, подойдя к стоянке пригородного такси, увидел, что на посёлок Солнечный транспорт уже подан. «Вот повезло, – подумал он, – не придётся долго ждать».

Хотел предупредить водителя маршрутки, что идёт брать билет, но тот его успокоил известием о том, что можно покупку билета сделать в салоне. Удобно усевшись на передние места, стал ждать отправления.

Не забыл позвонить супруге, успокоил, что в данный момент сидит в автобусе, который уже отправляется, и он скоро приедет.

Сидя у окошка, Иван Алексеевич думал, как всё-таки много изменений произошло в городе за прошедшие тридцати лет, когда он, молодым юнцом, служил здесь.

Бросилось в глаза, что стало больше зелени на улицах: каштаны, алыча, дикие абрикосы и даже миндаль. Все эти растения присутствовали в больших количествах как в самом городе, так же и на его окраинах, где он проезжал на данный момент.

Стал вспоминать прошедшие годы своего пребывания в этом прекрасном городе, особенно ему нравились весенние денёчки здесь.

Миндаль всегда зацветал первым из плодовых деревьев. Все севастопольцы знают ту прекрасную пору, когда Исторический бульвар превращается в цветущий сказочный островок.

Цветы миндаля имеют разные оттенки – от белого до нежно-розового и кремового. Но миндаля ничем не уступают по красоте цветения такие растения, как абрикосы и каштаны, те смело могут поспорить с японским чудом – цветущей сакурой.

«Плохо, конечно, что сейчас не весна, полюбоваться цветущими улочками нет возможности, но грациозность этих деревьев в любое время года вызывает уважение к их красоте», – с разочарованием размышлял Иван Алексеевич.

Напоследок сделал несколько фотоснимков из распахнутого окна маршрутного такси.

Снимки получились хорошие, чёткие и насыщенные цветом, хотя были сделаны в движении.

Увлёкшись видом за окном, он не заметил, как выехали из города и по автотрассе двинулись в направлении посёлка.

Возвратившись в посёлок и идя к съёмному жилью, Иван Алексеевич зашёл в магазин, купил шампанского и коробку конфет: «Всё-таки последние денёчки здесь находимся, нужно отметить отъезд». Обрадованный своей задумкой, заспешил к своей любимой жене.

Последнее время начал замечать, что сильно начал скучать по своей половинке.

Вот и сейчас: вроде и немного времени прошло, но он уже успел соскучиться, и его, как магнитом, манило к ней, к своей Валентине.

Сегодня вечером он решил сделать приятное супруге – приготовить ей романтический ужин при свечах.

Сразу же, придя домой, не стал отдыхать, а принялся за приготовление «чудо-ужина», так он в шутку всегда называл свои кулинарные действия, колдуя с продуктами у кухонной плиты.

Разжёл мангал для шашлыка и начал накрывать на стол. Приготовление ужина и сервировка стола у него заняли не так много времени, но с шашлыком пришлось повозиться.

Хлопоты и потраченное время не были напрасными, стол получился просто великолепным, запах шашлыка разносился по всему приусадебному саду.

Для приготовления праздничного ужина в ход пошли все продуктовые запасы, которые были припасены на торжественный случай.

«Завершается наш отдых, да и приключений выпало предостаточно, так что наступило время славно отпраздновать завершение нашего отдыха», – стоя у плиты, рассуждал Иван Алексеевич.

Незаметно свечерело, хорошо стало видно, как под заходящими солнечными лучами оттенялись розовыми красками все вершины гор с западной стороны.

До ужина Иван Алексеевич из вежливости пригласил хозяйку, но та, скорее всего, поняла, что им хочется побыть одним, отказалась, сославшись на занятость.

Зажгли свечи, за стол уселись чинно, со стороны могло показаться, даже торжественно.

Валентина Васильевна взяла бокал шампанского и трогательно произнесла тост:

– Я очень счастлива, мой любимый, что в моей жизни есть настоящий мужчина, за которым я как за каменной стеной!..

Выслушав тост, Иван Алексеевич даже прослезился, с такой нежностью и теплотой он был произнесён.

Стол был заставлен всякими яствами, но в основном им понравился шашлык, местные фрукты и охлаждённое шампанское.

Засиделись допоздна, тем более, завтра можно было не спешить и подольше понежиться в кровати.

Вино ударило в голову, и у Ивана Алексеевича нахлынули воспоминания.

Вспомнил, как они познакомились с супругой много-много лет назад, как он ухаживал за ней.

Начал рассказывать Валентине Васильевне про те давние годы, и она, устремив свой взгляд к морю, слегка кивала, вспоминая, и на лице у неё отобразилась нежная улыбка.

Спать легли за полночь, на душе было легко и спокойно, и они как-то незаметно уснули, тихо ведя беседу о своём родном крае, который они скоро увидят.

Наутро проснулись чуть позже, чем планировали, и сразу засобирались на пляж.

– Сегодня последний день, – сказала Валентина Васильевна, – и его нужно провести с пользой. Когда ещё придётся искупаться в море?

На сегодня решили сходить в самый дальний уголок бухты, где было малоллюдно и меньше шума, да и заходить в море там было удобнее и чище, чем на общем пляже.

Время было ближе к обеду, и воздух уже успел прогреться.

Иван Алексеевич, раздевшись, сразу же бросился в море и весело прокричал:

– Валентина, прыгай быстрее ко мне, только здесь найдёшь спасение от жары. – И начал плескаться, заигрывая с ней.

Долго купались у самого берега, наслаждаясь прохладой моря.

Вволю наплескавшись, засобирались домой, решили ограничить своё нахождение под палящими лучами полуденного солнца и не рисковать своим здоровьем.

Напоследок поднялись на скалу, которая одиноко возвышалась у самой воды, как монолитный памятник, с устремлённой вершиной к небу.

С высоты птичьего полёта море, искрясь и переливаясь всеми цветами радуги, очаровывало их своей красотой.

Ветер, налетевший с прибрежной стороны, наполнял свежестью их лёгкие и быстро охлаждал разгорячённые тела.

Валентина Васильевна предупредила супруга:

– Ваня, поосторожней на ветру, так можно простудиться, а нам ещё предстоит дальняя дорога.

Тот, отмахнувшись, улыбаясь, сказал:

– Не волнуйся, мы люди закалённые.

Залюбовавшись пейзажем, он с грустными нотками произнёс:

– Увидим ли ещё эту красоту? Нужно запечатлеть на память прекрасное море сегодняшнего дня, пусть надолго запомнится этот чудесный вид.

Сделав несколько снимков, молча постояли, залюбовавшись чудесным видом.

Спустившись с горы, ещё раз искупались напоследок, как бы попрощались с морем, после чего начали одеваться.

Взяли на память несколько ракушек и красивый, хорошо отполированный морскими волнами камешек с небольшим отверстием посередине.

– Подарим внукам, – проговорила Валентина Васильевна, укладывая все сувениры на дно сумки.

По дороге домой зашли в продуктовый магазин, купили съестных припасов и воды.

– Дорога дальняя, и без воды и еды ехать будет тяжело, – проговорил Иван Алексеевич, набирая всего с запасом.

– Хорошо, что основную часть пути проедем ночью, – сказала Валентина Васильевна супругу, – днём такое расстояние не выдержать.

Впереди у них была дальняя дорога и долгожданная встреча со своими родными местами.

Они сильно соскучились по своим детям и внукам, хотелось порадовать их подарками, заранее купленными заботливой бабушкой.

– Всё, – промолвил Иван Алексеевич, – в гостях хорошо, а дома лучше, прекрасно отдохнули, пора собираться домой.

– Домой всегда возвращаться в радость, – согласилась с супругом Валентина Васильевна, не зная о том,

что им ещё предстоит долгий и беспокойный путь к своему дому, а в дальнейшем, по возвращении из своего интересного путешествия по Крымскому полуострову, не менее беспокойные дни...

Но это будет впереди, а в данный момент они наслаждались чудесным видом на море и предвкушением встречи с родными и близкими их сердцу людьми.

И нестерпимо хотелось наконец-то увидеть свои родные, любимые места, по которым они так сильно соскучились...

Продолжение следует...

Охота по первому снегу

Осень, окутывая округу своим сумрачным покрывалом, видимо, не собиралась отдавать свои бразды правления матушке-зиме. Плюсовая температура днём часто сменялась изморозью и колючими ветрами в ночные часы.

Но буквально со вчерашнего дня погода изменилась, похолодало, и небо, нависшее над землёй снеговыми облаками, всю старалось наверстать упущенное, всё посыпая и посыпая искристыми снежинками землю.

Зима, наверное, опомнилась, пришли морозы, и снег обильно сыпал последние два дня, не переставая. Сегодня к обеду снегопад прекратился, окутав землю пушистым белым одеялом.

Владимир, проживая в этих красивых местах средней полосы, ждал снега с большим нетерпением, чтобы сходить на охоту. Ему нравилось общение с природой – любил походить по окрестностям с ружьём, постоять в тишине, прислушиваясь к шорохам леса.

Мысли от таких общений становились всегда добрыми и светлыми, как бы очищая человеческое нутро.

Вот и сегодня с утра не находил себе места, было огромное желание походить по полям и лесам с ружьишком, но жена, как назло, загрузила его домашними делами, и пришлось невольно отложить охоту на следующий день.

К вечеру, управившись по хозяйству, Владимир начал тщательно укладывать в рюкзак всё необходимое для завтрашней охоты. Жена подтрунивала над ним:

– Охота – суцая забава, только время зря теряется.

Хотя эти слова и были сказаны без всякого ехидства, но он их воспринял с некой обидой.

Не переставая собираться, также без злобы ворчал себе под нос:

– На этот раз всё предусмотрено, и добыча обязательно будет.

Хотя прекрасно понимал, что зверья в округе стало намного меньше, чем раньше, в былые годы, и вся надежда только на удачу.

– Вот вроде и всё, – промолвил Владимир, крепко завязывая изрядно наполненный рюкзак.

На следующий день, проснувшись пораньше, начал тихонько одеваться, сетуя, что не сложил одежду рядом с собой, а сейчас приходилось на ощупь одеваться в темноте. Свет в комнате специально не включал: боялся разбудить супругу с детьми.

Собравшись и проверив, всё ли взял, вышел на улицу. Мороз сразу дал о себе знать, окутав его со всех сторон холодом, забираясь своими ледяными щупальцами за воротник.

Забросив рюкзак с ружьём за спину, нахлобучив шапку до ушей, зашагал через свой сад к соседнему

полю. Лунная дорожка от белого снега казалась в темноте длинной светлой полосой, как будто разделила это поле пополам.

Снег под ногами предательски поскрипывал. «Этот скрип будет очень сильно мешать мне при приближении к зайцу или лисе», – подумалось Владимиру.

Решил вернуться за лыжами, благо недалеко отошёл от дома. Надев лыжи, уверенно заскользил по уже протоптанному ранее следу в первоначальном направлении.

При передвижении на лыжах идти было сподручней, скрипа снега практически не слышалось.

Пройдя сад, повернул в сторону поля, спустился в овраг, надеясь, что логово зайцев может быть именно там, пошёл по низине.

Зайцы, после кормёжки в ночное время, с рассветом зарываются в снег на целый день. Выкапывают лапами в снегу лунку и ложатся в неё носом к ветру, чтобы учуять опасность, а позёмка, приглаживая шёрстку, в этом углублении замечает их. Со стороны эта заячья лёжка видится как снежный бугорок.

В таких углублениях им находиться тепло, а самое главное, безопасно.

Пройдя вдоль оврага, Владимир начал подниматься по склону, чтобы выйти на ровное поле. В овраге было пасмурно, от небольших кустарников отбрасывались замысловатые синие тени, похожие на сказочные фигурки.

В ожидании увидеть какую-либо живность, напрягая зрение, он пристально всматривался вдаль, в направлении своего пути. Шёл с большой осторожностью, держа ружьё так, чтобы в любой момент можно было быстро сделать прицельный выстрел.

Так и не встретив ничего, что могло его заинтересовать, поднялся повыше на поле и пошёл наискосок, в сторону видневшегося вдали леса.

Рассвет сегодня немного затянулся. «Да, рановато я вышел», – подумалось Владимиру. Обычно в это время суток уже хорошо было видно округу, но сегодня всё небо было закрыто облаками и солнце еле-еле пробивалось сквозь них.

Но прошло буквально около часа, и небо прояснилось, посветлело, стали лучше видны бугорки на полях, занесённые снегом. Эти бугорки от осенней пашни в предрассветные часы настораживали его своими формами, которые как две капли воды были похожи на заячью лёжку.

Вдалеке за оврагом, на ровном поле, один из занесённых снегом бугорков Владимиру показался намного выше других, и он с уверенностью решил: это заяц.

Руки машинально сбросили ружьё с плеча, палец по привычке нащупал и снял предохранитель, глаза напряжённо определяли расстояние до заинтересовавшего предмета. Но большое расстояние до цели не позволяло сделать точный выстрел.

Весь напрягшись от волнения, начал сосредоточенно думать, как лучше к нему подобраться.

Помаленьку передвигаясь вперёд, местами даже останавливаясь, старался зайти так, чтобы ветер бил ему прямо в лицо, направление ветра было очень важно при сближении с добычей.

Приближаясь к цели, несколько раз останавливался, прицеливался, но всё казалось, что слишком далеко.

Знал, что дальше ста метров ему не достать зайца, оставалось постараться как можно ближе подойти к нему, чтобы выстрелить наверняка.

Как всегда на охоте, всё произошло быстро и неожиданно. Почуввав опасность, заяц подпрыгнул вверх и стремглав ринулся в сторону; первый скачок был очень длинный, со стороны показалось, что он завис в воздухе.

Владимир первый выстрел сделал почти не целясь, второй сделал уже прицельно, немного взял левее, на опережение.

После второго выстрела заяц по инерции сделал ещё прыжка три, потом, как бы споткнувшись о невидимое препятствие, упал в снег.

Донеслось жалобное верещание. Зрелище было неприятное, азарт прошёл, и стало до боли жалко извивающийся на снегу живой комочек.

«Не первый раз на охоте, а всё равно смотреть на умирающую живность не по себе», – мелькнуло у него в голове.

Подняв зайца за задние лапы, посмотрел: две дробишки зашли в грудь и четыре в голову. Вся эта картина, а также разбрызганная кровь на снегу не вызывала у него особой радости.

Положив зайца на снег, Владимир решил подождать, чтобы кровь подмёрзла и не запачкала рюкзак, куда он обычно складывал дичь. После того как тушка на морозе подмёрзла, уложил её в рюкзак и продолжил свой путь дальше.

Тучи полностью разошлись, и поверх деревьев лесополосы показалось солнце, ярко-красное, как огненный шар, отчего зимний пейзаж живо преобразился.

Одно мешало: очень сильно слепило глаза от блестящего снега.

Уже совсем рассвело, видимость намного улучшилась. Достав бинокль из футляра, он начал осматривать

окрестность. Внимание его привлекла небольшая движущаяся точка у самой опушки леса.

Подойдя поближе, понял, что это лиса, мышкует себе в спокойной обстановке, не смотря по сторонам.

Зная её превосходный нюх и зрение, Владимир снял лыжи, предусмотрительно присев пониже, начал более детально рассматривать подход к опушке.

До лисы было метров триста с небольшим.

Не надевая лыж, он начал медленно, чуть ли не ползком приближаться к ней.

Сильно мешало солнце, глаза болели от яркого света и мешали определить точное расстояние до цели.

«Ещё немного подползу», – решил он, но в это самое время лиса начала тянуть носом, приняхиваться, оставив своё занятие, замерла.

Ружьё быстро было взято на изготовку, лёжа не получилось выстрелить, пришлось сменить положение тела.

Приподнимаясь на колено, начал прицеливаться, но снег при перемещении сильно заскрипел, в этот момент лиса резко метнулась к лесу.

Следом прогремели два выстрела. Но быстро удаляющаяся лиса дала понять Владимиру, что он промахнулся.

Бросился за ней вдогонку, понимая, что тягаться с лисой по скорости передвижения бесполезно. Но в запале, перезарядив ружьё на ходу, выстрелил ещё раз дуплетом в уже почти скрывшуюся в чаще леса плутовку.

Идя по её следу дальше, в надежде внимательно присматривался, не подранил ли. Но следы убежавшей лисицы были чистые, чётко отпечатаны в снегу, без единой капли крови, значит, его выстрелы не достали цели.

Вернувшись назад, надел лыжи и двинулся в сторону убежавшей лисы.

На самом краю леса увидел поваленную берёзку. Присел, немножко отдохнув, решил перекусить.

Он быстренько утолил голод припасёнными бутербродами и запил крепким чаем, заваренным на травах.

Посидев ещё минут двадцать, решил продолжить свой путь дальше.

Обойдя вдоль оврага почти всю полосу окраины леса и не увидев следов зверей, направился ближе к лесу.

Часто останавливался, внимательно осматривая в бинокль местность впереди себя. «Вдруг мелькнёт убежавшая добыча?» – с надеждой думалось ему, но всё было напрасно.

При следующем осмотре местности в бинокль заметил вдалеке зайца, который с большой скоростью выскочил из леса. Стелющиеся прыжки косоногого показывали, что он сильно напуган и от кого-то удирает.

Действительно, вслед за ним, с разницей в несколько секунд, выскочила рыжая плутовка.

Расстояние было слишком большое для выстрела, и Владимир просто с интересом наблюдал погоню лисы за зайцем, не снимая ружья, которое время от времени вешал на плечо, чтобы не уставали руки.

Продолжая идти в их сторону, подошёл к самому лесу. Здесь снегу было намного больше, чем на полях, и передвижение замедлилось.

Зайдя в чащу и пробираясь через буреломы, увидел ещё одну лёжку зайца, но по неровному контуру снежного холмика сразу понял, что это не свежее лежбище, а, скорее всего, с прошлого дня.

Обогнув очередной завал от упавших тонких деревьев, вышел на ровное место; определив по компасу направление своего посёлка, двинулся в его сторону.

В глубине леса идти было ещё труднее, продвижению мешали уже более крупные поваленные деревья и глубокий снег. Надеюсь, что эти трудности продлятся недолго, он с упорством пробирался через сугробы, успевая при этом с интересом смотреть по сторонам.

В лесу можно было увидеть много следов, это была настоящая книга для охотника. Вот слева чётко просматривался след мышки, прямой, будто строчка на листке. «Выползла из-под снега и опять ушла через небольшое углубление», – подумал Владимир.

Совсем недалеко были видны следы лисы, не исключено, той самой, в которую стрелял. Чуть дальше показались небольшие, аккуратно выстроенные в линию следы, похожие на рысьи.

«Рысь в здешних лесах не водится, скорей всего, это следы кота», – рассуждал он.

По рассказам селян, в лесу попадают одичавшие коты, живущие далеко от жилищ. «Им, наверное, надоедает жизнь в уюте и тепле», – с иронией думалось ему.

Так, с любопытством рассматривая пометки, сделанные обитателями этих мест, Владимир почти незаметно для себя пересёк лес. Вдали застрекотала сорока – явный признак присутствия какого-нибудь зверька или человека.

С осторожностью, взяв ружьё на изготовку, убыстрил движение в ту сторону, где раздавался стрёкот. Добравшись до шумевшей в чащобе сороки, увидел одни только лисьи следы. «Видно, только что пробежала», – решил он и прошёл дальше, не останавливаясь, зная, что идти по её следу бесполезно: заведёт неизвестно куда.

По мере дальнейшего передвижения деревья стали реже, в лесу посветлело, и он вышел на опушку, но уже из глубины леса.

Направляясь к оврагу, очутился почти там же, где первый раз спугнул лису. Получается, что он сделал приличный круг, и ему только оставалось обойти овраг, по которому он уже проходил, а там рукой подать до дому.

Но чтобы не идти по ранее пройденному пути, Владимир взял немного левее. Задуманное направление хотя и удлинило путь, но было интересно своей новизной и неизведанностью.

Пройдя почти до реки и не встретив следов дичи, немного расстроился.

Поднявшись на пригорок, вышел на прямую, накапанную дорогу, которая, изгибаясь, проходила вдоль реки, в направлении его посёлка. Идти по ней было удобно, но встреча с зайцем или лисой исключалась, так как по этой дороге часто ходили люди и порой проезжали сани, запряжённые лошадьми. А как известно, любой зверь всегда старается обходить людные места стороной.

Решил сократить путь, свернул с натоптанной дороги и пошёл к дому через поле, на котором осенью убрали свёклу.

После уборки всегда оставалась часть корнеплодов, и Владимир в глубине души ещё надеялся, что увидит здесь зайцев, которые были большими любителями полакомиться сладким бураком.

Действительно, смотря в бинокль, вдалеке заметил прыгающего косога. «Скорее всего, он уже вышел из дневной лёжки и начал искать, чем поживиться», – решил он.

Приближаясь, всё чаще останавливался, рассматривая в бинокль окрестность, всячески старался меньше скрипеть снегом, чтобы не спугнуть добычу.

Но вдруг неожиданно, скорее всего учуяв приближение охотника, тот прыгнул в сторону и дал стрекача. С такого большого расстояния невозможно было подстрелить косога. И Владимир опустил ружьё.

Изначально расстроился, что столько времени потратил впустую, но близость родного дома и чудный вечер на природе успокоили его.

Солнце окончательно спряталось за горизонтом, и в округе сгустились сумерки.

Пройдя ложбинку и поднимаясь на пригорок, неожиданно вздрогнул от взлетевших куропаток, так быстро и со специфически-свистящим звуком это произошло, что Владимир опоздал с выстрелом; пока снял ружьё с плеча, куропатки успели раствориться в воздухе.

Вдали за пригорком раздавался лай собак – явный признак близости жилья.

Несмотря на усталость, приближение к дому радовало его и придавало сил.

В приподнятом настроении он подошёл к порогу дома. Супруга каким-то чутьём угадала его приход и заранее вышла его встречать, приветливо улыбаясь.

Увидев её на крылечке, душевно обрадовался, начал с важностью доставать зайца из рюкзака.

Пришлось ещё немного повозиться с добычей на улице, снять аккуратно шкуру. «Может, ещё пригодится», – думал он, орудуя ножом.

Настойчиво, несколько раз супруга звала в дом ужинать, наготовив всякой всячины, ей не терпелось порадовать вкусной едой своего добытчика.

Но он не спешил на её зов, решил закончить начатую работу.

Зайдя наконец в помещение, он, не раздеваясь, уселся на табурет. Вкратце рассказал супруге свои похождения,

в весёлых тонах изложил, как подкрадывался к добыче, стараясь при этом не вдаваться в тонкости охотничьего ремесла.

Разомлевший в тепле, долго раздевался, стаскивая промокший комбинезон и унты с ног. Есть не хотелось, но супруга настояла.

После ужина тепло домашнего очага расслабило его тело, и он рано лёг спать.

Засыпая, мыслями был на сегодняшней охоте. Умиротворённость и усталость быстро растворили все его воображаемые печальные промахи, глаза непринуждённо закрылись, и он погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Долгожданная рыбалка

Багряный, переливающийся красками диск солнца медленно уходил за горизонт, возникало ощущение, что оно скрывается за край земли, чтобы там отдохнуть в тишине, а наутро, с зарёй, выйти из укрытия и обрадовать человечество светом и теплом.

С вечера, сидя с братом в саду под яблонями и наблюдая дивную красоту уходящего дня, надумали сходить на следующий день на рыбалку.

Встали спозаранку, как и задумали, на улице было ещё темно, свет не стали включать в комнате и, чтобы не будить домочадцев, не спеша, без шума и суеты оделись, тихо прикрыв дверь, вышли во двор, по ходу захватили рюкзаки со снастями, заранее собранными ещё вчера с вечера, и двинулись к калитке.

Погода в это раннее утро порадовала нас: небо было ясным, без облаков, предрассветный небольшой лёгкий туман вился вдалеке над оврагом.

В небе, на востоке, появилась радужная окантовка, край которой закрывали деревья, росшие за двором, что досадливо мешало нам обзору первых утренних лучей. Воздух был настолько чист и свеж, что казалось, что мы находимся с братом высоко в горах.

Через несколько минут после того, как мы вышли на улицу, небосвод озарила лёгкая вспышка света, и по небу прокатилась радужная волна, изначально очень слабая, а потом, постепенно, всё светлее и ярче.

Заря сегодня по игре красок была неописуемо хороша. «Эти несколько минут восхода солнца запомнятся мне надолго», – подумалось мне.

Взвалив рюкзаки с зачехлёнными удочками на плечи, вдвоём с братом направились к реке, где вчера с вечера заблаговременно подготовили место для рыбалки, высыпав в воду недалеко от берега для приманки рыбы немного ячменного зерна.

Для насадки на крючок с собой взяли теста, куда будем добавлять анисовые капли и травку, купленную в аптеке, под замысловатым названием «любисток».

Результат от такой травы, со слов товарищей-рыболовов, всегда потрясающий, только запах от неё держится недолго, всего около часа.

Червей же решили накопать на месте, у реки.

Шли не торопясь, рассматривая красоты окрестных мест.

От реки, когда мы подошли к самой воде, повеяло прохладой, туман вблизи оказался почти прозрачным и уже начинал понемногу рассеиваться под первыми лучами солнца. Лёгкая дымка над водной гладью придавала видимость волшебных очертаний из сказки в виде летящих корабликов.

Остановившись в излюбленном месте, сняли рюкзаки, бросать их на мокрую от росы траву не решились, стало жалко, что всё промокнет, подложили под них заранее припасённую полиэтиленовую плёнку.

Выложив содержимое из рюкзаков, принялись со Славой – так зовут моего брата – не спеша колдовать со снастями; собрали удочки, вынув их из чехла, выставили длину поплавков, подготовили насадку и подкормку к предстоящей рыбалке.

У него получалась намного быстрее вся процедура подготовки, чем у меня, но понемногу, вспоминая, я справился.

У брата богатый опыт в рыбацком деле. Ещё мальчишкой он начал увлекаться рыбной ловлей. Прошло так много времени, а привязанность к таким вылазкам на природу стала ещё сильнее.

У меня же желание порыбачить появлялось редко, и ходил я на неё от случая к случаю.

Наконец разобрали все снасти и подготовили удочки, взяли подкормку и всё необходимое, разошлись по реке в разные стороны. Он пошёл по течению, а я чуть выше, вверх течения реки.

Пришлось огибать высокую траву, которая с избытком росла на берегу. Но подход к реке всё-таки нашёлся, и я удобно расположился у самой воды.

Я специально выбрал тихую заводь, где волны, которые накатывались друг на друга на середине реки, сюда не доходили. Заброшенный мной поплавок, тихо покачиваясь, остановился метрах в пяти-шести от берега.

Начались очень знакомые каждому рыболову минуты ожидания.

Но ожидание продлилось недолго, примерно через полчаса на воде произошло небольшое движение,

поплавок вдруг дёрнулся вправо, и я резким движением руки подсёк удилицем, предвкушая увидеть на крючке рыбу.

Но не тут-то было, скорее всего, поторопился с подсеканием леси и поэтому увидел только голый крючок.

«Червяка съели и с концами на глубину», – с разочарованием подумал я.

Пришлось на этот раз нанизать на крючок червя, предварительно, как учили в детстве, положил его на ладонь, а другой ладонью прихлопнул, но при этом хлопок был сделан так, чтобы не раздавить, а оглушить наживку, и только после этого начал её забрасывать в воду.

С предвкушением, что та хитрющая рыбка, которая сорвалась, ещё не так далеко уплыла и может позариться на свежий корм для неё, настороженно начал ожидать.

Время замерло. Казалось, что поплавок задремал и не хочет выходить из сонного состояния. Пришлось ещё долго ждать, и наконец произошла долгожданная поклёвка. Удилище дёрнулось, и поплавок мгновенно ушёл под воду, потом, показавшись на секунду, заскользил напрямик к кустам у берега.

Я начал осторожно, учитывая, что только что сорвалась первая рыба, и исправляя на ходу ошибки, подтягивать добычу к себе.

Удилище вытянулось дугой; боясь, что порвётся леска, начал понемногу отпускать её от себя, и она, совсем ослабнув, провисла над водой.

Пришлось сменить тактику – начал вести поплавок влево, помаленьку направляя его к берегу. Как всегда, в нужную минуту сачка под рукой не оказалось, он, скорее всего, по забывчивости остался у того места, где мы распаковывали снасти. «Обойдёмся без сачка», – успокоил я себя и стал всё уверенней подтаскивать рыбину к себе.

Понемногу осмелев, начал тянуть намного решительней, чем первые разы. Ещё чуть-чуть усилий, и улов был благополучно вытасчен на берег.

Это был судак, но небольшой, примерно триста-четыреста граммов. В реке он казался намного крупнее. Для меня, отвыкшего рыбачить, и такой улов был очень хорош.

К последующим поклёвкам я отнёсся более спокойно и меньше стал волноваться при виде уходящего под воду поплавка.

Солнце поднялось над горизонтом, и воздух вокруг начинал быстро прогреваться.

Решился попробовать свои силы на дальний заброс удочкой, надеясь, что на середине реки, где намного глубже, рыба будет ловиться большая. Недаром же говорится в пословице: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше».

Почти сразу, без труда, удалось сделать задуманное, поплавок мирно начал покачиваться вдалеке от берега, как парусная байдарка, которая так же раскачивается, если смотреть на неё с большого расстояния.

Но через некоторое время поплавок неумолимо начало сносить по течению. Проплывая мимо осоки, он замедлил на мгновение своё движение и резко ушёл под воду.

Как учили ещё в детстве, я быстро подсёк в противоположную сторону и начал тащить.

Леска натянулась, удилище изогнулось, и тут я с большой радостью почувствовал, что на крючке большая добыча.

Начал старательно тянуть в свою сторону и, как ни странно, выудил рыбу на этот раз без особых проблем, хотя очередной судак был граммов на четыреста

больше. «Да, так припекает солнце, что и рыба от жары становится вялая и меньше сопротивляется», – подумалось мне.

После удачно выловленных двух судаков потянулись минуты ожидания.

Настроение от удачного улова приподнялось, и я, наблюдая за удочками, прилёг.

Внезапно меня привлекло какое-то странное движение на воде ближе к противоположному берегу.

Сначала показалось, что плывёт коряга. Присмотревшись, понял: это утка со своим выводком. Со стороны было до боли мило и трогательно наблюдать её заботу о потомстве.

Мои размышления о природной гармонии прервал дёрнувшийся на воде поплавок; предварительно сильно качнувшись, он так же, как и в прошлый раз, быстро ушёл на глубину.

Не ожидая этого, я с большим опозданием подсёк, и, естественно, результат оказался плачевным: наживку опять скушали, а рыба ускользнула.

Время было уже полуденное, и солнце, развернувшись во всю красу, начало сильно припекать.

Ветра не было, и день, по всей вероятности, обещал быть очень жарким.

Забросив подальше от берега леску, я пошёл навещать брата.

Рассматривая его улов, понял, что по количеству пойманной рыбы брат намного опередил меня.

В садке у него увидел окуньков с ярко-красными плавниками, четыре щуки и даже язя. На его вопрос о моём улове я скромно ответил, что есть немного, на уху хватит. Сам виду не подал, что удивился большому количеству пойманной им рыбы.

Поговорили с ним немного про тонкости установки крючка и на какую глубину его лучше опускать сейчас в воду.

Индивидуальный подход в среде рыболовов очень ценился, и каждый старался найти свою изюминку в этом деле, у каждого был свой секрет как в налаживании снасти, так и в подкормке для рыбы.

Были так называемые свои профессора рыбной ловли, у которых с большим трудом приходилось выпытывать рыбацкие секреты.

Обсудили, с какой приманкой лучше ловится рыба, и пришли к выводу, что лучше привлекает рыбу запах травки любисток.

Я ему в подробностях рассказал про утку с утятами, он, оказывается, видел выводок ещё раньше меня и так же, как и я, был тронут увиденным.

Наговорившись, я вернулся к своей удочке. При сильном солнцепёке на реке наступило затишье, клёва не было. Всплыли в памяти детские вылазки на речку.

Воспоминания пощипывали за душу и настраивали на лирический и душевный лад.

Так и не дождавшись поклёвки («Скорее всего, её и не предвидится»), я решил заканчивать рыбачить.

Окликнул брата, мы издали посоветовались и решили, что нужно собираться домой.

Брат предложил наши уловы сложить в один сачок, сказав, что удобней будет нести. Но мне показалось, что он это сделал специально, чтобы было незаметно при возвращении, что я поймал меньше.

Молча согласившись, я ощутил душевное тепло от внимания брата, и мне стало приятно, что он так заботливо ко мне относится.

Собрали снасти и решили напоследок искупаться. Затем эта понравилась, и мы вдвоём ещё долго плескались, ныряли и переплывали на скорость реку.

В городе нечасто выбирались к водоёмам, а сегодня решили отвести душу, вволю накупаться.

С рыбалки возвращались уже под вечер.

Домой пришли, когда солнце уже клонилось к закату. Уловом остались довольны все домочадцы, даже кот Барсик, который, с благодарностью урча, долго ещё облизывался после большущей порции, которую добродушно положили ему в тарелку.

Настроение после интересно проведённого на рыбалке дня было чудесное.

Когда вся родня собралась, сели ужинать в беседке, на свежем воздухе. Солнце всё ниже скатывалось к горизонту, задевая деревья ярко-бордовым кругом, от которого воздух, если смотреть в сторону светила, будто покачивался на морских волнах.

За столом начали строить планы, всё прикидывали по времени, когда же можно будет сходить на следующую рыбалку.

В тихой, задушевной беседе слышались лёгкие нотки усталости от проведённого дня и удовлетворённости рыбалкой.

Так, за разговорами, постепенно стала наваливаться дрема.

Спать легли рано. Засыпая, мне вспомнились жизненные эпизоды. Всплыл в памяти случай из детства, когда брат начал тонуть в небольшой заводи, а я его спасал, неумело поддерживая над водой, толкая к берегу.

Эти спонтанно нахлынувшие воспоминания расслабили и так разморённое усталостью и ужином тело, и надвигающийся сон окончательно сморил меня...

Очаровательный восход из детства

Загорелся я всей душой понаблюдать ранний рассвет, как когда-то встречал его в далёком детстве.

Вспомнились летние каникулы, которые мы с удовольствием проводили у бабушки в деревне, где с большой радостью ходили со сверстниками на рыбалку, которая была неотъемлемой частью нашего летнего отдыха.

Очень часто, уйдя с вечера на речку с удочками, засиживались на берегу допоздна и, чтобы не ходить по темноте домой, оставались до утра.

После вечерней рыбалки обязательно готовили уху, пекли картошку на костре, вели душевные беседы буквально на все темы.

А утром, на ранней зорьке, когда только начинал брезжить рассвет, продолжали рыбачить, всегда возвращаясь домой с хорошим уловом.

Так что ощущения от наблюдения закатов и ранних утренних зорь мне были хорошо знакомы ещё со школьного возраста.

Решился окончательно: завтра встаю в три часа поутру и иду за город наблюдать восход.

Летом, в июне, восход солнца по календарю начинался около четырёх часов утра. Наступал природный период, когда были самые короткие по времени ночи и самые длинные по продолжительности дни.

Именно в это время наступал праздник – день Ивана Купалы. Очень древний праздничный обряд, про который нам в детстве рассказывали бабушки, а им, наверное, их бабушки.

Это празднование приходилось на летнее солнцестояние, на самую короткую ночь в году.

По преданию, в этот день все стихии активизируются, а солнце набирает мощь и становится в самом расцвете сил.

В Купальскую ночь, на празднике, все украшают себя травами, повязывают их на тело и опоясываются, а плетённые венки надевают на голову.

Трава на этих гуляниях являлась символом здорового и крепкого потомства, а также богатства.

Это народное действо проходило на Руси в давние-давние времена, а сейчас, в наши дни, красота и самобытность таких обрядов полностью забыта. В настоящее время мы видим это красивое представление только в фильмах и читаем описание этого народного праздника в книгах.

В намеченное время проснулся от звонка будильника. Встал легко, в ожидании интересного и давно позабытого утреннего чуда. Без промедления, быстро оделся и поспешил выйти на улицу. Оглядевшись, бодро направился к выбранному для наблюдения месту.

Возвышенность, куда я поспешал, находилась недалеко от реки Сосны, берега которой обрамлялись крутыми возвышенностями и густой растительностью: деревьями различных пород и густым кустарником.

Во время моего пути на небе начали происходить небольшие световые перемены перехода ночи в день.

Всю округу в раннем часе восхода солнца переполошило пение птиц. Просыпаясь, они, увеличивая громкость своего щебетания, старательно выводили свои концертные трели. Большая насыщенность зелёных насаждений в нашем городе наблюдалась во дворах, в сквериках и, естественно, в городских парках. Так что для пернатой живности было большое раздолье, и они

старались всюду показать своё вокальное мастерство, которое действительно впечатляло.

Пройдя два квартала – а часть пути пришлось идти через дворы, чтобы сократить расстояние, – я подошёл к реке.

Над зеркальной водной гладью клубилось беловатое облачко, не улетучиваясь, как обычно, а держалось буквально в метре над водой – перемещаясь к берегам, оно как будто дышало и казалось живым существом.

Туман придавал загадочность и волшебство, наплывающая и клубящаяся сверху по течению, создавал иллюзию парения над водой.

Небо посветлело, пение птиц усилило громкость своих трелей и буквально завораживало тонкостью исполнения.

«Наверное, такой птичий хоровод можно услышать только в очень ранние часы», – предположил я.

Солнца ещё не было видно, но яркие всполохи разноцветных оттенков начали уже опоясывать небосвод с восточной стороны.

Настал момент, когда лучи солнца неожиданно пронзили небо своими цветастыми стрелами. Хорошо, что тучи не закрывали небосвода и можно было беспрепятственно наблюдать все чудеса сегодняшнего утра.

Зрелище утреннего часа очаровывало – первые яркие лучи света коснулись не только небес, но и буквально всей пригородной окрестности.

Отблески лучей сверху, проходя через деревья, которые росли у самой реки внизу меня, светились разными цветами, отражаясь в воде.

Солнце тем временем показало оранжевую дугу с восточной стороны, и небосвод вспыхнул заревом в тысячу миллионов свечей.

Я, восхищаясь этим чудом, стоял, наблюдая, как быстро изменилась природа с появлением сияющего светила, и мои мысли в этот дивный момент были далеко, в далёком прошлом.

Детские воспоминания ещё раз коснулись меня мимолётно, как будто от этого чудесного великолепия внутри меня проснулась зрительная память. Недаром же говорят, что существует память слуховая, зрительная и даже вкусовая.

Столько прошло времени, а восприятие живописности утренней зари не изменилось. Картинка видения окружающего мира со временем наполнилась только более яркими красками, и восход всё так же, как и в детстве, завораживал и приносил радость и душевное спокойствие.

Насладившись сегодняшним чудесным утром и тёплыми воспоминаниями, я засобирался домой.

Такое яркое, эмоциональное начало дня предвещало мне хорошее настроение на долгие часы, а может, и дни.

Возвращаясь, прошёл через мостик; тумана уже не было, он испарился от солнечных лучей.

По самому краю реки волны игриво перекатывали прибившиеся к берегу ветки и листочки от них.

Прямо под мостом потоки воды, струясь через камни, зарождали мелкие водяные брызги, а солнечные лучи придавали им радужные оттенки.

Световая игра набегающих друг на друга волн создавала впечатление вспыхивающих небольших костерков на воде, покоряя своим изумительным видом.

Вволю насладившись утренней красотой, яркостью пленительного восхода, я в прекрасном настроении духа продолжил свой путь к своему дому, радостный и счастливый, как в те далёкие, далёкие времена детства...

Первый снег

Артёмка

Артёмка, проснувшись, огляделся по сторонам: в комнате было тихо, лишь с кухни доносился стук посуды. По квартире начал распространяться манящий запах пирожков.

Скорее всего, это бабушка пришла в гости, предположил он.

Обрадовавшись, не одеваясь, побежал на кухню, где и увидел свою любимую бабушку, стоящую у плиты.

– Бабуль, когда ты к нам пришла? – вскарабкиваясь на табурет, спросил Артёмка.

– Ещё вчера, но ты уже сопел под одеялом, – ответила бабушка, молча снимая его с табуретки и ведя за руку в ванную комнату к умывальнику.

Он послушно шёл, зная, что бабушка не оставит его в покое и всё равно придётся умываться и мыть с мылом руки. С неохотой поплескался немного под краном, помчался на кухню.

– А где мама с папой? – спросил он, надкусывая пирожок, ища с повидлом, так как знал, что бабушка всегда пекла их с разной начинкой.

Бабушка молча отодвинула тарелку с пирожками и придвинула ближе к нему приготовленную чашку с овсяной кашей.

– Они уехали по делам, будут к вечеру, так что ешь кашу, всё равно не отстану, – решительно проговорила она.

Пересиливая себя, Артёмка съел несколько ложек каши и, схватив наугад два пирожка, убежал в другую комнату.

– Бабушка, можно я посмотрю мультики? – попросил он, а сам уже включил телевизор, понимая, что бабушка ему никогда не откажет.

– Ты лучше выключи телевизор и собирайся на улицу, – входя в комнату, проговорила она, – там так много снега сегодня выпало, такая красотища во дворе.

Вскарабкавшись на табурет, он увидел из окна большие сугробы. Заметил Серёжку, одноклассника, тот старательно взбирался на снежную горку, волоча за собой санки.

Забыв о мультиках, Артёмка бросился к шкафу вытаскивать свои вещи.

– Да подожди же ты, непоседа, дай я хотя бы приберусь на кухне и одену тебя, – проговорила вдогонку бабушка. Но, увидев, что ждать он не собирается, начала доставать ему вещи потеплей.

Одевшись, схватив варежки и санки, он стремглав выскочил за дверь.

Выбежав из подъезда, помчался искать своего друга.

Тот, взгромоздившись на санки, застрял наверху сугроба и всё пытался спуститься вниз, но не мог сдвинуть их с места.

Артёмка, с трудом забравшись на верхушку снежной горы, начал помогать другу, толкая его в спину.

С большим трудом столкнув, сам сбежал следом, вывалившись весь в сугробе.

Они стояли внизу, все белые от снега, и, улыбаясь, смотрели друг на друга.

– Побежали на другую горку в соседний двор, – прокричал Серёжка. – Мишка рассказывал, что она в два раза больше, чем наша.

Мишка учился с ними в одном классе, и они часто играли вместе во дворе.

Взяв санки, помчались наперегонки за дом.

В соседнем дворе снежная горка действительно была намного выше и пришлась друзьям по душе. Наперегонки

они съезжали с неё, и не только на санках, а ещё на спине, на животе и друг на друге.

И так, наверное, продолжалось бы до вечера, но пришла бабушка Серёжки и забрала их домой, они жили рядом с Артёмкой, в одном доме, на одной площадке.

Со стороны было очень смешно видеть, как два маленьких человечка, все облепленные снегом, с неохотой идя за ручку с бабушкой, недовольно ворчали, не желая уходить с облюбованной ими горки.

Придя домой, Артёмка быстро сбросил свою мокрую одежду в прихожей, щёки его покраснелись на морозе, и он, возбуждённый прогулкой, долго ещё рассказывал бабушке, как они классно с Серёжкой съезжали с большой снежной горки.

Родители, приехав вечером, застали милую картину в спальне: их любимый сын лежал поперёк кровати с книжкой в руках и спокойно спал, посапывая.

Мама уложила своего «прилежного» ученика, накрыв его одеялом, в надежде, что завтра на уроке русского языка он на отлично расскажет домашнее задание своей любимой учительнице...

Скорость мысли

Какова же может быть скорость мысли?

Нам известно, что мысль представляет собой импульс, который проходит по нервным волокнам нашего тела, и скорость импульса можно измерить довольно точно.

Со слов учёных, нервный импульс движется примерно со скоростью двести пятьдесят километров в час.

Но это происходит внутри нас, от одного органа к другому!

Разные виды сигналов заставляют нас реагировать с различной скоростью. Мы быстрее реагируем на звук, чем на свет.

На яркий же свет быстрее, чем на тусклый, на красный цвет быстрее, чем на белый, а на что-то неприятное быстрее, чем на что-то приятное.

Поэтому скорость прохождения мысленных импульсов внутри у каждого человека немного разная. Поэтому некоторые люди гораздо быстрее других реагируют на какие-то определённые сигналы.

Но, повторюсь, это происходит внутри нас, а с какой же скоростью наши мысли уносятся на большие расстояния?

И если представить, что мы мысленно подумали о своём пребывании год назад в другой стране за тысячу километров, то о какой скорости мысли может здесь идти речь? Явно не о двухстах пятидесяти километрах в час.

Давайте просто пофантазируем и вообразим, что вы переноситесь за тысячи километров, в Бразилию, где были десять лет назад.

Это можно будет сделать в течение двух секунд, если воображение и яркость моментов у вас на высоте. И получается, что большие расстояния можно преодолевать за считанные секунды.

Мы много читали, особенно в детстве, о машинах времени, которые нас могли бы перенести на несколько лет или даже веков назад, а также в будущее, в определённо заданные годы.

А что же по поводу мысленного перенесения во времени никто не задумывался?

Очень многое, что написано писателями-фантастами, было по истечении какого-то времени воплощено в жизнь.

Например, в книге Жюль Верна «С Земли на Луну», изданной ещё в 1865 году, можно было прочесть о лунных

модулях, солнечных парусах и высадке человека на Луну. Эти предсказания известного писателя воплотились через сто лет.

Писатель-фантаст Артур Кларк в книге «Мир без проводов» за десятилетия до появления спутников уже писал о них.

А в 1897 году Герберт Уэллс написал книгу о человеке-невидимке, а сейчас изобретены стелс-самолёты, невидимые для радаров, метавещественный камуфляж, применяемый в военном деле, и много ещё чего фантастического для прошлых поколений.

Можно приводить много примеров, когда данные прорицаний и предположений дошли до нас через века.

А тема перенесения человека мыслями через время никогда не поднималась – быть может, и зря...

И если усиливать процессы воспоминания какими-либо химическими или же психологическими катализаторами, то вполне можно будет расширить восприятие давно минувших лет.

Скорее всего, нужно будет признать, что появится необходимость ограничиться только временным размером возраста человека, но, как вариант, можно было бы задуматься о возможных исследованиях в этих направлениях.

Все эти предположения о мысленных перемещениях, допустим, в наше детство, со всеми физическими ощущениями, выглядят на сегодня как в фантастических повестях Жюль Верна или же Герберта Уэллса, но как знать, как знать, что будет через сто лет...

Содержание

Стихи	3
Ливенских зорь отраженьё	5
Нам так не хочется свой возраст признавать	6
Жизни суета	7
Сентябрь	8
Разруха русских сёл и деревень	9
Жажда знаний	10
Года уйдут, но живы восприятия...	11
Чего бояться нам на старости subtilной	12
Ещё не осень, а лишь август на дворе	13
Нам странности в политике знакомы	14
Останутся пусть лишь воспоминанья	15
Смятения забудутся с утра	16
Лето	17
Внутри поют февральские метели	18
Проснётся и в душе наступит радость	19
Побагровели небеса, с востока...	20
Наши взоры	21
Жаром пылает повсюду округа	22
Когда устанем жить	23
Устои рушатся	24
Поверь	25

Возраст наш несёт воспоминанья	26
Дай Бог нам не просить	27
Судьбы удел – грядущего печали	28
Зачем бежим?..	29
Скрип петель	30
Обниму	31
Ветеранов с Победой	32
Мы жаждем тайну приоткрыть	33
Наш путь земной рассчитан на двоих	34
Прекрасен день, но воздух накалён...	35
Уйдут года...	36
Грядут большие перемены	37
Зарождение любви	38
По ночам часто грусть без причин...	39
Нам нужна Сплочённость	40
Мы ищем тайный, скрытый след...	41
Спасибо, жизнь	42
Бежим вслед за судьбой	43
Мысленная фантазмагория или творческая фантазия	44
Навеяло безмолвие печаль	45
Весеннее поздравление	46
За шагом шаг	47
Жизни проза	48
Как же время чрезмерно бежит!..	49
Мы ищем	50
Мы в пути	51
Твой облик	52
Нависли тучи	53
Жизнь – борьба	54
Сад притих...	55
Призрак отражений	56
Зима – предвестник всех чудес	56
Зима	58
Шёпот в ночи	59
Ветераны	60
Декабрь солиден	61
Я весь в мечтах	62
Пусть не гаснет свеча	63
Скажу возвышенно	64

Грустим немного	65
Всю печаль постараемся скрыть	66
Мы устали, наверно, с годами	67
Взъерошены раздетые леса	68
Предзимний снег посеребрит поля	69
Зачем беда пометила Донбасс?	70
На склоне лет	71
Нет настроений	72
В туманной дымке	73
Осень мыслит не так, как весна	74
Наступят времена замёрзших луж	75
День учителя	76
Душе собачьей	76
Загадочность миров	78
Жизнь	79
Рвётся к звёздам	80
Мерцает в небе...	81
Боль терзаний	82
По жнивью	83
В преддверии	84
Контрасты вдохновений	85
Согласись, откройся, улыбнись	86
Неотвратимость	86
Пришла пора	87
Нас не радует сильно успех	88
Воспоминанья	89
День Флота Российского	90
Пусть будет так	91
Быть ближе к красоте	92
Прильни в ночи	92
Озлобленность души	93
Так и живём	94
С теплом душевным	95
Грустные размышления	96
Свет Ливенских зорь	97
Заря	98
Лишь к старости...	98
Женские откровения	99
Только взгляд	100

Дни без зла	101
Ждёт Донбасс	102
Не позабыть	103
Ждали лучшего	104
Не лукавь	104
Сны	105
Май	106
Так и жили...	107
Один народ	108
Настанут дни...	108
Бездушие	109
Воспоминаний тень	110
Ласкает взор	111
Любовь не делится	112
Затихнет день	113
Находить и терять	114
Привиделось	115
Жизни ранки	115
Как в природе	116
Забыть нельзя	116
Весны начала	117
Время пришло	118
ПРОЗА	119
Лунное ожерелье	121
Часть 1. Подготовка к путешествию	121
Часть 2. Поездка в Крым	128
Часть 3. Посёлок Солнечный	132
Часть 4. Музей в посёлке Солнечном	143
Часть 5. Приключения в горах	148
Часть 6. Приключения в пещере	156
Часть 7. Сокровища	165
Часть 8. Возвращение в посёлок	174
Охота по первому снегу	189
Долгожданная рыбалка	199
Очаровательный восход из детства	207
Первый снег	211
Артёмка	211
Скорость мысли	213

16+

Литературно-художественное издание

Харипончук Александр Владимирович

ЛИВЕНСКИХ ЗОРЬ ОТРАЖЕНЬЕ

Стихи. Рассказы

Выпускающий редактор Т. Евтеева

Корректурa: А. Волотковская
Компьютерная верстка: Р. Сурин
Дизайн обложки: А. Горбачёв

Подписано в печать 16.12.2020
Формат 60х90/16
Бумага офсетная
Тираж 70 экз.

ООО «Издательство РСП»
127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1
Тел.: +7 (495) 215-14-25
www.izdat.ru

Родился в 1955 году в Орловской области, где живёт по сей день. Окончил Смоленский институт физической культуры и спорта. Основную часть жизненного пути посвятил детям, преподавая борьбу самбо и дзюдо.

Пишет с юношеских лет, а с 2017 года публикует книги с прозаическими и поэтическими произведениями. В своём творчестве член Российского союза писателей Александр Харипанчук затрагивает серьёзные темы, которые являются актуальными для всего современного общества. А ещё он всей душой любит живописные просторы родного края, которому посвящает много тёплых стихов и рассказов.

*По ночам часто грусть без причин
Тянет сильно нас в прошлые годы,
Журавлей белый вижу я клин
Да вдали в облаках небосводы...*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОГО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ